

2023 № 2

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2(24)
2023

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2023

2 (24)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов	А. С. Десницкий	Д. В. Микульский
А. Б. Алаев	А. Ю. Другов	Д. В. Мосяков
Ю. Г. Александров	Д. В. Дубровская	В. Н. Настич
А. К. Аликберов	А. О. Захаров	В. В. Наумкин
В. М. Алпатов	Т. А. Карасова	К. В. Орлова
С. Э. Бабкин	Е. Л. Катасонова	С. А. Панарин
А. Г. Белова	А. И. Кобзев	Н. И. Пригарина
В. Я. Белокреницкий	В. А. Кузнецов	Н. Г. Романова
С. А. Бурлак	Ю. В. Любимов	А. В. Сарабьев
А. В. Воронцов	Н. М. Мамедова	В. Н. Саутов
А. В. Демченко	С. Е. Малых	Т. А. Шаумян

Верстка текста и дизайн обложки номера

И. В. Федулов

На обложке: дворец Уджаянта в г. Агартала, штат Трипура, Индия, 2022. Автор фото: Румно Деббарма

© ФГБУН ИВ РАН, 2023

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук

107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2023

2 (24)

Published quarterly

Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov	A. S. Desnitskiy	D. V. Mikulskiy
L. B. Alaev	A. Y. Drugov	D. V. Mosyakov
Y. G. Aleksandrov	D. V. Dubrovskaya	V. N. Nastich
A. K. Alikberov	A. O. Zakharov	V. V. Naumkin
V. M. Alpatov	T. A. Karasova	K. V. Orlova
S. E. Babkin	E. L. Katasonova	S. A. Panarin
A. G. Belova	A. I. Kobzev	N. I. Prigarina
V. Y. Belokrenitsky	V. A. Kuznetsov	N. G. Romanova
S. A. Burlak	Y. V. Lyubimov	A. V. Sarabyev
A. V. Vorontsov	N. M. Mamedova	V. N. Sautov
A. V. Demchenko	S. E. Malykh	T. L. Shaumian

Design text and cover

Ilya Fedulov

On the cover: Ujjayanta Palace, Agartala, Tripura. India, 2022. Foto by Rumio Debbarma

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2023

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Н. В. Лаврентьев.* Первые царские сыновья Купа и их предшественники 10

Научный дебют

- М. Ю. Кондратьева.* Влияние действий посланника Резанова на исход посольской миссии
и на последующие события в российско-японских отношениях 22
- Т. Н. Загородникова.* Русский композитор и индийский махараджа 31

ПОЛИТИКА

- А. Б. Графов.* Тайваньский кризис с точки зрения переговорной модели войны 37
- S. O. Idabosa, S. I. Ikbidero, B. C. Egesi.* Strategy for Defeating Terrorism
in Nigeria and the Sahel 54

ФИЛОЛОГИЯ

- Т. Г. Погибенко.* Лексический комплекс в кхмерском языке:
«излишняя многословность» или работа над смыслом? 70
- С. В. Прожогина.* Автопортрет в экстерьере
(эссе о последней книге Мухаммеда Диба) 81
- А. А. Васильева.* Выдающийся филолог Индии Ш. Р. Фаруки 95

ЭКОНОМИКА И СОЦИУМ

- П. П. Лебедева.* «Нестандартные» японцы 106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. Р. Зарипова.* Трипура: полевые исследования в штате Северо-Восточной Индии 117
- В. В. Прудников.* Второй международный сельджукский
историко-географический симпозиум: Иран
(II. Uluslararası Selçuklu Tarihi Coğrafyası İran Sempozyumu), 13–15 октября 2022 г. 131

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- Н. З. Мосаки.* К 100-летию Нафтулы Ароновича Халфина
(научная деятельность в 1971–1987 гг.). Статья вторая 136

Список трудов к.э.н. А. П. Мурановой к 95-летию со дня рождения и 65-летию работы в Институте востоковедения РАН	157
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Н. М. Горбунова.</i> Рецензия на коллективную монографию «Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции»	161
--	-----

CONTENTS

HISTORY

- N. V. Lavrentyev.* First King's Sons of Kush and Their Predecessors 10

Academic Debut

- M. Yu. Kondratyeva.* The Influence of the Envoy Rezanov's Actions on the Outcome of the Embassy Mission and the Subsequent Events in Russo-Japanese Relations 22
- T. N. Zagorodnikova.* Russian Composer and Indian Maharaja 31

POLITICS

- D. B. Grafov.* Taiwan Crisis Analyzed from the Perspectives of the «Bargaining of War» Theory 37
- S. O. Idabosa, S. I. Ikbidero, B. C. Egesi.* Strategy for Defeating Terrorism in Nigeria and the Sahel 54

PHILOLOGY

- T. G. Pogibenko.* Lexical Complex in Khmer: «Unnecessary Verbosity» or Elaboration of Meaning? 70
- S. V. Projogina.* A Self-Portrait in Exterior (an Essay on the Last Book of Mohammed Dib) 81
- L. A. Vasilyeva.* The Outstanding Philologist of India, S. R. Faruqi 95

ECONOMY AND SOCIETY

- I. P. Lebedeva.* The «Non-Standard» Japanese 106

ACADEMIC LIFE

- L. R. Zaripova.* Fieldwork in Northeast India: the State of Tripura 117
- V. V. Prudnikov.* Second International Seljuk Historical and Geographical Symposium: Iran (II. Uluslararası Selçuklu Tarihi Coğrafyası İran Sempozyumu), October 13–15, 2022 131

FROM THE HISTORY OF ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA

- N. Z. Mossaki.* On the Centenary of Naftula Aronovich Khalfin (academic activity in 1971–1987). Part II. 136

The List of Works by Dr. A. P. Muranova. Commemorating her 95 th Anniversary and 65 Years of Work in the Institute of Oriental Studies	157
--	-----

REVIEWS

<i>N. M. Gorbunova</i> . Review of the Volume «The Struggle for Eastern Mediterranean: Interests and Ambitions»	161
--	-----

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-010-021

ПЕРВЫЕ ЦАРСКИЕ СЫНОВЬЯ КУША И ИХ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

© 2023

Н. В. Лаврентьев¹

В данной статье рассматривается происхождение должности наместника Нубии — чиновника, осуществлявшего управление покоренными египтянами южных земель. Автор выявляет причину назначения управителей чужеземных стран юга титулом *z3 nsw* — «царский сын» и пытается выяснить, кто был первым «царским сыном», управлявшим завоеванными южными областями.

В работе проанализирована эволюция развития титула *z3 nsw* с эпохи Древнего царства до конца II Переходного периода. Были выявлены чиновники, которых наделяли почетным титулом «царский сын» за их выдающиеся заслуги, а также чтобы подчеркнуть особую важность занимаемой ими должности. В эпоху II Переходного периода появляются военные чиновники с титулом *z3 nsw*. Их задачей было командование войсками наиболее стратегически важных крепостей и районов фиванских правителей. Также военные с данным титулом командовали особыми элитными подразделениями. Во время войн Камоса и Яхмоса против царства Куш на юге появились царские сыновья, которые вели боевые действия против кушитов — Тети и Джхути. Надписи с их именами и титулами были обнаружены на скалах Арминны в районе Анибы. Исследуя связь титула *z3 nsw* с военными полномочиями отдельных командиров, автор приходит к выводу, что Тети и Джхути были военачальниками элитных подразделений маджаев, которые в эпоху войны с гиксосами базировались в Анибе. Продолжая войны против кушитов, преемники Тети и Джхути наследуют и их титул, к которому впоследствии добавляется особый титул *imy-r h's.wt rs.yt* — «распорядитель чужеземных стран юга». Чиновники с титулом *z3 nsw imy-r h's.wt rs.yt* становятся наместниками завоеванных территорий. По мере развития аппарата управления распорядители чужеземных стран юга в эпоху фараона Тутмоса IV получают окончательную формулировку своего титула — *z3 nsw n K3š* — «царский сын Куша».

Ключевые слова: царский сын, военачальник, Куш, надписи, Нубия, управление, комендант, титул

Для цитирования: Лаврентьев Н. В. Первые царские сыновья Куша и их предшественники. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 2. С. 10–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-010-021

THE FIRST KING'S SONS OF KUSH AND THEIR PREDECESSORS

Nikolay V. Lavrentyev

This article examines the origin of the position of governor of Nubia — an official who administered the conquered Egyptians of the southern lands. The author reveals the reason for giving the governors of foreign countries of the south the title *z3 nsw* — «king's son» and tries to find out who was the first «king's son» who ruled the conquered southern regions.

¹ Лаврентьев Николай Вадимович, лаборант-исследователь Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН, Москва; nikollo12@mail.ru

Nikolay V. Lavrentyev, laborant-researcher of the Department History and Culture of Ancient Orient, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nikollo12@mail.ru

The paper analyzed the evolution of the title *z3 nsw* from the Ancient Kingdom to the end of the II Intermediate period. The officials with the honorary title «king's son» for their outstanding achievements, as well as to emphasize the special importance of the position they hold, were revealed. In the II Intermediate period, military officials with the title *z3 nsw* appear. Their mission was to command the troops of the most strategically important fortresses and districts of the Theban rulers. Also, military commanders with this title commanded special elite units. During the wars of Kamos and Ahmose against the kingdom of Kush in the south, king's sons appear who fought against the Kushites — Teti and Djhuti. Inscriptions with their names and titles were found on the rocks of Armina East in the Aniba area. Investigating the connection of the title *z3 nsw* with the military powers of individual commanders, the author comes to the conclusion that Teti and Djhuti were military leaders of elite Majai units that were based in Aniba during the period of the war with the Hyksos. Continuing the wars against the Kushites, the successors of Teti and Djhuti inherit their title, to which they subsequently add the new title *imy-r ḥꜥs.wt rs.yt* — «the ruler of the foreign countries of the south.» Officials with the title *z3 nsw imy-r ḥꜥs.wt rs.yt* become viceroys of the conquered territories. As the administrative apparatus develops, the administrators of the foreign countries of the south, in the period of pharaoh Thutmose IV, receive the final formulation of their title — *z3 nsw n K3š* — «king's son of Kush».

Keywords: King's son, general, Kush, inscriptions, Nubia, administration, commandant, title

For citation: Lavrentyev N. V. First King's Sons of Kush and Their Predecessors. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 2. Pp. 10–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-010-021

Цель данной статьи — выявить причину наделения наместников Нубии титулом *z3 nsw* («царский сын»), определить их полномочия и предпринять попытку выяснить, кто был первым «царским сыном Куша». Данные вопросы, хотя и поднимались в специальной литературе, остаются в настоящее время спорными.

Причиной усиленного внимания к организации управления завоеванной территории Нубии было, безусловно, ее экономическое и стратегическое значение. Должность наместника Нубии — управляющего завоеванными южными территориями была введена в эпоху Нового царства. До правления Тутмоса IV чиновник, исполняющий обязанности египетской администрации в покоренных территориях, носил титул *z3 nsw imy-r ḥꜥs.wt rs.yt* — «цар-

ский сын, распорядитель чужеземных стран юга»². Постепенно, по мере продвижения египтян дальше на юг, они присоединяли все новые территории Куша. При этом административный аппарат управляющих завоеванными южными землями постоянно менялся и трансформировался [Redford, 2004, p. 41]. При Тутмосе IV в титуле появляется географическое название *z3 nsw n K3š* — «царский сын Куша» [Белова, 1978, с. 156], которое сохраня-

ется за царским наместником Куша до конца египетского владычества над этой территорией.

Происхождение и характер должности царского сына Куша в первой половине прошлого века привлекли внимание исследователей. Так, Г. Готье настаивал на царском происхождении первых наместников Нубии, бывших, по его мнению, ближайшими родственниками первых правителей фиванской XVIII династии [Gauthier, 1921, p. 183]. Ему возразил Л. Хабачи — в своей работе о первых царских сыновьях Куша он отметил их нецарское происхождение [Habachi, 1959, с. 47]. На сегодняшний день уже окончательно стало очевидно, что царские сыновья Куша, несмотря на свой титул, не происходили от правящей династии, а были назначены из столицы для контроля над Нубией [Muller, 2013, p. 101]. Это подтверждается еще и тем, что

² Первым чиновником с таким титулом был Яхмос Сатаит: [Muller, 2013, p. 101].

на пост наместника назначали разных людей, ранее занимавших другие должности и не имевших родителей царского происхождения³.

Тем не менее, до сих пор неясно, кого именно следует считать первым царским сыном Куша (распорядителем покоренных южных земель, а именно Нубии). Согласно Дж. Райснеру, это Яхмос Тур, современник царей Аменхотепа I и Тутмоса I [Reisner, 1920, p. 29].

А. Хабачи на основании анализа надписи на статуе писца храма Амона Тети считает первым царским сыном Куша прадеда владельца статуи, Яхмоса Сатаита, который носит титулы *z3 nsw imy-r ḥ3sw.t rsy.t* [Habachi, 1959, p. 47].

Б. Шмитц, так же как и Дж. Райснер, считает, что первым наместником Нубии следует называть Яхмоса Тура. По ее мнению, упоминание Яхмоса Сатаита на памятнике его правнука с титулом *z3 nsw imy-r ḥ3sw.t rsy.t* — не более чем преувеличение, дабы восславить своего предка, т. к. нет других источников, в которых бы Яхмос Сатаит фигурировал именно в этой роли [Schmitz, 1976, p. 269].

Однако в списке И. Мюллера на первом месте все же значится Яхмос Сатаит, учитывая его развернутую титулатуру на статуе правнука [Muller, 2013, p. 101].

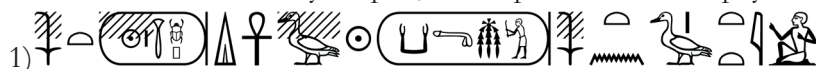
В целом исследователи мало уделяли внимания первым трем царским сыновьям, имеющим отношение к Нубии, — Тети, Джхути, Яхмосу Сатаиту, из-за отсутствия данных [Wacs, 2010, p. 412]. Так или иначе, Яхмос Сатаит является первым чиновником среди египетской администрации Куша, носившим титул *z3 nsw imy-r ḥ3sw.t rsy.t*, хотя о характере его полномочий, а также деятельности нам практически ничего не известно.

Проблема царских сыновей Куша тесно связана с надписями на скалах из Тошки, в которых фигурируют два новых «царских сына»⁴.

Сами надписи были оставлены на поверхности скал Восточной Арминны. Первая группа надписей была найдена и сфотографирована А. Вейгаллом в 1907 году, однако затем была утрачена из-за повышения уровня воды [Simpson, 1963, p. 34].

Вторая группа надписей, которая и рассматривается в данной статье, была обнаружена экспедицией У. Симпсона в 1962 году. По мнению У. Симпсона, эта группа надписей располагается на расстоянии одного километра к югу от тех, которые нашел А. Вейгалл [Simpson, 1963, p. 34].

Надпись состоит из двух строк, в которых имеются картуши Камоса и Яхмоса⁵:

Nsw-(bity) w3d-hpr-r di ḥnh z3 r K3-ms-nḥt z3 nsw tti

Царь Верхнего и (Нижнего) Египта Уаджхеперра, которому дана жизнь, сын Ра, Камос. Царский сын Тети.

[nsw-bity] Nb-pḥt.y-[r] di ḥnh z3 r i3ḥ-ms z3 [n]sw dḥwt.y

[Царь Верхнего и Нижнего Египта] Небпехтира, которому дана жизнь, сын [Ра], Яхмос. Царский сын Джхути.

³ Например, Сени, начавший свою карьеру до того, как его назначили наместником в Нубию: [Muller, 2013, p. 104].

⁴ Фотографии впервые были опубликованы А. Вейгаллом: [Weigall, 1907, p. 127, pl. 65], а затем У. Симпсоном: [Simpson, 1963, p. 34–46, fig. 27, pl. XVIIIb].

⁵ Иероглифический текст воспроизведен по изданию: [Simpson, 1963, fig. 27].

Согласно этой надписи, очевидно, что царские сыновья Куша появляются уже в правлении Яхмоса и Камоса. Именно эти фараоны предпринимают первые походы в Нубию, чтобы вернуть утраченные территории. Видимо, для удержания вновь завоеванных южных областей уже при Камосе был назначен новый чиновник, наделенный специальными полномочиями, и, согласно надписям, это был Тети. Получается, что первым наместником был не Яхмос Сатаит и что до него этот пост занимали Тети при Камосе и Джхути при Яхмосе, а сама должность царского сына Куша появляется в конце II Переходного периода.

Следует сказать, что в тексте не зафиксированы дополнительные воинские звания царских сыновей Тети и Джхути. Тем не менее, совершенно очевидно, что они имели прямое отношение к военным действиям против кушитов.

Фараон Камос за время своего короткого правления предпринимает поход в Нубию, где, судя по всему, ему удастся продвинуться вплоть до 2-го порога Нила и занять Бухен. Однако ему не удастся надолго закрепиться в этом регионе — кушиты вновь отвоевывают территории Нижней Нубии [Ryholt, 1997, p. 181]. Поэтому преемник Камоса — Яхмос продолжает вести боевые действия против кушитов и вновь завоевывает Бухен.

Бухен был крупным опорным пунктом египтян в Нубии еще со времен Древнего царства и мог послужить хорошей базой для дальнейшего продвижения войск фиванцев в Нубию. Пока это не было реализовано и область Вавата переходила из рук в руки в ходе войны Камоса, а затем Яхмоса против гиксосов и кушитов, оперативной базой для египтян могло быть другое поселение, находящееся к северу от Вади-Хальфа. Таким поселением как раз и могла стать Аниба, недалеко от которой и были найдены надписи Тети и Джхути [Simpson, 1963, p. 34].

Восточная Арминна располагается рядом с крепостью Аниба, которая в период Нового царства становится резиденцией царских сыновей Куша, а затем местом администрации области Вават — одной из двух префектур, на которые делятся завоеванные области Нубии [Muller, 2013, p. 108]. Получается, Аниба могла стать временным центром и базой для царских сыновей Тети и Джхути, действовавших в Нубии. Надписи, оставленные ими, лишь подтверждают эту гипотезу.

Именно в районе Анибы и Топки обнаружены захоронения культуры Pan-grave, носителями которой были племена маджаев [Williams, 2013, p. 5]. Как известно, маджаи сыграли ключевую роль в войнах Камоса. Видимо, в районе Анибы были расположены их оперативные лагеря, откуда маджаи под командованием египтян совершали походы против крепостей 2-го порога Нила [Ryholt, 1997, p. 179].

Однако по поводу данных надписей мнения исследователей неоднозначны. Так, У. Симпсон считает Тети и Джхути царскими сыновьями Куша [Simpson, 1963, p. 34].

А. Хабачи ставил под сомнение принадлежность этих чиновников к наместничеству покоренных южных земель (Нубии) [Habachi, 1980, p. 630]. Б. Шмитц согласна с тем, что Тети и Джхути были командирами военных отрядов и обладали титулом *z3 nsw*, однако, как она считает, не были при этом наместниками захваченных на юге территорий [Schmitz, 1976, p. 270].

И. Мюллер не включает в свой список царских сыновей Тети и Джхути со ссылкой на список А. Хабачи [Muller, 2013, Tab. 2.1].

К. Рихольт в своей работе затрагивает проблему царских сыновей Тети и Джхути и считает их сыновьями или братьями фараона Камоса. В качестве одного из доводов в пользу этой гипотезы он приводит отсутствие развернутой формулы *z3 nsw imy-r h3sw.t rsy.t*. Тети и Джхути фигурируют в надписи только с титулом *z3 nsw*, а значит, по его мнению, могут являться сыновьями реального правителя [Ryholt, 1997, p. 273].

На мой взгляд, в данном вопросе надо обратить внимание на значение титула *z3 nsw* в рассматриваемый период и сравнить его упоминания в других источниках.

Словосочетание *z3 nsw* — «царский сын» обозначало не только родственные связи, но и почетный титул уже в период Древнего царства, а именно в конце эпохи IV династии [Baud, 1999, p. 172]. Этот титул не был наследственным и присваивался определенным должностным лицам, чья деятельность была крайне важна, например чати и начальникам царских работ [Baud, 1999, p. 174].

Так, вельможа Нианхра, занимавший пост *imy-r k3t nb.t nt nsw* — начальник всех царских работ в начале V династии, также имел и титул *z3 nsw*, при этом не являясь членом царской семьи [Strudwick, 1985, p. 102]. С титулом *z3 nsw* нецарского происхождения известны также начальники всех царских работ конца V династии: Каимчененет [Strudwick, 1985, p. 146] и Анхисеси [Strudwick, 1985, p. 71]. Последние двое, по мнению Н. Страдвика, были отцом и сыном соответственно, на что указывает идентичность списков их титулатур и близкое расположение гробниц [Strudwick, 1985, p. 71].

Носителями титула *z3 nsw* в Древнем царстве были также и *Byti z3b Bty* — чати (высшие должностные лица в египетской администрации). Так, при царе Ниусерра (V династия) чати был царский сын Птахшепсес, однако наличие у него титула *z3 nsw* можно также объяснить и тем, что он был женат на дочери царя Хамерернебти [Strudwick, 1985, p. 89]. Были также чати — носители титула *z3 nsw*, не имевшие связи с царским домом. Например, чати эпохи царствования Пиопи I (VI династия), Меритети [Strudwick, 1985, 97]. Практически все чати, начиная с IV династии, имели титул *z3 nsw*, но если в период IV династии это в основном члены царской фамилии, то, начиная с V династии, чати становятся люди, не имеющие родственных связей с правящей династией. Титул *z3 nsw* — царский сын, по мнению Н. Страдвика, символизирует особое расположение царя к отличившемуся чиновнику [Strudwick, 1985, p. 313].

Дополнительные функции обладателей титула *z3 nsw* в эпоху Среднего царства и во II Переходном периоде⁶ подробно исследует в своей работе Б. Шмитц.

В период Среднего царства, а именно XII династии, сохранилось мало источников о царских сыновьях. Причем как о носителях титула *z3 nsw*, так и о принцах царской династии в целом [Schmitz, 1976, p. 184]. Чиновники с титулом *z3 nsw* начинают снова появляться примерно в период XIII династии. Однако они уже не занимают таких важных должностей, как их предшественники в Древнем царстве. Например, известен чиновник Иби, носящий титул

z3 nsw k — «царский сын с правом входа» [Daressy, 1917, p. 238]. Судя по его титулу *hri-hb tpi n hr bhd.t* — «верховный жрец Хора Бехдетского», Иби был задействован в религиозной сфере [Schmitz, 1976, p. 229]. Также известны царские сыновья Беби и Себекхотеп, которые носили титул *r Nhn* — уста Нехена⁷.

Б. Шмитц отмечает, что во II Переходный период помимо чиновников с титулом *z3 nsw*, выполнявших гражданские и религиозные функции, появляются царские сыновья, которые отвечают за военную службу и командуют отдельными подразделениями [Schmitz, 1976, p. 246]. Так, Б. Шмитц выделяет группу царских сыновей, наделенных военными полномочиями: это

⁶ В своей работе я использую порядок династий и правителей II Переходного периода, принятый К. Рихольтом: [Ryholt, 1997].

⁷ Ilin-Tomich A. Persons and Names of The Middle Kingdom. 12.01.2022. URL: PERSONS AND NAMES OF THE MIDDLE KIN Cairo JE 43599 | Persons and Names of the Middle Kingdom (uni-mainz.de) (дата обращения: 12.07.2022).

командующие крепостями либо особыми подразделениями, которые должны были защищать стратегически важные области [Schmitz, 1976, p. 255].

Одним из самых известных начальников крепостей является царский сын *Kinn*

(Кинен). Он фигурирует в декрете царя XVII династии Нубхеперра Антефа VII в Коптосе. Царь перечисляет в своем указе всех должностных лиц города, в числе которых упомянут и Кинен, он назван сразу после правителя города Минемхата. Кинен обладает титулом: [Petrie, 1896, pl. 8], — *z3 nsw tsw n Kbt.iw Kinn* — царский сын, военачальник Коптоса.

В данном сочетании на первом месте следует титул — «царский сын», обозначающий чрезвычайную важность должностей военачальника и его подотчетность царю. Далее идет уточнение военных полномочий царского сына, это *tsw n Kbt.iw* — военачальник Коптоса.

Титул *z3 nsw*, а также упоминание Кинена в одном ряду с городскими магистратами говорит о том, что во II Переходный период военачальники с титулом «царский сын» подчинялись царю напрямую, минуя чати и других вышестоящих чиновников. По мнению Б. Шмитц, наличие имени и титула Кинена в списке должностных лиц Коптоса говорит о его особом статусе как военачальника [Schmitz, 1976, p. 247]. Следует подчеркнуть важное значение должности коменданта Коптоса и воинских подразделений, находящихся в городе и его окрестностях, т. к. царь отдельно обращается и к армии:

 [Petrie, 1896, pl. 8], — *htm-bity n Kbt.iw Min-m-h3.t z3 nsw n Kbt.iw Kinn htm-bity Mnḥ-Min sš ḥw.t-ntr Nfr-ḥtp mš^c r dr.f n Kbt.iw* — Казначей Нижнего Египта, хати-а Коптоса Минемхату, царскому сыну, коменданту Коптоса Кинену, казначею Нижнего Египта Менехмину, писцу храма Неферхотефу, всему войску Коптоса.

Коптос находился вблизи северной границы территории, подконтрольной фиванским царям. Более того, от него шла дорога на Вади-Хаммамат, что делало этот город стратегически важным во все периоды египетской истории и, в частности, при XVII династии. Отсюда понятно, что город и область Коптоса защищали войска под командованием особого военачальника, но этот военачальник был «царским сыном», подчиняющимся только царю.

Стела II Переходного периода дает данные об еще одном царском сыне, коменданте крепости *hnsu-m-w3st* Хонсумасете. Стела из известняка была най-

дена в Тель Эдфу в 1908 г. итальянским археологом А. Барсанти. На момент обнаружения она была разбита, А. Барсанти сумел найти и соединить 15 фрагментов стелы. Согласно отчету, стела достигала 85 см в высоту и 60 см в ширину, ныне она хранится в Каирском музее⁸. В первых строках стелы содержится имя правящего царя: ⁹ *dd-ḥtp-r^c didi-ms* —

Джед-хотеп-ра Дидимос. К. Рихольт помещает этого фараона в список царей XVI династии, однако затрудняется дать ему более или менее точную датировку, т. к. Дидимос не упомянут в Туринском царском списке [Ryholt, 1997, p. 158]. Тем не менее К. Рихольт объединяет его

⁸ Стела опубликована А. Барсанти: [Barsanti, 1908, p. 1].

⁹ Stele Kairo J.d'E. 38917.

и царей с похожими именами, таких как Дидимос Джеднеферра и Монтумсафа, в отдельную группу XVI династии, которая могла оказаться в лакуне Туринского царского списка, при этом допуская, что названные цари могли принадлежать и XVII династии [Ryholt, 1997, p. 160].

Таким образом, стела Хонсумасета может датироваться временем XVI–XVII династий. Нас же интересует титул владельца памятника:

[...] — царский сын, комендант [...].

Графема D36 служит детерминативом к слову *tzw*, а не принадлежит к названию

поселения после звания коменданта. Например, в декрете Антефа VII в Коптосе —

Tzw: [Petrie, 1896, pl. 8]. Отличие графем D40 и D36 в данных источниках, по моему

мнению, можно объяснить тем, что писцы часто изображали их на частных стелах, беря за основу D36, а также заменяя ею другие варианты этой графемы.

После титула коменданта идет название крепости на следующей строке, однако эта часть стелы утеряна, сохранился лишь детерминатив *n* в конце названия топонима. Данная гра-

фема, по моему мнению, может быть относительным прилагательным *n* [Wb II, 1971,

p. 212: 8–11].

Совершенно очевидно, что Хонсумасет был начальником гарнизона стратегически важной крепости, название которой не сохранилось. Б. Шмитц предполагает, что это Эдфу [Schmitz, 1976, p. 236].

А. Ильин-Томич восстанавливает название крепости, которой командовал Хонсумасет, как *db3* — Эдфу¹¹.

Действительно, перед титулом и именем владельца стелы, в конце жертвенной формулы упоминается Эдфу:

«...приходящей на алтарь владыки Эдфу для ка царского сына, коменданта [...] Хонсумасета».

Если принять во внимание, что стела была найдена в Эдфу, то мнение Б. Шмитц и восстановление А. Ильина-Томича позиции Хонсумасета как командира гарнизона в Эдфу выглядят вполне убедительно.

В качестве коменданта крепости упоминается еще один царский сын. В гробнице правителя *Bbi* (Беби) в Эль Кабе упоминается его зять, царский сын Монтунахт. Надпись была сильно повреждена уже на тот момент, когда ее обнаружил и зафиксировал К. Р. Лепсиус

¹⁰ Stele Kairo J.d'E. 38917.

¹¹ Il'in-Tomich A. Persons and Names of The Middle Kingdom. 12.01.2022. URL: <https://pnm.uni-mainz.de/3/title/990> (дата обращения: 20.07.2022). *ts.w n Db'* | Persons and Names of the Middle Kingdom (uni-mainz.de).

¹² Stele Kairo J.d'E. 38917.

Однако титулом *z3 nsw* — «царский сын» во II Переходном периоде обладали не только коменданты крепостей, но и командующие отдельными военными подразделениями.

Так, в стеле, найденной в храме Осириса в Абидосе, фигурирует имя еще одного царского сына эпохи II Переходного периода:

nsw hry-pd.t nht — царский сын, начальник лучников Нахт.

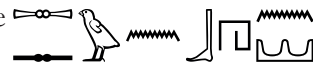
В данном случае после титула *z3 nsw* идет воинское звание «начальник лучников» [Faulkner, 1953, p. 45]. Р. Фолкнер относит это звание к высшим из офицерского ранга, приравнивая к должности «капитана подразделения». При этом он уточняет, что *hry-pd.t* может также быть «бригадным генералом», если переводить значение термина на современную военную терминологию [Faulkner, 1953, p. 45]. Помимо бригадных соединений, *hry-pd.t* также мог командовать крепостями [Faulkner, 1953, p. 46]. Б. Шмитц, в свою очередь, считает, что положение *hry-pd.t* ненамного ниже, чем у носителей титула *imy-r mš^c wr*, приравненного к значению «генералиссимус» [Schmitz, 1976, p. 243]¹⁴.

Видимо, Нахт был командиром крупного военного соединения либо элитного подразделения, из-за чего и стал обладателем титула *z3 nsw*. Примечательно, что звание *hry-pd.t* не прослеживается раньше II Переходного периода. В обширном собрании Д. Джонса титулов Древнего царства военный титул *hry-pd.t* не встречается [Jones, 2000]. У. Вард в своем труде приводит только один случай, когда был зафиксирован данный титул, — в стеле Нахта [Ward, 1982, p. 118, № 991]. По сути, Нахт был первым носителем этой должности. Возможно, именно поэтому ему был дарован титул *z3 nsw*.

Вышеизложенные факты говорят о том, что, скорее всего, Тети и Джхути, будучи носителями титула *z3 nsw*, были командирами войск, верных фиванским царям, которые базировались в районе Анибы и состояли в основном из маджаев.

Согласно списку И. Мюллера, первым царским сыном был Яхмос Сатант, занимавший пост наместника Нубии при царях Яхмосе и Аменхотепе I [Muller, 2013, p. 101]. В отличие от Тети и Джхути, Яхмос Сатант помимо титула *z3 nsw* обладал должностью *imy-r h3sw.t rsy.t* — «распорядитель чужеземных стран юга» [Muller, 2013, p. 101]. К сожалению, больше никаких титулов и званий в упоминаниях о первом официальном наместнике Нубии не сохранилось.

Следующим царским сыном Куша был сын Яхмоса Сатанта — Яхмос Тур, занимавший этот пост весь период правления Аменхотепа I и первые три года правления Тутмоса I [Muller, 2013, p. 102]. Помимо титула *z3 nsw imy-r h3sw.t rsy.t*, Яхмос Тур имел звание

tsw n Bhn — комендант Бухена [Muller, 2013, p. 102]. Как было указано выше, титул *Tsw*, за которым следует топоним, имели многие царские сыновья, будучи военачальниками.

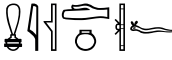

Первые царские сыновья Куша при XVIII династии курировали подразделения маджаев. Причем с их точки зрения эта обязанность была значима, т. к. они упоминают об этом на своих памятниках.

Так, на пьедестале статуи царского сына Яхмоса Тура указано, что он инспектирует подразделения маджаев:

р. 49] *sip.n.f m3d3y.w mi kd f n 3.t n 3b3* — Проверил он маджаев, подобно образу его [Hannig II, p. 1030] величия [Hannig II, 2006, p. 479] и умения [Wb. I, 1971, p. 177: 5–6].

¹⁴ Тем не менее, если придерживаться терминологии Р. Фолкнера, звание «генералиссимуса» все-таки намного выше, чем *hry-pd.t*: [Faulkner, 1953, p. 43].

Словосочетание *mi ḳd.f* имеет значение «подобно образу его» [Hannig II, 2006, р. 1030]. После *mi ḳd* идет фраза *n ʕ3.t* — «из-за величия» [Hannig II, 2006, р. 479]. Далее идет еще одно словосочетание *n ʕb3* — «умение» [Wb. I, 1971, р. 177: 5–6].

Таким образом, все предложение я перевожу как: «подобно образу его величия и умения».

Совершенно очевидно, что он командовал элитными подразделениями маджаев в Нижней Нубии. Инспекция, которую он проводил, вполне могла быть во время одного из походов египтян против Куша. В этом плане, а именно командованием отрядами маджаев, Яхмос Тур связан со своими предшественниками Тети и Джхути, которые, скорее всего, тоже командовали маджаями.

Данное предположение подтверждается и тем, что следующий после Яхмоса Тура наместник Нубии — Сени тоже инспектирует отряды маджаев. Та же самая формулировка, только с упоминанием Сени, встречается в надписях храма Куммы у 2-го нильского порога:

[Sethe, 1905, р. 142] *šip.n.f m3d3w mi ḳdw f n ʕ3.t n mnḥ f ḥr-ib n nsw t3.wy 3nḥ w3d3 snb* — «Проверил он маджаев подобно образу его величия и искусностью, царя Обеих земель, да будет он жив, невредим и здрав».

Примечательно, что ни Яхмос Тур, ни Сени не имеют титулов командиров каких-либо подразделений, но, судя по вышеописанным надписям, они осуществляли контроль за отрядами маджаев.

Сени, третий по счету наместник Нубии, как и его предшественник — Яхмос Тур, не имеет уже звания коменданта Бухена. При этом он так же, как и другие наместники, сохраняет за собой титул *z3 nsw imy-r ḥ3sw.t rsy.t* — царский сын, распорядитель чужеземных стран юга [Muller, 2013, р. 104].

Яхмос Тур хронологически располагается совсем близко к Тети и Джхути. Их отделяет лишь наместник Яхмос Сатаит — отец Тура, значит, их полномочия вполне могли быть схожими. В таком случае Тети, Джхути и Яхмос Тур командовали маджаями. И если в отношении последнего на это указывают надписи на его статуе, то в случае Тети и Джхути на это указывают данные эпиграфики — оба оставили свои надписи именно в регионе Анибы и Тошки, где и был опорный пункт маджаев.

Все трое царских сыновей имели военные полномочия — были командирами особых подразделений, что соответствует предположению, высказанному Б. Шмитц о царских сыновьях II Переходного периода. Тети, Джхути, Яхмоса Тура и Сени в этом плане можно сравнить с царским сыном Нахтом, который носил титул *ḥry-pd.t* — начальник лучников [Ward, 1982, р. 118, № 991], т. к. они, видимо, выполняли те же функции, что и Нахт.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Яхмос Тур получает еще один титул — *tsw n Bhn* — комендант Бухена. Это подтверждает тот факт,

что царские сыновья Куша изначально были именно военными командирами [Schmitz, 1976, р. 267]. Таким образом, они были встроены в военно-оборонительную систему Египта начала Нового царства, наподобие царских сыновей, которые носили звание *tsw* — коменданта крепости, примеры которых были рассмотрены выше.

Итак, недостаток дополнительных званий в титулатуре Тети и Джхути, таких как *tsw* или *ḥry-pd.t*, в надписях из Арминны не позволяет окончательно причислить их к наместникам

завоеванных южных территорий (т. е. Нубии). Это можно объяснить тем, что надписи были оставлены на прибрежных скалах, а других источников не сохранилось. О последующих же царских сыновьях Куша мы знаем из хорошо сохранившихся источников — стел и надписей стен храмов. Но, видимо, Тети и Джхути не смогли оставить о себе других упоминаний или они просто не дошли до нас, вероятно, из-за нестабильной обстановки войн Камоса и Яхмоса, когда регион Вавата буквально переходил из рук в руки.

Титул *z3 nsw*, которым впервые начали наделять высших гражданских чиновников еще в эпоху Древнего царства, появляется вновь в начале II Переходного периода. Теперь его даруют не только гражданским, но и высшим военным чинам XIII–XVII династий. Скорее всего, в тот или иной период военной напряженности между фиванскими царями и другими правителями Египта к определенным военным должностям прибавляли титул *z3 nsw*, чтобы, как и в Древнем царстве, придать ее носителю особый статус и полномочия. Это прослеживается в титулах комендантов Коптоса и Эдфу, у военачальника Нахта, когда появляется совершенно новое высокое воинское звание — *hry-pd.t* (командир лучников) [Ward, 1982, p. 118, № 991], и его носителю даруется титул *z3 nsw*.

В случае с Тети и Джхути не указаны их другие должности, но совершенно очевидно, что они были *z3 nsw* именно с военными полномочиями, а не с гражданскими. Об этом свидетельствуют их надписи, которые были обнаружены в Нижней Нубии, где в рассматриваемую эпоху шли боевые действия с кушитами.

Приведенный выше анализ источников подтверждает, что царские сыновья Тети — при царе Камосе и Джхути — при фараоне Яхмосе имели специальные военные полномочия. Согласно археологическим данным, свидетельствующим о присутствии отрядов маджаев в Анибе, а также учитывая, что надписи Тети и Джхути располагались в Арминне т. е. в районе Анибы, они командовали отрядами маджаев, так же как и их ближайшие преемники — Яхмос Тур и Сени.

Учитывая, что во II Переходном периоде появляются царские сыновья, исполнявшие исключительные военные обязанности, которые прописывались особо — командование либо гарнизоном стратегически важной крепости, либо особым воинским соединением, можно заключить, что Тети и Джхути командовали маджаями, которые и были именно особо важным воинским соединением. Титул *sw n Bhn*, который потом получит Яхмос Тур при царе Аменхотепе I, показывает, что теоретически Тети и Джхути могли носить подобные звания и иметь полномочия, если бы в руках египтян была крепость Бухен, которую они на время утратили после походов Камоса [Ryholt, 1997, p. 182].

Скорее всего, Тети и Джхути не были наделены такими широкими полномочиями, как наместники Нубии, что прослеживается у Яхмоса Тура и других царских сыновей Куша Нового царства. Тем не менее они имели титулы *z3 nsw* и обладали специальными военными полномочиями с четко определенным регионом для своей деятельности — а именно завоеванными территориями Нубии. Это были первые представители египетской администрации, наделенные особыми военными полномочиями в ходе завоевания и впоследствии удержания нубийских земель. Ввиду этого, так же как и другие командиры военных отрядов либо коменданты важных крепостей, Тети и Джхути были наделены титулом *z3 nsw*, который затем перешел к военачальникам, участвовавшим в военных действиях против Куша. Они получили добавление к титулу *z3 nsw* — *imy-r h3sw.t rsy.t* — распорядитель чужеземных стран юга. В силу того, что владения египтян в Нубии были еще не так значительны, как впоследствии при Тутмосе I, а также из-за постоянной конфронтации с Кушем, Тети и Джхути не были наделены титулом

imy-r

h3sw.t rsy.t, который потом трансформировался в *z3 nsw n K3š*. Однако именно рассмотренные надписи свидетельствуют о том, что они были их предшественниками.

Литература/References

- Белова Г. Титулатура царских сыновей Куша как источник для исследования их функций. *Вестник Древней Истории (Bulletin of Ancient History)*. 1978. № 2. С. 153–175 [Belova G. The titlature of the king's sons of Kush as a source for the study of their functions. *Vestnik Drevney Istorii (Bulletin of Ancient History)*. 1978. № 2. Pp. 153–175 (In Russian)].
- Bacs T. Overseers of Southern Foreign Lands and Thebes in the Reign of Hatshepsut. *Creativity and Innovation in the Reign of Hatshepsut*. Chicago, 2010. Pp. 411–426.
- Barsanti A. Stele Inedite au nom du roi Radadouhotep Doudoumes. *Annales du Service des antiquités de l'Egypte*. 1908. No. 9. Pp. 1–2.
- Baud M. *Famille royale et pouvoirs sous l'Ancien Empire égyptien*. T. 1. Le Caire, 1999.
- Daressy M. G. Monuments d'Edfou datant du Moyen Empire. *Annales du Service des antiquités de l'Egypte*. 1917. No. 17. Pp. 53–57.
- Davis V. Sobeknakht of Elkab and the coming of Kush. *Egyptian Archaeology*. 2003.
- Erman A., Grapow H. *Wörterbuch der Aegyptischen Sprache*. Bd. I–IV. 1971.
- Faulkner R. Egyptian Military Organization. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1953. No. 39. Pp. 32–47.
- Gauthier H. Les «fils royaux de Kouch» et le personnel administratif de l'Éthiopie. *Recueil de Travaux Relatifs à la Philologie et à l'Archeologie Égyptiennes et Assyriennes*. 1921. No. 39. Pp. 179–238.
- Habachi L. The First Two Viceroys of Kush and their Family. *Kush*. 1959. No. 7. Pp. 45–63.
- Hannig R. *Agyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. 2006.
- Helck W., Otto E., Westendorf W., *LEXIKON DER ÄGYPTOLOGIE*. B. 3. 1980.
- Jones D. *An Index of Ancient Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the Old Kingdom*. Vol. I. Oxford, 2000.
- Lepsius K. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien*. IV. 1901.
- Petrie F. *Koptos*. London, 1896.
- Petrie F. *Abidos*. London, 1902.
- Reisner G. The Viceroys of Ethiopia. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1920. No. 6. Pp. 28–55.
- Ryholt K. *The Political Situation in Egypt during the Second Intermediate Period c. 1800–1550 B. C.* Copenhagen, 1997.
- Schmitz B. *Untersuchungen zum title sA-njswt «Königssohn»*. Bonn, 1976.
- Sethe K. *Urkunden der 18 Dynastie*. Leipzig, 1905.
- Simpson W. K. *Heka-nefer and the Dynastic Material from Toshka and Arminna*. New Haven, 1963.
- Strudwick N. *The Administration of Egypt in the Old Kingdom. Highest Officers and their Holders*. London, 1985.
- Ward W. *Index of Egyptian Administrative and Religious Titles of the Middle Kingdom*. Beirut, 1982.
- Weigal A. *A report on the Antiquities of Lower Nubia*. Oxford, 1907.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Ilin-Tomich A. Persons and Names of The Middle Kingdom. 12.01.2022. URL: <https://pnm.uni-mainz.de/3/names/0> (дата обращения: 20.07.2022).

ВЛИЯНИЕ ДЕЙСТВИЙ ПОСЛАНИКА РЕЗАНОВА НА ИСХОД ПОСОЛЬСКОЙ МИССИИ И НА ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ В РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

© 2023

М. Ю. Кондратьева¹

В статье рассматривается влияние личности русского посла Николая Петровича Резанова на русско-японские отношения. Посольство Николая Петровича Резанова в Японию закончилось неудачей и дало старт новым печальным событиям в русско-японских отношениях. Среди таких событий — инцидент Хвостова (также известный как инцидент Резанова-Давыдова-Хвостова), когда были ограблены и сожжены некоторые японские деревни и промыслы на Сахалине, и инцидент Головнина, когда русский мореплаватель Василий Михайлович Головнин был пленен японцами и провел в плену два года. Автор предпринял попытку выяснить роль личности посланника во всех перечисленных событиях. Анализ историографии показал, что исследователи неоднократно обращались к результатам посольства Резанова и к анализу его личности, приходя к противоположным выводам об абсолютной вине или полной невинности посланника в неудаче миссии. Привлечение широкого круга источников, а также использование индукционного метода позволили автору прийти к новым выводам: неудача заключалась не в одной, но в комплексе причин. Наравне с такими причинами, как плохо подобранные товары и предвзятое отношение японцев того времени к русским людям, действия Николая Петровича оказали влияние на неудачу миссии. Однако главную роль сыграла изоляционная политика японского государства, которая, начавшись еще в середине XVII в., плотно закрепилась в японском обществе. Что касается роли посланника в отношениях с Японией, она наиболее велика в печальной истории с ограблением японских деревень, оказавшей отрицательное влияние на отношения с этой страной.

Ключевые слова: Резанов, политика изоляции, Япония, посольство в Японию, инцидент Хвостова, инцидент Головнина, Василий Головнин

Для цитирования: Кондратьева М. Ю. Влияние действий посланника Резанова на исход посольской миссии и на последующие события в российско-японских отношениях. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 2. С. 22–30. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-022-030

THE INFLUENCE OF THE ENVOY REZANOV'S ACTIONS ON THE OUTCOME OF THE EMBASSY MISSION AND ON THE SUBSEQUENT EVENTS IN RUSSO-JAPANESE RELATIONS

M. Yu. Kondratyeva

¹ Кондратьева Мария Юрьевна, студентка 3-го курса Тольяттинского государственного университета, Тольятти; mariia.kondrateva268@gmail.com
Mariia Yurievna Kondratyeva, 3rd year student of Togliatti State University; mariia.kondrateva268@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9362-4418

The article examines the influence of the personality of the Russian ambassador Nikolai Petrovich Rezanov on Russian-Japanese relations. The embassy of Nikolai Petrovich Rezanov to Japan ended in failure and gave rise to new sad events in Russian-Japanese relations. Among such events are the Khvostov incident (also known as the Rezanov-Davydov-Khvostov incident), when some Japanese villages and crafts on Sakhalin were robbed and burned, and the Golovnin incident, when the Russian navigator Vasily Mikhailovich Golovnin was captured by the Japanese and held in captivity for two years. The author made an attempt to find out the role of the personality of the envoy in all the listed events. An analysis of historiography has shown that researchers have repeatedly turned to the results of Rezanov's embassy and to the analysis of his personality, coming to opposite conclusions about the envoy's absolute guilt or complete innocence in the failure of the mission. The involvement of a wide range of sources, as well as the use of the induction method, allowed the author to come to new conclusions: the failure was not in one, but in a complex of reasons. Along with such reasons as poorly selected goods and the prejudiced attitude of the Japanese of that time towards the Russian people, the actions of Nikolai Petrovich influenced the failure of the mission. However, the main role was played by the isolation policy of the Japanese state, which, having begun in the middle of the 17th century, was firmly entrenched in Japanese society. As for the role of the envoy in relations with Japan, it is greatest in the sad story of the robbery of Japanese villages, which had a negative impact on relations with Japan.

Keywords: Rezanov, isolation policy, Japan, Embassy to Japan, Khvostov's Incident, Golovnin's Incident, Vasily Golovnin.

For citation: Kondratyeva M. Yu. The Influence of the Envoy Rezanov's Actions on the Outcome of the Embassy Mission and the Subsequent Events in Russo-Japanese Relations. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 2. Pp. 22–30. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-022-030

Оснoвы официальных отношений между Японией и Россией начали закладываться еще в XVIII в., во время первого посольства Адама Лаксмана в Японию. Торговые отношения с Японией были крайне выгодны для России и могли способствовать активному заселению Камчатского края. Первая половина XIX в. ознаменовалась отправкой русского посольства под руководством камергера Высочайшего двора Николая Петровича Резанова.

В отечественной и зарубежной историографии русско-японским отношениям в XIX в., а также посольству Н. П. Резанова уделено особое внимание. Среди трудов дореволюционных авторов следует выделить работы К. А. Военского, А. Сгибнева и Д. М. Позднеева. Работы известного востоковеда Д. М. Позднеева отличаются полнотой исследования не только отечественной, но и японской литературы. Опираясь на широкий круг источников, автор характеризует с положительной стороны руководителя посольства Н. П. Резанова. Подобное отношение к посланнику мы встречаем и в исследовании А. Сгибнева. Здесь следует отметить, что работа Сгибнева была основана преимущественно на письмах самого Резанова.

Сложившаяся в дореволюционный период положительная характеристика Резанова связана, на наш взгляд, прежде всего с узостью источниковой базы. Так, например, письма к монаху Гедеону были недоступны исследователям [6]. В советский период образ Резанова подвергся романтизации. В 1970-е гг. он обрел особую популярность у общественности благодаря опере «Юнона и Авось». Среди исследовательских работ особое внимание стоит уделить монографии Л. Н. Кутакова. Автор, характеризуя исход миссии Н. П. Резанова, акцентирует внимание на изоляционистской политике Японии и интригах голландцев. Предпринятая по приказу Резанова экспедиция Хвостова, в ходе которой были разграблены и сожжены японские деревни, рассматривалась как ликвидация незаконных «японских контор» и освобождение

айнов от «японской кобаль». Роль самого Резанова в разграблении японских деревень в советской литературе практически не рассматривалась или же подменялась понятиями вроде «осво-бождения» [Кутаков, 1988, с. 86].

Для современной отечественной историографии характерен иной взгляд на произошедшие события. Исследователи стремятся выявить влияние Н. П. Резанова на ход экспедиции, обращая внимание на связь личности посланника с последующими отрицательными событиями в русско-японских отношениях. Взаимодействие Резанова с членами команды, а также личность самого посланника рассмотрена в работах А. М. Свердлова [Свердлов, 2006; 2012] и американского ученого А. С. Блэк. Авторы указывают на отрицательные влияние Резанова на русско-японские отношения, однако неблагоприятный исход самого посольства признают заранее предрешенным. Среди современных зарубежных англоязычных исследований следует отметить работу Т. П. Гидни [Gidney, 2021]. Автором дана негативная характеристика личности Резанова, но причину провала посольства Гидни усматривает в нежелании японцев вести торговлю.

В современной японской историографии исход миссии Резанова исследователи связывают прежде всего с политическим курсом страны — запретом на торговлю, а не личностью посланника. Внимание к российской посольской миссии начала XIX в. обусловлено, как правило, составлением хроник отдельных регионов страны [Kamata, 1989]. Обзор историографии показывает, что на сегодняшний момент исследователями проделана значительная работа, позволяющая охарактеризовать неординарную личность Н. П. Резанова, а также выявить его роль в развитии внешнеполитических отношений России и Японии. Однако следует отметить, что подчас исследования носили тенденциозный характер и отличались узостью источниковой базы.

Николай Петрович Резанов был крупнейшим акционером компании Шелихова, которая затем была преобразована в Российско-Американскую компанию (*далее — РАК*). Как зять Г. И. Шелихова, он получил должность одного из директоров в правлении РАК [Крузенштерн, 1809, т. 1, с. 21]. В одном из его писем, сохранившемся в Нью-Йоркской публичной библиотеке, он хвалился, что «обставил все дела так, что обзавелся молодой женой и акциями компании»².

Само посольство было приурочено к первой русской крутосветной экспедиции. В 1803 г. Резанов назначается дипломатом второго русского посольства в Японию, а также начальником экспедиции. Накануне отъезда ему был присужден титул камергера, и он был награжден орденом Святой Анны 1 ст. [Фёдорова, 2016, с. 110]. В путешествии принимали участие И. Ф. Крузенштерн, Е. Е. Левенштерн, М. И. Ратманов и другие известные мореплаватели.

Резанов позитивно относился к Павлу I, который, в свою очередь, крайне благосклонно относился к РАКу. Александр I, напротив, придерживался позиции своей бабушки в отношении компании Шелихова [Фёдорова, 2016, с. 112; Свердлов, 2012, с. 49]. Исследователи, изучавшие вопрос назначения Резанова ранее, выделили следующую точку зрения: Александр I мог «отослать» его из-за стремления считаться с заветами Екатерины II. Исследователь А. М. Свердлов полагает, что незадолго до начала экспедиции практически все покровители Николая Петровича Резанова (и, по совместительству, убийцы Павла I) — П. А. Зубов и П. А. Пален — были удалены от двора. Можно предположить, что Резанов мог знать об участии императора Александра I в заговоре и представлять некоторую опасность.

Сама экспедиция впервые упоминается всего за пять месяцев до начала путешествия, а посол назначается за два. Посольство не было подготовлено должным образом: отсутствовал

² Голованов В. Одна «НАДЕЖДА» на двоих, 27.07.2006. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/308/> (дата обращения: 29.06.2022).

почетный караул, небрежно отнеслись к выбору подарков. Посольство было дополнением к основному мероприятию — кругосветной экспедиции. Как правильно заметил Л. М. Свердлов, в подписанной Александром I инструкции Крузенштерн упоминается гораздо чаще, чем Резанов¹². Любопытно, что архивисты, которые, вероятно, непредвзято трактовали текст инструкции, дали ей название: «Инструкция ... *начальнику* первой русской кругосветной экспедиции капитан-лейтенанту И. Ф. Крузенштерну». Действительно, Резанов появляется лишь в дополнении XVI пункта инструкции³.

Характеризуя отношение к личности посланника, стоит обратить внимание на его отношения с командой во время путешествия. Характеристика Резанова, которую дают участники экспедиции, сильно разнится с той, что мы обнаруживаем в дневниковых записях и письмах самого Николая Петровича. Команда корабля была уверена, что руководителем экспедиции является Крузенштерн. Спустя десять месяцев после начала экспедиции Резанов голословно, на тот момент, провозгласил себя руководителем не только посольства, но и всей экспедиции. Все были удивлены такой новостью. Позже Резанов продемонстрировал указ императора о его назначении⁴.

Почему посол не сообщил о своем статусе сразу? Вероятно, он знал, что команда откажется ехать под его предводительством. Крузенштерн справедливо указывал ему, что неправильно ставить в известность людей спустя столько времени, когда ни один из них уже не может отказаться. Также он отмечал, что «было бы смешно, если бы подобную экспедицию доверили такому камергеру, который первый раз в жизни отправился в морское путешествие» [Левенштерн, 2003, с. 38; с. 43].

В то же время справедливо и следующее замечание: Крузенштерну были переданы инструкция и указ, он должен был знать о роли Резанова в миссии. Позже Иван Крузенштерн сам признался, что получил указ еще в Кронштадте, но не читал его⁵. Вероятно, так оно и было: Крузенштерн не вчитывался, а посланник — деликатно промолчал. Более того, у Крузенштерна были основания считать себя начальником экспедиции. В официальных письмах графа Н. П. Румянцева, который занимался организацией экспедиции и посольства, Крузенштерн обозначен главой путешествия: «Россия под вашим руководством принесла бы и свою дань во всеобщее богатство человеческих познаний» [Свердлов, 2006, с. 36]. Также стоит учесть, что гражданское лицо, которым являлся посланник, не могло руководить экспедицией под военными флагами. Корабли же, тем не менее, шли под Андреевскими флагами, пожалованными государем [Свердлов, 2006, с. 37]. Таким образом, имело место расхождение в инструкциях и письмах приближенных двора. У экспедиции оказалось два начальника.

Сохранившиеся отзывы участников экспедиции о Н. П. Резанове носят крайне нелицезный характер. Имели место попойки, во время которых Николай Петрович явно не знал меры. Левенштерн писал о том, что Резанов посещал «все танцевальные площадки и публичные дома» по дороге. Общая характеристика Резанова — «насквозь фальшивый» [Левенштерн, 2003, с. 27; с. 55; с. 69; с. 122; с. 260]. Стоит отметить, что лейтенант Левенштерн писал дневник для себя и не планировал его издавать.

³ Инструкция Главного правления Российско-Американской компании начальнику первой русской кругосветной экспедиции капитан-лейтенанту И. Ф. Крузенштерну. Электронный архив. Фонд Санкт-Петербургский Главный архив. 29 мая 1803 г. Л. 1–13. I-7. Опись 6, 1802 г. Д. 1. П. 27. С. 295. URL: <https://www.prilib.ru/item/334706> (дата обращения: 5.07.2022).

⁴ Голованов В. Одна «НАДЕЖДА» на двоих, 27.07.2006. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/308/> (дата обращения: 29.06.2022).

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Фонд 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Опись 1. Дело 217. Л. 124.

Основной конфликт у посланника был с И. Ф. Крузенштерном как с начальником экспедиции. Во время наибольшего накала отношений они общались только посредством переписки. При этом Крузенштерн показывал исключительную сдержанность в отношении Резанова: «Я признаю в Вас особу уполномоченную от Его Императорского Величества, как для посольства, так и для разных распоряжений в восточных краях России... Я не требую ничего, как с чем отправился из России, то есть быть командиром экспедиции по морской части», — писал он Николаю Петровичу. Однако, по версии посланника, Крузенштерн кричал и угрожал: «вот я его проучу» и «нарушал должное его к начальству уважение»⁶.

В письме морскому министру Павлу Васильевичу Чичагову участник экспедиции, адмирал Макар Ратманов докладывает о поведении посланника: «Не стыдится уже он заранее делать угрозы, что выучит и покажет свою власть в Японии и в Камчатке!» Резанов питал явную неприязнь к участникам экспедиции. Исходя из его писем и донесений, офицеры бунтовали⁷. На Камчатке он просит у коменданта майора Кошелева, чтобы тот помог ему расправиться с буйными и дерзнувшими нарушить святость Высочайшей воли⁸. Возвращаясь к основному конфликту экспедиции, следует отметить, что Николай Петрович требовал, чтобы Крузенштерна судили, и не в Петербурге, а на Камчатке. Однако когда комендант признал просьбу Крузенштерна о суде в Петербурге справедливой, посол согласился мириться.

По мнению Л. М. Свердлова, Резанов нарочно провоцировал офицеров во время экспедиции. Это были попытки получить компромат и избавиться на Камчатке от Крузенштерна, Ратманова и других участников, за исключением тех, кто стал бы его поддерживать при любых обстоятельствах. Есть и противоположное мнение. Его высказывает в своих работах К. А. Военский. Он полагает, что причина неприязни команды к Резанову кроется в «вопросе подчинения», т. е. Крузенштерн был недоволен своим положением, поэтому и принялся «доводить» Резанова. В качестве аргумента Военский приводит сведения о том, что Резанов предоставил информацию о своем положении в начале экспедиции [Военский, 1895]. Как было показано нами выше, информация о роли Резанова сразу была предоставлена лишь Крузенштерну.

26 сентября 1804 г. посольство прибыло в Японию, в порт Нагасаки. Еще с первой половины XVII в. Япония придерживалась мощной изоляционной политики — Сакоку. Японцы поддерживали отношения исключительно с голландцами, китайцами и корейцами. Голландцы, с которыми велась торговля, имели отдельный остров для своих людей — остров Дэдзима, на котором они существовали под строгим контролем японцев. Только к нему имели право подходить корабли. Участники первого посольства в Японию под командованием Адама Лаксмана нарушили это правило [Позднеев, 1909, т. 2, ч. 1, с. 120]. Однако японское правительство простило их, поскольку российская сторона не была осведомлена о данном правиле, а также вернула в Японию ее граждан, потерпевших кораблекрушение у русских берегов. Первое посольство имело следующий результат: Лаксман получил разрешение (грамоту) на въезд в Нагасаки одного корабля. Пользуясь этой грамотой, русская сторона планировала наладить связи с Японией.

В наибольшей степени нас интересует роль посланника в исходе посольства. При первой же встрече с японцами он отказался оставить на корабле свой почетный караул, постоянно

⁶ Там же.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Фонд 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Опись 1. Дело 217. Л. 121–123.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Фонд 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Опись 1. Дело 217. Л. 125.

пререкался с ними, отказывался полностью разоружаться [Крузенштерн, с. 341]⁹. По мнению Е. Е. Левенштерна, это поведение «могло оказать влияние на будущий прием». «Я все время боюсь, что Резанов уже испортил отношения с японцами», — отмечает Левенштерн [Левенштерн, 2003, с. 224].

Немаловажное значение для русского посольства имели и интриги голландцев. Они вели клеветническую политику по отношению к другим странам в попытках удержать свою монополию на культурный обмен и торговлю с Японией. Так, известный мореплаватель В. М. Головин в своих «записках» приводит письмо голландцев, в котором последние хвастаются, что смогли «внушить японцам непримиримую ненависть к русским». Д. М. Позднеев и П. Гидни отмечали, что подобные подстрекательства способствовали росту недоверия со стороны японцев [Gidney, 2021, p. 1; p. 52].

При этом следует отметить, что и сами японцы не спешили выстраивать торговые взаимоотношения с Россией. Руководствуясь законами Фукуямы 1805 года (о сильном государстве — *М. К.*), которые были полностью направлены на ликвидацию излишеств в жизни людей, торговцы не должны были покупать для продажи предметов роскоши [Позднеев, т. 2, ч. 1, с. 153]. Возможно, исходя из этого положения законов, бакуфу (правительство трех династий сёгунов в Японии с конца XII в. по 1867 г.) заключило, что в этом году (1805) торговля запрещена, и попросило скорее уезжать из Японии¹⁰.

Сам Резанов передавал следующую версию одного японского чиновника: сановник по имени Давесама, выступавший за развитие отношений Японии с другими странами, убедил сёгуна Иенари подписать бумагу, позволяющую приехать в Нагасаки русскому кораблю. Однако выше сообщать о своем решении сёгун не стал. Когда император узнал, что разрешение было дано без его согласия, он возбудил дело об оскорблении императорского достоинства сёгуном, а посольству был дан отказ¹¹. Однако если обратить внимание на работу Позднеева, то в качестве лиц, выдавших разрешение на въезд, обозначены два инспектора: Исикава Сёогэн и Мураками Даигаку [Позднеев, т. 2, ч. 1, с. 120], которые после отъезда русского судна получили похвальные грамоты от министров государства.

Немаловажным фактором стало и отсутствие товаров, которые могли бы привлечь японцев, а также ложь российского посланника. Показателен следующий пример, приведенный Левенштерном: «У Резанова для всех подарков одна оценка на языке: «Это сделано в России». На ящике, из которого вынули золотого слона, стояло: «Лондон». Переводчики, стоявшие рядом, увидели это и спросили, для чего надпись. Резанов сказал: «На вещах, изготовленных в Петербурге, пишут «Лондон» и наоборот, так [поступают] во всей Европе» [Левенштерн, 2003, с. 225].

Подготовка к посольству была крайне неполноценной. Перед сбором вещей никакого исследования проведено не было. Японцев не могли привлечь фарфор и шкуры лис. Лисы в Японии всегда воспринимались «нечистыми» животными, а фарфор японцы делали самостоятельно и достаточно высокого качества.

⁹ Архив Российской национальной библиотеки (РНБ) [Archive of the Russian National Library]. Фонд 73. Дело 341. Л. 7.

¹⁰ 鎌田作郎 函館市 / 函館市地域史料アーカイブ — 綴法華村史 — 第十二編 災害 — 第四章 外国船の出現 — 第一節 鎖国中の外国船の出没 — 二 前松前、前幕領時代 — 1989. [(translation from Japanese) Sakuro Kamata. History of Todohokke Village — Part 12 — Disasters. Chapter 4 — The Appearance of Foreign Courts; Section 1: Appearance of foreign ships during seclusion — Arrival of Resanov. Regional Historical Archive of Hakodate City, 1989].

¹¹ Архив Российской национальной библиотеки (РНБ) [Archive of the Russian National Library]. Фонд 73. Дело 341. Л. 20–21.

Многие отечественные и зарубежные исследователи уверены, что исход миссии был предрешен заранее [Военский; Свердлов; Gidney]. Даже А. М. Свердлов, который крайне отрицательно характеризовал Резанова, считал, что миссия была заведомо провальной. Японский автор Мацумага Цёкен также говорил, что это разрешение (грамота) было своего рода уловкой, попыткой «отделаться» от посещения русских. При этом он признавал, что торговые отношения были бы «крайне желательны» для Японии [Позднеев, т. 2, ч. 2, с. 70–71].

События, которые произошли после возвращения посольства из Японии, достаточно сложно поддаются логике.

Поскольку торговля с Японией была бы крайне выгодна для РАКа, идея достичь торговых соглашений любой ценой, видимо, не оставляла посланника. Он приказал снарядить «секретную» экспедицию, во главе которой поставил своего зятя, лейтенанта Н. А. Хвостова, работавшего на тот момент в РАК. В инструкции Хвостову он пишет: «Войти в губу Анива и буде найдете японские суда, истребить их»; «В рассуждении сахалинцев и японцев всюду, где ни встретите вы их, стараться первых привлекать ласками, а вторым делать вред истреблением судов их» [Кириченко, с. 318]. В одном из писем Резанов прямо говорит, что экспедиция Н. А. Хвостова организована им самим и является секретной. Он также просит адресата, иеромонаха Гедеоны, не рассказывать об экспедиции, держать ее в секрете, «без малейшей кому-либо огласки»¹². Отказ японцев от торговли в своем поручении Николай Петрович называет «вероломным». Очевидно, он считал свои намерения благими и был уверен, что его вынудили к отдаче этого приказа. Более того, посланник считал, что исполняет волю японского народа, который «желал торговать», и что японское правительство изменит свое решение, что грабежи подтолкнут японцев к «снисканию торговых связей с нами» [Кириченко, с. 320].

Осенью 1806 г. Н. А. Хвостов и лейтенант Г. И. Давыдов в сопровождении матросов высадились на губе Анива. Японцы, которые жили там, встретили их достаточно хорошо, даже накормили военных. После трапезы Хвостов отдал приказ ограбить деревню, а японцев взять в плен. Разграбление и погрузка японского имущества на русский фрегат продолжались несколько дней. По окончании мероприятия японская деревня была сожжена. Позже Хвостова и Давыдова будут судить в Петербурге. Их признают виновными, Резанов же так и не окажется на скамье подсудимых как организатор данного мероприятия.

Спустя некоторое время произошел инцидент Головнина. Известный мореплаватель Василий Головнин, причаливший к японским берегам, чтобы просить помощи в провизии, был схвачен в плен. Там он провел несколько лет и стал первым известным человеком, вернувшимся из японского плена. После возвращения Головнин напишет книгу «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев». В конце XIX в. «Записки...» Головнина были выпущены и в Японии. В предисловии к японской версии прямо сказано о том, что Головнин попал в плен по единственной причине — грабежи Хвостова [Позднеев, т. 1, с. 515].

У грабежей Хвостова были и другие последствия. Японцы понимали, как выгодно будет для них вести торговлю с Россией, и обсуждали эту возможность в правительстве. Однако грабежи Хвостова возымели эффект, противоположный тому, на который рассчитывал Резанов. После случившегося гордость не позволяла японцам начать торговлю до того, как русская сторона принесет извинения. Более того, бакуфу всерьез рассматривало предложение некоторых министров о нападении на русские пограничные территории. Также обсуждался вопрос о возможности нападения на Санкт-Петербург [Позднеев, т. 1, с. 12–13].

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Фонд 796. Опись 90. Дело 273. Л. 57–58.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что первое русское посольство в Японию оказалось неудачным по целому комплексу причин. Главный фактор — строгие традиции изоляции Японии. Пренебрежительное отношение посла к японцам и их образу жизни, его напористость, которая не свойственна населению Страны восходящего солнца, тоже сыграли свою немаловажную роль в принятии японским правительством отрицательного решения, но и это не стало определяющим. Негативной в долгосрочной перспективе была личность посланника. Спровоцированные им события (инциденты) сыграли отрицательную роль в отношениях между Россией и Японией.

Литература / References

- Военский К. А. Посольство Резанова в Японию в 1803–1805 гг. *Русская старина*. 1895. № 7. С. 201–235 [Voensky K. A. Rezanov's Embassy in Japan in 1803–1805. *Russian antiquity*. 1895. No. 7. Pp. 201–235 (in Russian)].
- Иоффе А. Е., Спиридонова Л. И. *Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1799–1815. Сборник документов*. М., 1994 [Ioffe A. E., Spiridonova L. I. *The Russian-American Company and the Study of the Pacific North, 1799–1815. Document collection*. Moscow, 1994 (in Russian)].
- Кириченко А. А. Из ранней истории российско-японских отношений. Очерки, исследования, разработки. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 316–335 [Kirichenko A. A. From the Early History of Russian-Japanese Relations. Essays, studies, developments. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2001. Pp. 316–335 (in Russian)].
- Крузенштерн И. Ф. *Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805, 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева»*. Санкт-Петербург, 1809. Т. 1–3 [Kruzenshtern I. F. *Journey around the world in 1803, 1804, 1805, 1806 on the ships Nadezhda and Neva*. St. Petersburg, 1809. Vol. 1–3 (in Russian)].
- Кутаков Л. Н. *Россия и Япония*. М., 1988 [Kutakov L. N. *Russia and Japan*. Moscow, 1988 (in Russian)].
- Левенштерн Е. Е. *Вокруг света с Иваном Крузенштерном: Дневник лейтенанта «Надежды» (1803–1806): Самое полное описание первого Российского Кругосветного Плавания*. ЦКП ВМФ, 2003 [Levenshtern E. E. *Around the World with Ivan Kruzenshtern: Diary of Lieutenant «Nadezhda» (1803–1806): The most complete description of the first Russian Circumnavigation*. TsKP VMF, 2003 (in Russian)].
- Позднеев Д. М. *Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России*. Т. 1. *Данные географические и этнографические*. Иокохама, Токно, 1909 [Pozdneeve D. M. *Materials on the history of Northern Japan and its relations to the mainland of Asia and Russia*. Vol. 1. *Geographical and ethnographic data*. Yokohama, Tokyo, 1909 (in Russian)].
- Позднеев Д. М. *Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России*. Т. 2. Ч. 1. *Отношения к народам Маньчжурии и данные по истории Мацумаасского клана*. Иокохама, Токно, 1909 [Pozdneeve D. M. *Materials on the history of Northern Japan and its relations to the mainland of Asia and Russia*. Vol. 2. Part 1. *Relations with the peoples of Manchuria and data on the history of the Matsumaas clan*. Yokohama, Tokyo, 1909 (in Russian)].
- Позднеев Д. М. *Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России*. Т. 2. Ч. 2. *Первые сношения с Россией в жизни Северной Японии*. Токно, 1909 [Pozdneeve D. M. *Materials on the history of Northern Japan and its relations to the mainland of Asia and Russia*. Vol. 2. Part 2. *First relations with Russia in the life of Northern Japan*. Tokyo, 1909 (in Russian)].
- Свердлов Л. М. *Крузенштерн и Резанов*. М., 2006 [Sverdlov L. M. *Kruzenshtern and Rezanov*. Moscow, 2006 (in Russian)].
- Свердлов Л. М. Николай Петрович Резанов (1764–1807) — художественный образ и историческая личность. *Московский журнал: история государства Российского*. 2012. № 5(257). С. 45–64 [Sverdlov L. M. Nikolai Petrovich Rezanov (1764–1807) — an artistic image and a historical figure. *Moscow Journal: History of the Russian State*. 2012. No. 5(257). Pp. 45–64 (in Russian)].

Фёдорова О. М. *Образ посланника Н. П. Резанова в дневниках его спутников по кругосветному плаванию*. Псков — Москва, 2016. Книга II. С. 104–115 [Fedorova O. M. *The image of the envoy N. P. Resanov in the diaries of his companions on circumnavigation*. Pskov — Moscow, 2016. Book II. Pp. 104–115 (in Russian)].

Thomas Pierre Gidney Bypassing the Dutch Monopoly of Relations with Japan: Vasily Golovnin's Captivity (1811–1813). *Terrae Incognitae, The Journal of the Society for the History of Discoverie*. 2021. Pp. 135–157.

鎌田作郎 函館市 / 函館市地域史料アーカイブ — 榎法華村史 — 第十二編 災害 — 第四章 外国船の出現 — 第一節 鎖国中の外国船の出没 — 二 前松前、前幕領時代 — 1989 [(translation from Japanese) Sakuro Kamata. *History of Todohokke Village — Part 12 — Disasters. Chapter 4 — The Appearance of Foreign Courts; Section 1: Appearance of foreign ships during seclusion — Arrival of Resanov*. Regional Historical Archive of Hakodate City, 1989].

Архивные документы / Archive documents

Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Фонд 796. Опись 90. Дело 273.

Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Фонд 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Опись 1. Дело 217.

Архив Российской национальной библиотеки (РНБ) [Archive of the Russian National Library]. Фонд 73. Дело 341.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Голованов В. Одна «НАДЕЖДА» на двоих, 27.07.2006. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/308/> (дата обращения: 29.06.2022).

Грамота японских властей, данная А. Лаксману, о разрешении «одному великороссийского государства судну иметь вход в гавань Нангасакскую». URL: <https://www.prilib.ru/item/330299> (дата обращения: 29.06.2022).

Инструкция Главного правления Российско-Американской компании начальнику первой русской кругосветной экспедиции капитан-лейтенанту И. Ф. Крузенштерну. *Электронный архив*. Фонд Санкт-Петербургский Главный архив. 29 мая 1803 г. Л. 1–13, I-7. Опись 6, 1802 г. Д. 1. П. 27. URL: <https://www.prilib.ru/item/334706> (дата обращения: 05.07.2022).

РУССКИЙ КОМПОЗИТОР И ИНДИЙСКИЙ МАХАРАДЖА

© 2023

Т. Н. Загородникова¹

В статье раскрыта страница русско-индийских связей в области культуры в середине XX в. — покровительство знаменитому русскому композитору и исполнителю Николаю Карловичу Метнеру (1879/80–1951) со стороны махараджи южноиндийского княжества Майсур Джаячамараджендры Водеяра (1919–1974). Уехавший из России в голодный 1921 год в Германию, Н. К. Метнер собирался вернуться обратно, но его музыка классического направления не была популярной. Как в России, так и на Западе это было время неприятия старого, исканий новых методов, приемов, форм как среди авторов и исполнителей, так и среди публики. Казалось, что время музыкальных произведений классического звучания ушло. Концертных предложений почти не поступало, финансовое положение семьи было плачевным. Не увенчались успехом и гастролы в США. Только в Англии композитор получил признание своего таланта, и семья обосновалась в Лондоне. С началом Второй мировой войны к общим тяготам прибавилось ухудшение здоровья композитора. После войны в жизнь уже серьезно больного Н. К. Метнера вошел и стал его благотворителем Джаячамараджендра Водеяр, махараджа южноиндийского княжества Майсур. Он не был престолонаследником по рождению, только племянником правившего махараджи и мечтал стать профессиональным пианистом. В 1940 г. с разницей в несколько месяцев скончались его отец и махараджа, и ему был 21 год, когда он стал 25-м и последним правителем Майсура из династии Водеяр. При финансовой помощи махараджи были записаны три альбома грампластинок с произведениями Метнера. В 1946 г. с целью популяризации музыки Н. К. Метнера на деньги Водеяра было создано Метнеровское общество.

Ключевые слова: Н. К. Метнер, Джаячамараджендра Водеяр, Эдна Айлс, С. В. Рахманинов, Метнеровское общество

Для цитирования: Загородникова Т. Н. Русский композитор и индийский махараджа. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 2. С. 31–36. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-031-036

RUSSIAN COMPOSER AND INDIAN MAHARAJA

Tatiana N. Zagorodnikova

The article looks into one of the episodes of Russo-Indian relations in the middle of the XX c.: the patronage of Indian Maharaja of South-Indian native state of Mysore Rajachamarajendra Wadiyar (1919–1974) to Russian composer of classic music Nikolai Karlovitch Medtner (1879/80–1951). N. K. Medtner left Russia in 1921 to tour in Europe. However in Russia and in Europe the public and musicians were seeking for new forms and new sounds, classic compositions of Medtner were not popular, didn't gain glory. His concert tour over the

¹ Загородникова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tnzag@mail.ru
Tatiana N. Zagorodnikova, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; tnzag@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7210-834X

USA also turned out to be a failure. Great Britain was the only country where his talent was appreciated and the Medtner family decided to settle in London. He gained his living by giving concerts, teaching, etc. During the Second World War they had to move to the country, health of the aged composer was beginning to fail him. After the war the financial position of the family was very poor when Rajachamarajendra Wadiyar, Maharaja of South Indian native state, appeared with a proposal to subsidize making records of Medtner's compositions. Rajachamarajendra Wadiyar was not a successor to the throne by birth, he was a nephew to the ruling Maharaja, meanwhile, as he was blessed with musical talent, he planned to become a professional pianist. Since in 1940 both the ruling maharaja and his own father died so he had to succeed to the throne. Maharaja Rajachamarajendra Wadiyar set up Medtner society to promote the compositions of Russian composer.

Keywords: Nikolai Karlovitch Medtner, Sergey Rachmaninoff, Edna Iles, Maharaja Rajachamarajendra Wadiyar, Medtner society

For citation: Zagorodnikova T. N. Russian Composer and Indian Maharaja. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 2. Pp. 31–36. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-031-036

*Памяти Александра Михайловича Дубянского (1941–2020),
драматурга, специалиста по тамильской литературе и культуре Индии*

А летом 2020 г. Александр Михайлович позвонил мне с вопросом, не знаю ли я, кто был, говоря современным языком, спонсором композитора Н. К. Метнера: какой-то индийский князь-меценат дал деньги на запись всех значительных работ Николая Карловича и создал Метнеровское общество для пропаганды его музыкальных произведений. Я не знала, кто это был. Время — середина XX в. — не мое время, я всегда занималась русско-индийскими отношениями XIX — начала XX в., до 1917 г., лишена музыкального слуха и мало понимаю в музыке. Кроме того, отпуск, лето, внуки, свои планы..., на какое-то время князь-спонсор был забыт. Печальная весть обязала меня заняться этой темой. Интересно, что этим махараджей оказался южноиндийский князь из династии Водеяров, — не тамил, именно культура тамиллов привлекала Александра Михайловича больше всего, но их сосед каннара.

Николай Карлович Метнер (1879/80–1951) родился в семье с глубокими музыкальными корнями, в 1900 г. окончил Московскую консерваторию с большой золотой медалью. Он вошел в мировую музыкальную культуру как талантливый пианист и композитор традиционного, классического направления. По совету близких ему людей он сосредоточился на сочинительстве. Это было время Серебряного века, время ломки, неприятия старого, исканий новых методов, приемов, форм как среди авторов и исполнителей, так и среди публики. Любимцами знатоков и фанатов того времени были А. Н. Скрябин и С. В. Рахманинов, музыкальные произведения классического звучания популярностью не пользовались. Казалось, что время такой музыки ушло.

В 1903 г. несколько произведений Н. К. Метнера появились в печати и привлекли внимание Сергея Васильевича Рахманинова. В последующие годы Н. К. Метнер концертировал в Германии, но критики не были благосклонны к нему. На родине свидетельством признания стало присуждение ему в 1909 г. Глинкинской премии за цикл песен на слова Гете. Вскоре он начал преподавать в Московской консерватории, стал профессором фортепианного класса, а в 1916 г. получил еще одну Глинкинскую премию за фортепианные сонаты. В 1921-й голодный год Николай Карлович вместе с женой Анной Михайловной Метнер выехал в Германию на гастроли с надеждой вернуться обратно, заработав денег, но его мало кто знал, и концертных предложений почти не поступало. Финансовое положение семьи было плачевным. Руку помощи протянул С. В. Рахманинов,

организовав концертный тур пианиста по США в 1924–1925 гг. Вернувшись в Европу, Н. К. Метнер осел во Франции, но там, как и в Германии, его сочинения все так же не пользовались большим успехом. В 1927 г. он выступил с концертами в Советской России, а год спустя — в Англии, где, наконец, композитор получил признание своего таланта. Ему присвоили звание почетного члена Королевской академии музыки. Здесь он вместе с оркестром Королевского филармонического общества с успехом исполнил собственный Второй концерт. Он понял, что ему следует избрать Лондон местом постоянного проживания. В 1929–1930 гг. Метнер снова поехал по Северной Америке с концертами, но банкротство агентства, с которым он сотрудничал, чуть не привело к катастрофе. На помощь ему снова пришел С. В. Рахманинов.

С 1935 г. Метнеры окончательно обосновались в Лондоне. Жизнь как-то наладилась благодаря частному преподаванию, контракту с немецким нотным издательством, а также иногда выступлениям с концертами — исполнял он, главным образом, произведения собственного сочинения. Спокойная жизнь продолжалась до начала Второй мировой войны. Опасаясь бомбежек, Метнеры переехали в Уорикшир в центральной Англии и жили в доме родителей ученицы Николая Карловича пианистки Эдны Айлс². Война и связанные с ней тяготы отразились на здоровье уже немолодого композитора: в 1942 г. у Н. К. Метнера случился инфаркт, но он сумел восстановиться и уже в феврале 1944 г. смог выступить со своим новым сочинением — Третьим фортепьянным концертом. После войны в жизнь уже серьезно больного композитора вошел и стал его благодетелем Джаячамараджендра Водеяр, махараджа южноиндийского княжества Майсур.

Джаячамараджендра Водеяр (1919–1974) родился в семье брата правившего махараджи и не был наследным принцем. С раннего детства, которое прошло во дворце, вокруг него звучала музыка. Хотя по большей части это были классические южноиндийские карнатакские мелодии, первые уроки музыки, по воспоминаниям его сестры Виджайи Деви³, ему преподала сестра Игнация из христианского монастыря Доброго Пастыря в Майсуре. Это были уроки игры на фортепьяно⁴, и естественно, в основе их лежала европейская музыка. Их отец был поклонником джаза, поэтому дети могли слушать и воспринимать музыкальные произведения совершенно разных жанров. Джаячамараджендра был музыкально одаренным человеком, а вкупе с хорошими преподавателями и большим желанием учиться он стал незаурядным исполнителем западной музыки: в 1937 г. Гилдхоллская школа музыки и театра (британское высшее учебное заведение, Лондон) даровала ему право концерттировать, в 1945 г. его заслуги признал Тринити колледж (Лондон) и присвоил ему почетное звание, а в 1948 г. он стал первым президентом филармонического концертного общества (Лондон, the Philharmonic Concert Society) и президентом филармонического оркестра.

Незадолго до своей коронации он посетил в Швейцарии Сергея Васильевича Рахманинова — махараджа хотел брать у него уроки исполнительского искусства. Возможно, в этот приезд в Европу он и услышал музыку Н. К. Метнера.

1940 г. стал судьбоносным для Джаячамараджендры: скончался его отец, а через пять месяцев — и дядя, правивший князь Майсура. Он вынужден был отказаться от карьеры

² Эдна Айлс (1905–2003) была ученицей и преданным другом Н. К. Метнера, выступая с концертами, часто исполняла произведения своего учителя, после его смерти пропагандировала его музыку. Композитор посвятил ей «Русский хоровод для двух фортепьяно». В 2001 г. она передала Британскому музею свой архив материалов Метнера, который состоял из записей всех его уроков игры на фортепьяно; там содержится уникальная информация о манере его преподавания.

³ Виджайя Деви, как и ее брат, жила музыкой, по его совету она продолжила свое музыкальное образование сначала в Тринити колледже (Лондон), а потом в знаменитой школе Джулиарда в Нью-Йорке. В 1974 г. она основала Международное общество музыки и искусств (International Music & Arts Society — IMAS) в Бангалоре.

⁴ Nikhil Sardana The Maharaja of Music // Serenade August 21st, 2019. URL: <https://interlude.hk/maharaja-music/> (дата обращения: 15.12.2020).

концертирующего пианиста (по свидетельству Виджайи Деви, у него были такие планы) и посвящать себя делам княжества. Ему был 21 год, когда он стал 25-м и последним правителем Майсура из династии Водейр. Он продолжал ездить в Европу, но не так часто и не так подолгу. Свою тоску по западной музыке махараджа восполнял, проигрывая граммофонные записи из своей большой коллекции, которая все время пополнялась. По некоторым данным, она насчитывала около 20 000 записей. Он, как никто другой, понимал необходимость грамзаписей: и как человек, понимавший ценность авторского исполнения для будущих поколений, и как человек, оторванный от «живой» музыки и имевший возможность слушать ее только в записи.

Здесь, на родине, он смог окунуться в мир классической карнатакской музыки, учился игре на вине у известного музыканта Венкатагирияппы и сложностям сочинения музыки Карнатака у музыкального эксперта Васудевачарьи, выступал спонсором известных исполнителей южноиндийской музыки Доресвами Айянгара, Чинтелапалле Рамачандры Рао и других. Махараджа стал сочинять музыку под псевдонимом ‘Sri Vidya’, 96 его крити (форма музыкального произведения) были опубликованы в 2010 г.⁵ Современный исследователь этой части наследия махараджи Дипти Навратна находит элементы европейских мелодий в его крити⁶.

Н. К. Метнер и махараджа Джаячамараджendra Водейр никогда не видели друг друга. Вот как описал их сотрудничество Альфред Альфредович (Альфред Джулиус) Сван (Свен), музыковед и композитор, ближайший друг Н. К. Метнера и С. В. Рахманинова: «Но все наши планы [Сван вел переговоры о гастролях Николая Карловича в США — Т.3.] были разрушены событием, которое можно расценить как чудесную сказку. Намеки на какие-то “чудеса” проскальзывали в письмах Анны Михайловны, начиная с января 1947 года, а к лету Метнеры уже приняли решение не ехать в США.

Что же произошло? Существует несколько версий этой истории: я излагаю лишь ту, которая дошла до меня. Незадолго до войны молодой индусский студент Джаяя Гамараджа Уадиар, наследник одного из легендарных махараджей, по пути из Оксфорда домой остановился у своей сестры в Берлине, где она обучалась музыке. Увидев на рояле одну из сказок Метнера, он попросил сестру сыграть эту пьесу. Сказка произвела на него столь сильное впечатление, что Уадиар тут же дал обет разыскать ее автора и записать его произведения на граммофонные диски. Во время войны Джаяя Гамараджа Уадиар унаследовал княжество. И уже в 1946 году отдал распоряжение своему агенту в Лондоне войти в контакт с одной из компаний по грамзаписи и попросить Метнера наиграть свои произведения на пластинки. Посланцы махараджи явились в студию фирмы «His Master’s Voice» как раз, когда Метнер с Моисевичем⁷ наигрывали “Русскую хороводную” из ор. 58 (запись шла 24, 26 и 28 октября), посвященную Эдне Айлз. Тут же было достигнуто соглашение, в результате которого появились затем три альбома грампластинок с записями произведений Метнера» [Метнер, 1981, с. 150]. В 1946 г. для этого, а также с целью популяризации музыки Николая Карловича Метнера на деньги Водейра было создано Метнеровское общество. Так, именно благодаря спонсорской помощи махараджи-мецената, были записаны почти все значительные сочинения композитора в его исполнении крупнейшей на тот момент британской звукозаписывающей компанией HMV. Эти записи вошли в золотой фонд мировой музыкальной культуры и дают

⁵ Krupa Joseph Musical tribute today to last maharaja of Mysore // Deccan Herald. Sep 24. 2019. URL: <https://www.deccanherald.com/metrolife/metrolife-lifestyle/musical-tribute-today-to-last-maharaja-of-mysore-763691.html> (дата обращения: 16.12.2020).

⁶ Raja Chamarajendra Wadiyar Ruled the World of Music Too URL: <https://www.thehindu.com/society/history-and-culture/rajachamarajendra-wadiyar-ruled-the-world-of-music-too/article31274036.ece>. (дата обращения: 24.12.2020).

⁷ Моисевич Бенно (Беньюма, 1890–1963) английский пианист, друг Н. К. Метнера, принимал участие в записи произведений композитора.

наглядное представление о мастерстве музыканта и композитора. По свидетельству Анны Михайловны Метнер, «перспектива грамзаписи своих произведений как бы вызвала Метнера к новой жизни и дала ему, казалось, безграничные силы» [Метнер, 1981, с. 38]. Единственное, что, по ее воспоминаниям, огорчало автора, так это то, что грампластинки были собраны в альбомы и не продавались порознь. Целый альбом стоил очень дорого и поэтому был доступен лишь привилегированным кругам общества со значительными средствами [Метнер, 1981, с. 312]. В знак благодарности композитор посвятил свой Третий фортепьянный концерт махарадже⁸.

Незадолго до смерти, 1 ноября 1951 г., Метнер писал А. А. Свану: «Трудно и одиноко живется мне в настоящее время и если бы, кроме Вас самого, разумеется, ни махараджа и еще Лалиберте⁹ со всем его многочисленным окружением в Канаде — я совсем зачах бы (здесь решительно никто не интересуется моей музыкой)» [Метнер, 1973, с. 535].

В настоящее время Николай Карлович Метнер считается признанным во всем мире классическим композитором-романтиком.

Н. К. Метнер был не единственным композитором, которому помогал махараджа. Известно, что последние сочинения Рихарда Штрауса (1864–1949) «Четыре последние песни» для сопрано и оркестра, которые композитор не успел услышать исполненными на сцене, были исполнены при финансовой поддержке Водяра. 22 мая 1950 г. в знаменитом Альберт-холле филармонический оркестр под управлением Вильгельма Фуртвенглера исполнил последнее сочинение Штрауса. Солировала, как и завещал композитор, драматическое сопрано Кирстен Флагстад¹⁰. 5000 долларов не только позволили выполнить завещание композитора, но и сделать запись, которая вошла в сокровищницу мировой музыкальной культуры. Махараджа также спонсировал запись Первой симфонии М. А. Балакирева, концерта для фортепьяно А. Н. Скрябина и многих других музыкальных произведений¹¹. Благотворительная деятельность махараджи Джаячамараджендры Водяра показывает его поистине энциклопедические знания мировой музыкальной культуры и огромное желание ее пропагандировать. Музыка Н. К. Метнера не была простой для восприятия, а то, что он не подчинялся модным направлениям Серебряного века, привело к тому, что современники не оценили ее должным образом. Но эта музыка была понята махараджей, поскольку он знал и ценил разные музыкальные традиции, например, классическую карнатакскую¹².

Джаячамараджендра Водяра имел репутацию человека, мыслящего широко и перспективно. Он был знатоком не только западной и восточной музыки, но и признанным знатоком индийской философии (спонсировал перевод нескольких классических произведений с санскрита на родной язык каннада), прекрасным наездником и теннисистом. В 1947 г. после завоевания независимости Джаячамараджендра Водяра был первым правителем, который дал согласие на включение своего княжества в состав недавно образованного Индийского Союза. Такие политические деятели, как махараджа, были нужны новой власти: он перешел на государственную службу и занимал посты последовательно сначала *раджпрамукха* штата Майсур (1950–1956), потом, после реорганизации административного деления страны, — первого губернатора штата Майсур (1956–1964).

⁸ Nikhil Sardana The Maharaja of Music // Serenade August 21st, 2019. URL: <https://interlude.hk/maharaja-music/> (дата обращения: 15.12.2020).

⁹ Лалиберте, Альфред Жозеф Франсуа (1882–1952), канадский пианист и композитор, активный популяризатор музыки Н. К. Метнера в Канаде.

¹⁰ Nikhil Sardana The Maharaja of Music // Serenade August 21st, 2019. URL: <https://interlude.hk/maharaja-music/> (дата обращения: 15.12.2020).

¹¹ Ibid.

¹² Nikhil Sardana Musical Maharaja URL: <https://www.indiatoday.in/magazine/leisure/story/20190722-musical-maharaja-music-1566750-2019-07-12> (дата обращения: 17.12.2020).

и губернатора штата Мадрас (1964–1966). Махараджа продолжал носить титул махараджи Майсура до отмены княжеских титулов в Индии в 1971 г.

* * *

В 2019 г., в год столетнего юбилея махараджи Джаячамараджендры Водейра, в Ченнаи, столице штата Тамилнаду, Международное общество музыки и искусств (International Music & Arts Society) почтило его память концертом пианиста англо-гоанского происхождения Карла Лутчмайера и приглашенной сопрано франко-бразильского происхождения Беатрис де Ларагойти. Были исполнены произведения А. Н. Скрябина, С. В. Рахманинова, Ричарда Штрауса, Ферруччио Бузони и Н. К. Метнера. «В своем выборе мы опирались на его многогранный изысканный музыкальный вкус, — сказал Лутчмайер. — Музыка, которую он любил, была утонченной. Это не очевидный выбор и это не те произведения, которые вам понравятся с первого прослушивания»¹³.

В СМИ появились статьи, посвященные его жизни и творчеству, а в 2022 г. вышла монография музыканта и одновременно ученого, занимающегося исследованиями в области нейронауки, Дипти Наваратны *The Maverick Maharaja: The Life and Times of His Highness Maharaja Jayachamarajendra Wadiyar* [Navaratna, 2022]. В самом названии, как нам представляется, кроется истинная характеристика этого человека: «Maverick» значит «человек, не похожий на других», «чудак», «оригинал», «бунтарь». В аннотации к книге говорится, что в жизни махараджи прекрасно сосуществовали занятия философией, филателией, фотографией, музыкой, защита дикой природы и государственная деятельность¹⁴.

Литература / References

Метнер Н. К. *Письма*. / Под ред. З. А. Апетян. М., 1973 [Medtner N. K. Letters. Apetyan Z. A. (ed.). Moscow, 1973 (in Russian)].

Метнер Н. К. *Воспоминания, статьи, материалы*. Сост. З. А. Апетян. М., 1981 [Medtner N. K. Memoirs, articles and other papers. Apetyan Z. A. (comp.). Moscow, 1981 (in Russian)].

Navaratna D. *The Maverick Maharaja: The Life and Times of His Highness Maharaja Jayachamarajendra Wadiyar*. Gurgaon, 2022.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Deepti Navaratna. URL: <https://harpercollins.co.in/product/the-maverick-maharaja/> (дата обращения: 25.12.2022). Krupa J. Musical tribute today to last maharaja of Mysore // *Deccan Herald*. Sep 24 2019. URL: <https://www.deccanherald.com/metrolife/metrolife-lifestyle/musical-tribute-today-to-last-maharaja-of-mysore-763691.html> (дата обращения: 16.12.2020).

Nikhil Sardana. The Maharaja of Music // *Serenade* August 21st, 2019. URL: <https://interlude.hk/maharaja-music/> (дата обращения: 15.12.2020).

Nikhil Sardana. Musical Maharaja. URL: <https://www.indiatoday.in/magazine/leisure/story/20190722-musical-maharaja-music-1566750-2019-07-12>. (дата обращения: 17.12.2020).

Rajachamarajendra Wadiyar Ruled the World of Music too. URL: <https://www.thehindu.com/society/history-and-culture/rajachamarajendra-wadiyar-ruled-the-world-of-music-too/article31274036.ece>. (дата обращения: 24.12.2020).

¹³ Krupa Joseph Musical tribute today to last maharaja of Mysore // *Deccan Herald*. Sep 24 2019 URL: <https://www.deccanherald.com/metrolife/metrolife-lifestyle/musical-tribute-today-to-last-maharaja-of-mysore-763691.html> (дата обращения: 16.12.2020).

¹⁴ Deepti Navaratna <https://harpercollins.co.in/product/the-maverick-maharaja/> (дата обращения: 25.12.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-037-053

ТАЙВАНЬСКИЙ КРИЗИС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕРЕГОВОРНОЙ МОДЕЛИ ВОЙНЫ

© 2023

Д. Б. Графов¹.

Целью данной работы является анализ последствий, с которыми может столкнуться КНР при попытке силового присоединения Тайваня, и оценка приемлемости таких последствий для Пекина. Перспективы выбора рассматриваются с точки зрения «переговорной модели войны» (Bargaining Model of War), в основе которой — оценка выгод и убытков при выборе между силовым или переговорным сценарием. На оценку непосредственно влияет восприятие акторами действий противника, других внешних и внутренних переменных. Каждая из сторон видит с большим оптимизмом соотношение своих приобретений \ издержек («benefits of war» \ «cost of war») и старается повлиять в выгодном ей направлении на аналогичную оценку противника, то есть — убедить отказаться от силового сценария.

Автор приходит к выводу, что соотношение выгод и издержек силового возвращения Тайваня не позволяет китайскому руководству рассматривать его сейчас в практической плоскости. Однако со своей стороны руководство КНР использует угрозу силой Тайваню как инструмент давления в торге с США. А также для устрашения Тайваня, демонстрируя невыгодное соотношение выгод / издержек при движении к официальному суверенитету и отказу от «Консенсуса 1992 года».

Ключевые слова: КНР, Тайвань, США, переговорная модель войны, дилемма безопасности, выгоды / издержки войны, переговорная сила

Для цитирования: Графов Д. Б. Тайваньский кризис с точки зрения переговорной модели войны. Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 2. С. 37–53. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-037-053

TAIWAN CRISIS ANALYSIS FROM THE PERSPECTIVE OF «BARGAINING OF WAR THEORY»

Dmitry B. Grafov

The article analyzes the consequences for China of the forceful reunification of Taiwan and to assess the acceptability of these consequences for Beijing authorities. The choice to conquer or not to conquer Taiwan is discussed from the perspective of the Bargaining Model of War that based on an assessment of the benefits-costs ratio. The evaluation of the decision cost definitely depends on the perception of the rival's actions and other external and internal variables. Each side evaluates more optimistic its own benefit-cost ratio and tries to shift the other side coast of war perception in order to change the decision to fight.

¹ Графов Дмитрий Борисович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; graftvc@mail.ru
Dmitry B. Grafov, PhD (Political science), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; graftvc@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7334-5398.

The author comes to the conclusion that, on the one hand, the benefits-costs ratio is not favorable for Chinese authorities and they are not going to occupy Taiwan in current moment. But, on the other hand, China uses the threat to Taiwan as a lever in bargaining or deterring the United States. Also, the threat is used by Beijing for a pessimistic impact to the benefits-costs assessment in the event of Taiwan's refusal to reunite and follow «Consensus 1992».

Keywords: US-China relations, cross-Strait relations, Bargaining Model of War, Security dilemma in International relations, benefits of war, cost of war, bargaining power

For citation: Grafov D. B. Taiwan Crisis Analyzed from the Perspectives of the «Bargaining of War» Theory. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 2. Pp. 37–53. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-037-053

ПРЕДМЕТ И МЕТОД

В научной литературе достаточно много работ, посвященных проблеме разрешения тайваньского вопроса на новом этапе обострения американо-китайских отношений. Однако большинство из них рассматривают конфликт между Пекином и Тайбэем (при поддержке США) с идеологических позиций. В США анализируют тайваньский кризис как противостояние авторитарных коммунистических властей демократическому де-факто самостоятельному островному государству, население которого ощущает собственную идентичность [Van der Wees, 2021]. Китайские авторы рассматривают тайваньский вопрос как противодействие американских властей «политике одного Китая», которые используют сепаратистов Тайваня с целью помешать возвышению КНР [Qiang, 2022; Wu, 2021]. Внимание российских ученых традиционно тяготело к истории, культуре, политической жизни Тайваня, но в последнее время появляются работы, затрагивающие проблему сепаратизма на современном этапе [Данилова, 2022] и сам тайваньский вопрос как часть конфликта США с КНР [Овчинский, 2022; Труш, 2021].

В качестве методов используются системный анализ, моделирование [Yoon, Yun, 2020] [Weitz, 2022] (в том числе военных сценариев), проблемный метод. Теоретической основой являются структурный реализм (в первую очередь теория балансирования [He, 2009]), неоклассический реализм, конструктивизм. Внешнеполитические решения КНР рассматриваются в качестве производных как от внутренних переменных [Waltz, 1979] (восприятие власти населением, внутренняя политическая структура), так и от внешних системных переменных (угрозы США, углубление тайваньско-американских связей, расширение отношений острова с другими странами, способность Тайваня к самообороне). Также тайваньский кризис в его текущем развитии может быть рассмотрен с точки зрения «переговорной модели войны» (Bargaining Model of War) [Fearon, 1995].

У КНР оставались надежды, что администрация Байдена не будет продолжать курс Д. Трампа на конфронтацию и сдерживание «китайского мирного восхождения». Однако в Пекине быстро убедились, что нынешняя администрация в еще большей степени стремится использовать Тайвань против усиления материкового Китая, обвиняя его в попытке изменить мировой порядок. Администрация Дж. Байдена декларирует, что политика в отношении Тайваня соответствует подходу предыдущих администраций [Scobell, 2022]. Однако визит спикера Конгресса США Н. Пелоси в Тайбэй в 2022 г. вопреки всем протестам и завуалированным угрозам Пекина продемонстрировал решимость США отказаться от взятых ограничений и использовать тайваньскую проблему для сдерживания КНР. Президент Тайваня Цай Иньвэнь, представляющая

Демократическую прогрессивную партию, заявляла, что считает необходимым избежать военного конфликта с КНР, но не признает так называемый «Консенсус 1992 года» и не принимает формулу «одна страна, две системы», предложенную еще Дэн Сяопином².

Со своей стороны, Пекин повторил, что стремится к мирному воссоединению с Тайбэем, но готов использовать силу, если это потребует. Позиция была подтверждена и на XX съезде КПК³. КНР в 2019 г. впервые за 20 лет направила свои ВВС за разделительную линию («серединную линию») в Тайваньском проливе⁴, продемонстрировав, что тайваньский вопрос снова рассматривается в силовой плоскости.

Тайваньский кризис и китайско-американские отношения оказались в новой реальности после начала российской специальной операции на Украине. С одной стороны, Пекин всегда считал Тайвань своей территорией, и с этой точки зрения усилия Москвы присоединить украинские территории (в том числе Крым) официально не поддерживал. С другой стороны, руководителям КНР близка мотивация президента Путина, который был вынужден действовать для защиты русских, живущих на Украине, и упреждения угрозы с Запада [Steels, 2022]. Сам момент отвлечения сил Запада на поддержку Украине также указывал на выгодность момента решения тайваньского вопроса силой. Однако военная операция на Украине продемонстрировала, что даже очевидные преимущества не гарантируют успех. Концепция «градиента потери силы» (проекция военной силы убывает с расстоянием), которая утверждает, что наибольшие шансы на успех имеет военная операция на коротком плече удара, тем не менее, не подтверждается российским опытом. Близость Тайваня еще не гарантирует успеха военной операции даже при перевесе сил Народно-освободительной армии Китая (НОАК), как и современное вооружение НОАК, не исключает вмешательство США и их союзников⁵.

Китайские власти не посчитали конфронтацию Москвы и Вашингтона из-за Украины удачным моментом, чтобы отважиться на силовой сценарий возврата Тайваня, еще по одной причине. Наложённые ЕС и США беспрецедентные санкции, поддержанные в значительной степени многими другими странами (союзниками США или из-за опасения вторичных санкций), дали КНР уникальную возможность увидеть, насколько эти санкции эффективны, что им сможет противопоставить Россия, связанная с глобальной торговлей меньше, чем КНР. Сопротивление Москвы экономическому давлению Запада дает Пекину уникальную возможность экстраполировать возможные санкции на себя в случае столкновения с США.

США стараются усилить страхи властей КНР, пугая последствиями и неопределенно указывая на огромную ошибку, которую совершили бы китайские лидеры, вторгнувшись на Тайвань. В Пентагоне подчеркивают просчет Москвы относительно продолжительности войны с Украиной и что плата за подобную агрессию для Пекина может быть очень значительной. Делается акцент на военной помощи США, которая обеспечила успехи украинской армии, а заодно Пекину предлагается вывод: вряд ли он хочет поставить себя в положение, в котором находится Россия. Президент Байден неоднократно заявлял, что в случае китайского вторжения

² Tsai Ing-wen says China must 'face reality' of Taiwan's independence. Lily Kuo in Beijing. The Guardian. 15 Jan 2020. <https://www.theguardian.com/world/2020/jan/15/tsai-ing-wen-says-china-must-face-reality-of-taiwans-independence> (дата обращения: 20.02.2023).

³ Peaceful means first choice to resolve Taiwan question. China Military. 2022–10–16. http://eng.chinamil.com.cn/view/2022-10/16/content_10192587.htm (дата обращения: 20.02.2023).

⁴ US downplays tensions with China amid fears of military escalation. The Hill. 08/10/22. <https://thehill.com/policy/defense/3595179-us-downplays-tensions-with-china-amid-fears-of-military-escalation/> (дата обращения: 20.02.2023).

⁵ Так называемый режим запрета доступа «A2 / AD», для обеспечения которого разрабатывались баллистические ракеты (DF-21) против авианосцев.

американские военные будут помогать защищать Тайвань⁶. Подтверждением решимости США идти на эскалацию с КНР стало принятие «Закона о политике в отношении Тайваня» (Taiwan Policy Act of 2022), который предусматривает выделение \$6,5 млрд в следующие 5 лет на обеспечение безопасности Республики Тайвань. В сентябре 2022 г. администрация Байдена одобрила продажу оружия Тайваню на сумму более 1,1 млрд долларов. Конгресс получил уведомление от администрации Белого дома о планах поставить Тайбэю в 2022 г. 60 противокорабельных и 100 ракет класса «воздух-воздух»⁷.

В Вашингтоне видят опасность «умиротворения» Пекина. Если США откажутся от Тайваня, то Япония и Южная Корея, без сомнения, поймут, что данные им американские гарантии безопасности тоже не безусловны. Японские острова Сенкаку, активно оспариваемые Пекином, могут быть следующей уступкой. Те же страхи будут разрушать веру в американские гарантии других азиатских союзников Вашингтона. У КНР есть территориальные споры с Индией, Японией, Южной Кореей, Вьетнамом, Малайзией, Индонезией, Филиппинами. Предположение, что уступки Китаю умиротворят его, не слишком основательно⁸.

Потеря Тайваня недопустима для США и по геостратегическим соображениям. Первая островная цепь (известная в американской стратегии как первая линия обороны еще со времен Корейской войны) простирается от Корейского полуострова через Японские острова, Тайвань, Филиппины и заканчивается в Юго-Восточной Азии. Она и сейчас является ключевым элементом в военных планах США, закрывая свободный выход китайских стратегических подводных лодок с базы на острове Хайнань⁹. Американским ВМС будет сложнее отслеживать подлодки КНР в Тихом океане, если их проход через пролив Баши в Филиппинское море станет свободным.

Защищать оружием Тайвань у США есть и экономические причины. Тайвань занимает доминирующее положение в качестве мирового лидера в производстве полупроводников. Хотя президент США Джо Байден пообещал вернуть часть производства полупроводников в США, на данный момент мировая экономика на 77% зависит от поставок электронных компонентов, произведенных в Тайване. Только одна тайваньская компания TSMC производит 54% всех полупроводников¹⁰. Если бы Китай вернул остров, он получил бы контроль над мировой микроэлектроникой и доступ к новейшему оборудованию, необходимому для производства чипов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Как правило, рациональные стороны конфликта, рассматривая использование силы, опираются на риск-анализ выгод и издержек войны (risk benefit analysis). Всю международную политику можно охарактеризовать как борьбу за перераспределение ресурсов (экономических, территориальных, природных или ресурсов влияния). Обладание добытыми ресурсами имеет свою цену и закрепляется безопасностью нового положения — тогда оно становится новым

⁶ US military points to Ukraine in warning China against Taiwan attack. The Hill. 09/26/22 <https://thehill.com/policy/defense/3660667-us-military-points-to-ukraine-in-warning-china-against-taiwan-attack/> (дата обращения: 21.02.2023).

⁷ Biden administration to ask Congress to approve \$1.1B arms sale to Taiwan. Politico. 08/29/2022. <https://www.politico.com/news/2022/08/29/biden-taiwan-arms-sales-congress-00054126> (дата обращения: 21.02.2023).

⁸ Herzinger B. Abandoning Taiwan Makes Zero Moral or Strategic Sense. Foreign Policy. May 3, 2021. <https://foreignpolicy.com/2021/05/03/taiwan-policy-us-china-abandon/> (дата обращения: 22.02.2023).

⁹ Satellite images reveal Chinese expansion of submarine base. Defense News. Sep 21, 2022. <https://www.defensenews.com/naval/2022/09/21/satellite-images-reveal-chinese-expansion-of-submarine-base/> (дата обращения: 22.02.2023).

¹⁰ Semiconductors in Taiwan — statistics & facts, Apr 29, 2022. <https://www.statista.com/topics/9125/semiconductors-in-taiwan/#dossierKeyfigures> (дата обращения: 22.02.2023).

status quo, выгоды от которого должны превышать издержки [Blainey, 1973]. Безопасность может рассматриваться как вероятность удержания \ приобретения активов или выгод. Сами военные действия имеют риск поражения. Но и в случае удачи — получения больших выгод при меньших издержках — возникает вопрос надежности сделанных завоеваний (или уступок противника). Она может быть гарантирована только с помощью силы, угрозы силой, других действий (блокады, санкций, разрушения \ заключения союзов и договоров), которые в случае нарушения status quo сдвигают баланс убытков и выгод для противника в неприемлемом направлении. Применению силы обычно предшествует угроза ее применения и оценка реальности и последствий такой перспективы, что подразумевает обмен информацией (заявлениями, переговорами, демонстративными действиями).

В международных отношениях вопрос о выгодах и издержках войны как условия начала боевых действий рассматривается в «переговорной модели войны» (Bargaining Model of War). Разрешение конфликта из-за распределения ресурсов или выбора политики другого государства рассматривается как торг (очный или заочный, формальный или неформальный) с позиции силы. Сама технология торга с позиции силы описывается как давление через все доступные каналы с целью донести до противника-партнера информацию о крайне невыгодном соотношении приобретений к потерям при силовом развитии событий и, наоборот, более приемлемом соотношении в случае сделки или отказа от войны [Fearon, 1995]. Переговорная модель войны рассматривает войну не как неудачу дипломатии, а как продолжение переговоров, подкрепленных силой. Запугивание снижает возможность объективной оценки и может ускорить решение в пользу отказа от войны. В первую очередь на риск-анализ влияют:

- оценка военного потенциала и ущерба ему;
- оценка экономического потенциала и ущерба ему;
- развитие внутривнутриполитической ситуации;
- реакция союзников и других противников;
- недооценка или переоценка данных разведки.

К значимым следует отнести и «субъективные» факторы, такие как:

- неспособность к разделению интересов, чтобы жертвовать одними для сохранения других;
- разногласия среди принимающих решение, в основе которых может лежать и разный расчет, и опасения (страх) неправильной оценки противником изменения позиции (например, переговоров как слабости);
- упускаемые из виду факторы (например, восприятие собственным населением уступки, путей и средств борьбы или самой ставки в противостоянии).

Переговорная модель войны исходит из того, что именно на эти процессы и может влиять противоположная сторона. С данной теорией непосредственно пересекаются когнитивная психология, теория конструктивизма в международных отношениях [Reiter, 2003]. Важно отметить, что сама структура международных отношений (институтов) влияет на торг, поскольку каркас структуры представляет собой распределение ограниченных ресурсов (право вето, влияние в международных институтах, регламент голосования и принятия решений) [Koremenos et al., 2001]. Определенные соображения (например, идеологические) могут приводить к иррациональным решениям, но, как правило, решения принимают из рациональных мотивов, и большинство войн не являются тотальными (на уничтожение) или любой ценой.

Если обозначить первоначальную оценку выгоды от решения конфликта силовым путем через $\text{benef } 1$, а убытки — через $\text{cost } 1$, то ситуацию можно проиллюстрировать графически (см. Рис. 1).

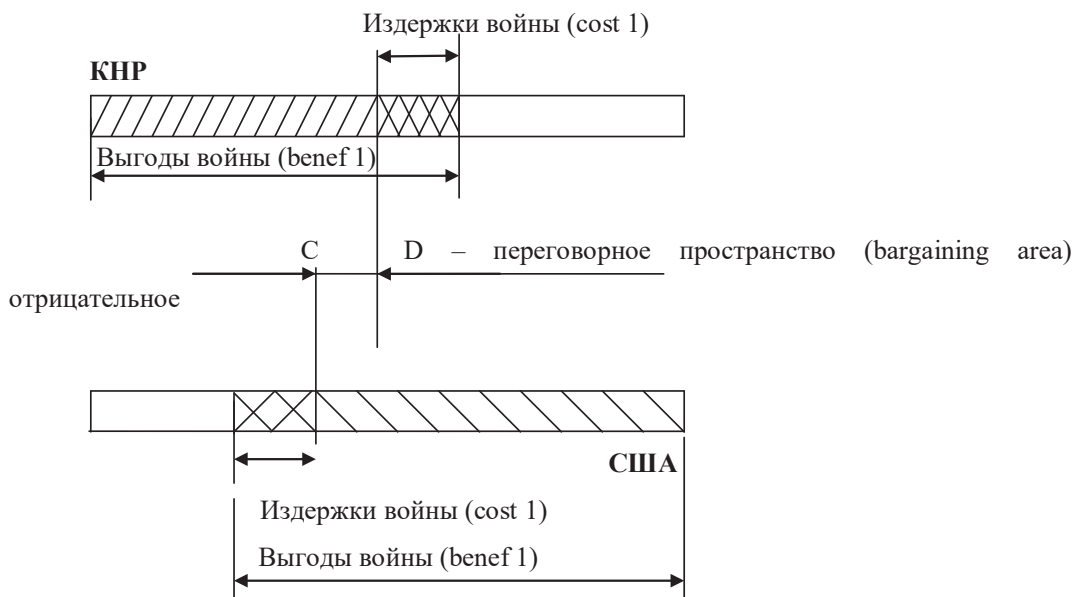

Рис. 1. Сравнительная проекция ожидаемых выгод и издержек в случае военного конфликта США и КНР: обе стороны оценивают результат (выгоды минус малые издержки) в свою пользу, поле для компромисса (переговорное пространство – *bargaining area*) не возникает

Давление и демонстрация решимости со стороны США должны убедить КНР в ошибочности начальной оценки выгодности силового сценария — соотношения $\text{benef } 1 \setminus \text{cost } 1$ — и заставить поверить в другое соотношение — $\text{benef } 2 \setminus \text{cost } 2$ (см. Рис. 2).

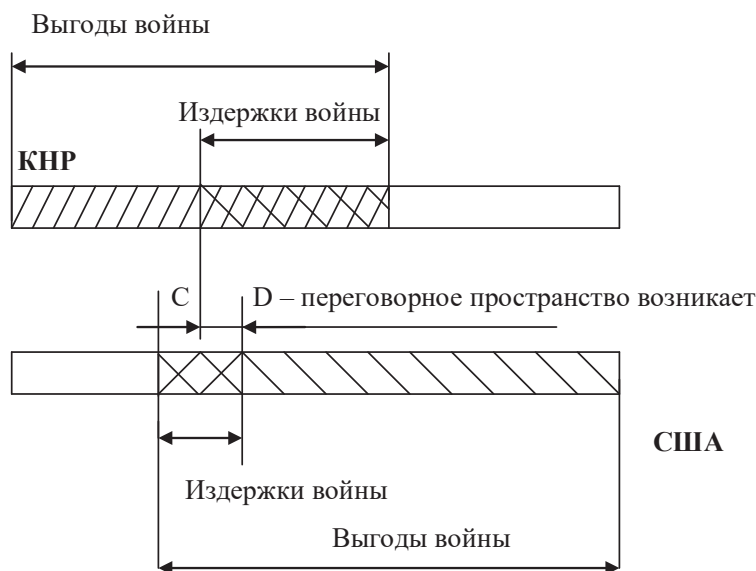

Рис. 2. Сравнительная проекция ожидаемых выгод и издержек в случае силового разрешения конфликта между КНР и США из-за Тайваня: обе стороны оценивают результат менее оптимистично (КНР в большей степени пессимистично), цена войны растет, возникает переговорное пространство

Если Вашингтону удастся внушить Пекину, что издержки будут значительно больше, чем по китайским оценкам, и силовое решение теряет смысл, тогда переговорное пространство возникает, переговорная область положительна. Тактика торга под давлением строится на том, что стороны никогда не могут быть уверены в достоверности и полноте информации о возможностях и решимости противника.

В свою очередь, власти КНР также будут стремиться убедить США остаться в стороне в случае войны с Тайванем, стараясь убедить Вашингтон в невыгодном для него соотношении $\text{benefit} \setminus \text{cost}$ — то есть ошибочности его собственных оценок в случае военного вмешательства в конфликт.

Важным аргументом «переговорной силы» (bargaining power) служат соображения внушаемости и ответственности лица, принимающего решение, а также невозможности полностью положиться на третью сторону (союзника, международные институты), если таковая имеется [Fearon, 1995]. Каждая сторона старается использовать превентивно силу для конвертации ее в переговорную силу и давления на соперника, убеждения его через рациональные аргументы или через создание неопределенности риска последствий, размер которых трудно просчитать. Используя друг против друга силовые аргументы, КНР и США могут изменить представление выгод и убытков, что создает положительную переговорную область (bargaining area). Внутри нее возможен диапазон решений, которые стороны посчитают приемлемыми перед неопределенным исходом войны.

В идеальных условиях, если два конфликтующих государства знают исход возможной конфронтации, они предпочтут решение, которое отражает гипотетический итог войны, не неся издержек боевых действий [Reiter, 2003]. Но в реальных условиях победа (или степень поражения) не предопределена, и остается надежда. В переговорной модели войны есть риск или вероятность ошибки. Даже в случае выигрыша возникает дилемма «негативной полезности» — пирровой победы. Точно предсказать соотношение издержек и выгод риск-анализ не может. Это соотношение становится ясным лишь с приближением или началом войны. Задача состоит в том, чтобы, угрожая войной, заставить, как минимум, рассматривать «негативную полезность». Еще лучше убедить противника в том, что кажущаяся «негативная полезность» может обернуться «негативной бесполезностью», и подтолкнуть заключить менее выгодную для него сделку (не проверяя расчеты войной).

Возможны три условия, которые являются триггерами войны. Во-первых, между двумя сторонами могут возникнуть разногласия относительно вероятного исхода войны. Если хотя бы одна сторона переоценивает свои шансы на победу или недооценивает решимость противника, она может ставить слишком жесткие условия, и другая сторона предпочтет выяснить отношения силой [Fearon, 1995]. Очевидно, что инициаторы Первой мировой, Второй мировой войны, войны США против Демократической Республики Вьетнам, Арабо-Израильской войны 1973 г. рассчитывали на иной результат, а, зная итог, искали бы другие средства.

Вторая предпосылка войны — уверенность в решающем значении первого удара. Шестидневную войну 1967 г. Израиль выиграл именно за счет внезапного удара по ВВС Египта. Расчет на «блицкриг» лежал и в нападении Германии на СССР в 1941 г. Выигрыш на старте дает надежду на более выгодное смещение баланса сил в будущем и тем более снижает желание торговаться в настоящем [Powell, 1999].

Третье условие начала войны: предмет противостояния не является предметом торга, поделить его нельзя, значит — «все или ничего». К числу неделимых проблем относятся суверенитет, выживание, этнические споры. Сделка с сепаратистами создает прецедент и побуждает

другие меньшинства требовать независимости [Toft, 2010]. Для КНР вопрос возвращения Тайваня представляет именно такую проблему.

Риск-анализ выгод и издержек войны

США и КНР демонстрируют решимость отстаивать интересы с помощью силы, а выгоды и издержки от силового столкновения каждая из сторон изначально представляет оптимистично, поэтому не отступает.

Хотя США еще не использовали весь арсенал инструментов давления, можно оценить соотношение $\text{benef} \setminus \text{cost}$ для КНР, выделив в балансе различные факторы, определив их критичность, т. к. факторы могут иметь разный удельный вес на чаше весов, принимающих решение. Также оценка выгод и убытков подразумевает вероятность данных событий $P(\text{benef})$ и $P(\text{cost})$. Таким образом, силовой сценарий имеет смысл по прагматическим соображениям, если соотношение $\text{benef} \times P(b) \setminus \text{cost} \times P(c) > 1$.

Негативные и отрицательные факторы (составляющие) можно разделить на военные, экономические, внутри- и внешнеполитические и в первом приближении учитывать как имеющие соизмеримый удельный вес. Хотя некоторые из них более критичны для КНР, чем другие, но из-за высокой неопределенности развития событий и последствий будем учитывать их в нашем анализе как простую сумму.

Негативные военные факторы:

1. Вероятность поражения в небе от ВВС США;
2. Вероятность поражения флота КНР в Тайваньском проливе от ВМС США;
3. Сложные условия захвата и удержания плацдарма, риск больших потерь;
4. Снабжение передовых частей в случае захвата плацдарма проблематично из-за превосходства США на море и в воздухе.

Экономические негативные факторы:

1. Торговые санкции;
2. Блокада путей поставок энергоносителей морским путем;
3. Замораживание активов в зарубежных компаниях и банках;
4. Блокирование доступа к новым технологиям.

Отрицательные внутриполитические факторы:

1. Неудача военной кампании обернется глубоким национальным пессимизмом, вся ответственность за поражение ляжет на власть.

Негативные внешнеполитические факторы:

1. В случае неудачи КНР может также потерять захваченные спорные острова (Парасельские, Спратли);
2. Мощь КНР в проекции на международные отношения (особенно на соседей) будет поставлена под вопрос;
3. Огромные жертвы и разрушения. Пекин испытает необходимость в оправдании «агрессии».

Положительные военные факторы:

1. Численное превосходство НОАК над тайваньской армией;
2. Фактор внезапности при сравнительной близости противника;
3. Невозможность США оперативно оказать военную поддержку Тайваню;
4. В случае победы большая безопасность подводных СЯС КНР.

Экономические положительные факторы:

1. Безопасность морских маршрутов в Тайваньском проливе;
2. Доступ к технологиям в области полупроводников и микрочипов.

Внутриполитические положительные факторы:

1. Рост легитимности курса КПК, усиление позиций Си Цзиньпина;
2. Выполнение программных установок КПК.

Внешнесполитические положительные факторы:

1. Усиление КНР как сверхдержавы, оспаривающей лидерство США.

Сложение факторов приобретает следующий вид:

	военные	экономические	внутриполитические	внешнесполитические
негативные	- 4	- 3	- 1	- 3
положительные	4	2	2	1
сумма	0	-1	1	- 2

Итоговое соотношение выгод и издержек ($\text{benef} \setminus \text{cost} = 9 \setminus 11$). Что свидетельствует о малой относительной пользе или высокой цене военного сценария возвращения Тайваня. Выгоды и издержки имеют вероятность наступления — $P(\text{benef})$ и $P(\text{cost})$ — которые тоже необходимо учитывать. Российская спецоперация продемонстрировала, что и внезапность атаки, и перевес в технике, и кажущаяся слабость противника еще не гарантируют успех. Большое значение имеют особенности театра военных действий, проблемы логистики, обученность армии, способность к мобилизации, информационная война, внешняя помощь противнику, реакция союзников и партнеров. Рассматривая возможности НОАК в столкновении с ВМС и ВВС США, можно исходить из неоднократных случаев противостояния сил США и КНР в зоне оспариваемых Пекином островов (Спратли и Парасельские). Всегда китайские власти ограничиваются заявлениями о нарушении суверенитета и безопасности, требуют покинуть территориальные воды, но части НОАК не вступают в силовое противостояние с ВВС и ВМС США¹¹. Однако, по некоторым американским оценкам, китайская операция против Тайваня может произойти до 2027 года¹².

Большую неопределенность в вопросе о степени вмешательства Вашингтона при попытке Пекина вернуть силой Тайвань вносит фактор китайских ядерных сил. Поскольку сигналы Москвы о возможности использования ядерного оружия в случае угрозы существованию России насторожили США, в Пекине неизбежно задумаются, насколько ядерный потенциал КНР способен остановить американских политиков. Воспринимают его за океаном как сдерживающий, а последствия применения против США неприемлемыми? Или нежелание США обострять отношения с Россией нельзя аналогично переносить на Китай? Но есть пример конфронтации США с Северной Кореей. В период обострения отношений администрации Д. Трампа с режимом Ким Чен Ына Пентагон отсоветовал президенту США наносить удар по Северной Корее. То есть для США возможность ядерного удара по их территории неприемлема даже при минимальном риске, хотя КНДР обладала меньшим (по сравнению с КНР

¹¹ US steps up challenges to Chinese-claimed islands in South China Sea. CNN. February 17, 2021. <https://edition.cnn.com/2021/02/17/asia/us-navy-south-china-sea-freedom-of-navigation-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 18.02.2021).

¹² China's Accelerated Timeline to Take Taiwan Pushing Navy in the Pacific, Says CNO Gilday. U. S. Naval Institute News. October 19, 2022. <https://news.usni.org/2022/10/19/chinas-accelerated-timeline-to-take-taiwan-pushing-navy-in-the-pacific-says-cno-gilday> (дата обращения: 20.10.2022).

и отчасти гипотетическим) ядерным потенциалом¹³. С другой стороны, если китайское руководство «поведется» на ядерные угрозы США (откажется от доктринальной позиции не применять СЯС первым), то Япония и Ю. Корея обзаведутся своими ядерными силами, и это создаст новые вызовы КНР. Противоположная стратегия — табу на любые упоминания ядерного сдерживания — может привести к другому нежелательному для Пекина результату, а именно дать ложный сигнал противникам относительно решимости применять СЯС вообще, аналогично тому, как некоторые страны не считаются с наличием у России ядерного арсенала, уверовав, что Москва побоится его использовать, а если решится, то только при обмене ударами с США.

Более определенно выглядит перспектива экономических последствий в случае конфронтации. Доля экспорта в ВВП КНР в 2021 году составила 19%¹⁴. Конечно, не весь китайский экспорт Вашингтон смог бы блокировать санкциями. На долю США и ЕС приходится 17,2% и 15,4% всего экспорта соответственно¹⁵. Потери от гипотетических санкций против китайского экспорта не будут критическими, но могут сократить ВВП на 6–7%. Большой ущерб КНР может доставить блокада морских маршрутов не только экспорта, но также импорта, особенно энергоносителей. Единственным транспортным коридором в этом случае остается Россия. Китайский проект «Пояса и пути» выглядит как страховка логистической уязвимости¹⁶.

Очевидно, китайские власти способны сделать выводы из санкций против России — например, избежать ареста своих активов в юрисдикциях западных стран. Китайская банковская система лучше адаптирована к проведению расчетов в условиях ограничений западных банков и в меньшей степени зависит от Visa, Mastercard и American Express [Lin, 2022]. Однако даже наличие собственной международной карточной платежной системы UnionPay не гарантирует ее обслуживание иностранными банками, как показывает отказ от работы с российскими картами «МИР» банков даже дружественных стран. КНР осознает возможность отключения от системы глобальной финансовой телекоммуникации SWIFT, а в случае США основным расчетным центром является система межбанковских платежей «Clearing House» (CHIPS). Китай запустил свою трансграничную платежную систему CIPS в юанях, которая может работать с российской системой передачи финансовых сообщений SPFS. Определенные возможности для международных платежей дает цифровой юань (e-CNY)¹⁷.

В целом стратегия КНР в противостоянии американским санкциям будет состоять в усилении зависимости как можно большего числа стран от экономических связей с КНР, чтобы сделать болезненным их разрыв [Lin, 2022].

Как видно из оценки баланса издержек \ выгод, очевидных преимуществ, помноженных на невысокий риск, Пекин от военной операции против Тайваня не получит. Возможен и обратный подход: что теряет Пекин, не начиная атаку на Тайвань? Ничего. Сделать Тайвань еще более независимым от КНР США не могут. Сделать его каким-то особенно враждебным (как Киев по отношению к Москве) тоже не получится, т. к. Тайвань его положение устраивает.

¹³ By Far the Worst Thing Trump Did Was Flirt With Nuclear War With North Korea. The Intercept. January 20, 2021. <https://theintercept.com/2021/01/20/biden-inauguration-trump-north-korea/> (дата обращения: 20.10.2022).

¹⁴ Share of exports in gross domestic product (GDP) in China from 2011 to 2021. <https://www.statista.com/statistics/256591/share-of-chinas-exports-in-gross-domestic-product/> (дата обращения: 20.10.2022).

¹⁵ China's Top Trading Partners. World's Top Exports. <https://www.worldstopexports.com/chinas-top-import-partners/> (дата обращения: 20.10.2022).

¹⁶ Один пояс, один путь. Китай сегодня. PRC Today. <https://prc.today/category/o-kitae/ekonomika/odin-poyas-odin-put/> (дата обращения: 20.10.2022).

¹⁷ China weighs use of digital yuan for cross-border payments. Electronic Payments International. July 19, 2021. <https://www.electronicpaymentsinternational.com/news/china-weighs-use-of-digital-yuan-for-cross-border-payments/> (дата обращения: 22.10.2022).

В оппозиционной партии Гоминьдана есть крыло, выступающее за объединение с КНР, руководство партии поддерживает контакты с Пекином. Симпатии к материковой родине испытывает около трети населения острова. За тесные экономические связи с КНР выступают 52% тайванцев и 85% — за экономические связи с США, за тесные политические связи с КНР и США выступают 36% и 79% населения соответственно [Hsiao, 2022].

Еще в 2015 г. генсек КПК Си Цзиньпин назвал одной из задач на пути к «Великой китайской мечте о возрождении китайской нации» превращение Поднебесной в великую державу и участие в глобальном управлении к 2049 г.¹⁸ Одновременно руководством КПК провозглашено окончание «столетия унижений». В том числе иностранного доминирования над любой частью Китая и «американского протектората над Тайванем». Отсюда необходимость закончить объединение страны до 2049 г. Нерешительность в использовании победоносной НОАК против Тайваня может раздражать китайских патриотов и националистов. Но даже «срыв сроков» не повлияет на устойчивость власти КПК. Другое дело, что демонстративный визит спикера Конгресса Н. Пелоси в Тайбэй в августе 2022 г. состоялся, несмотря на все протесты и угрозы Пекина, и стал чрезвычайным вызовом всему Китаю. Предыдущий визит на остров спикера Конгресса США — им был Н. Гингрич — произошел в 1997 г., сразу после Третьего кризиса в Тайваньском проливе (1995–1996), когда в ответ на демонстративные пуски ракет и учения китайских ВВС в проливе США прислали для защиты острова две авианосные группы. Теперь именно визит Н. Пелоси вызвал демонстрацию сил НОАК в проливе и мог стать переломным моментом в американо-китайских отношениях. Но Китай ограничился запуском 9 баллистических ракет DF-15 по 6 зонам на границе территориальных вод Тайваня и массированным учениям по периметру острова [Dotson, 2022].

ОТНОШЕНИЕ КИТАЯ К РИСКУ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ УГРОЗЫ

В официальном документе, закрепляющем задачи национальной обороны «в новую эру», так называемой «Белой книге» (China's National Defense White Paper) говорится о Тайване следующее: «Борьба с сепаратистами становится все более острой. Власти Тайваня, возглавляемые Демократической прогрессивной партией, упорно придерживаются «независимости Тайваня» и отказываются признавать «Консенсус 1992 года», который воплощает принцип одного Китая. Они пошли дальше по пути сепаратизма, активизировав усилия по разрыву связи с материком в пользу постепенной независимости, настаивая на независимости, усиливая враждебность и конфронтацию, заимствуя силу иностранного влияния... Мы не отказываемся от применения силы и оставляем за собой право принять все необходимые меры. Это ни в коем случае не направлено против наших соотечественников на Тайване, а только против вмешательства внешних сил и небольшого числа сепаратистов» [China's National Defense, 2019].

Формула — военная сила не будет направлена на «наших», но только на сепаратистов и их внешних пособников — оставляет значительную неопределенность. «Белая книга» — это документ доктринально-идеологический, а рациональный анализ баланса выгод и издержек предполагает риск (вероятность) тех или иных последствий — P(benef) и P(cost). В англосаксонской стратегической культуре военный успех основывается на численности армии и методах достижения перевеса в сражении, замысле и его реализации, предусмотрительности и смелости, времени и территории, обороне и наступлении, но в конечном счете — на истреблении

¹⁸ 習近平：實現了首個百年奮鬥目標 全面建成小康社會. RTHK News. (Xi Jinping: the first 100-year goal of comprehensively building a prosperous society has been achieved; Си Цзиньпин: первая цель 100-летнего плана всеобщего построения благополучного общества достигнута). 02.07.2021. <https://news.rthk.hk/rthk/ch/component/k2/1598607-20210701.htm?> (дата обращения: 22.10.2022).

противника в открытом бою. [Клаузевиц, 2018, с. 26–352]. В стратегической культуре Китая отсутствует склонность к риску и прямому столкновению. Наоборот, есть стремление к непрямым действиям, выжиданию, обману, действию чужими руками — т. е. отсутствию риска и эскалации. Это хорошо видно из древнекитайского трактата «Тридцать шесть стратагем» (сань ши лю цзи 三十六計) [Малявин, 2000, с. 43–90]. Там мы находим такие стратагемы: «Грابتить во время пожара» (чэнь хо да цзе 趁火打劫), «Убить чужим ножом» (цзе дао ша жэнь 借刀殺人), «Наблюдать за огнем с противоположного берега» (гэ ань гуань хо 隔岸觀火), «Поднять шум на востоке — напасть на западе» (шэн дун цзи си 聲東擊西), «Бить по траве, чтобы вспугнуть змею» (да цао цзин шэ 打草驚蛇), «Выманить тигра с горы на равнину» (дяо ху ли шань 調虎離山) и многие другие, где следует искать некое обстоятельство (чье-то действие), которым надлежит воспользоваться.

Очевидно, при высокой цене последствий разумнее не делать полную ставку, а использовать угрозу («бить по траве») как производную от располагаемой силы. На визит спикера Конгресса в Тайбэй Пекин не ответил агрессивной акцией, хотя вызвал ожидания самых серьезных действий, даже перехвата самолета Н. Пелоси. Но Китай ответил беспрецедентными учениями по периметру Тайваня, что демонстрирует возможности НОАК, но не должно спровоцировать США [Scobell, 2022].

Для обеих сторон важно избежать неконтролируемой эскалации, которая есть следствие так называемой «дилеммы безопасности». Неправильное толкование риторики или действий может спровоцировать циклы действия-противодействия, которые увеличивают не нужный в первую очередь Китаю риск незапланированной эскалации. В КНР предлагают США установить некое «ограждение» в тайваньском вопросе, которое будет ограничивать действия американской стороны, но в Вашингтоне никаких обязательств брать не хотят¹⁹. Однако дилемма безопасности актуальна и для США. Важно не загнать КНР на поле боя, а сдержать, ослабить и убедить отказаться от намерений оспорить лидерство США в мировых делах.

Когда президент Байден заявляет в четвертый раз, что «американские военные будут защищать Тайвань в случае китайского вторжения», МИД КНР проявляет осторожность, сдержанно отвечая, что заявления Байдена «серьезно нарушают обязательство США не поддерживать независимость Тайваня» [Freeman, 2022]. Взвешенный ответ, с одной стороны, позволяет не потерять лицо, а, с другой — не дать повода к эскалации (подобно визиту Н. Пелоси). Если Пекин опасается риска, то Вашингтон его использует. Например, обещает развернуть производство вооружений на Тайване. Якобы это делается в ответ на решение компартии КНР ускорить сроки воссоединения. В Пекине объясняют желание Вашингтона наладить производство военной техники на Тайване ее нехваткой на американских складах из-за поставок на Украину, а также возможностью блокады острова, которую НОАК продемонстрировала в ходе крупномасштабных учений после визита в Тайбэй Н. Пелоси²⁰.

Риск и эскалация порождаются неопределенностью, поддержание неопределенности — важный элемент торга. Отсутствие точной информации (границ ответа противника) плюс страх позволяют добиваться того, чтобы в расчетах слабая сторона исходила из пессимистического сценария. Например, в Пекине однозначно не могут оценить степень угрозы, звучащей из Конгресса США. В последнее время политика Конгресса в отношении Китая стала более

¹⁹ Seminar discusses the fourth Taiwan Straits crisis, issues report on China-US signaling on the Taiwan question. The Institute of International Studies at Fudan University. 2022–09–15. <https://iis.fudan.edu.cn/en/03/36/c38333a459574/page.htm> (дата обращения: 16.09.2022).

²⁰ US plans to jointly produce weapons with Taiwan island in ‘futile attempt’ of obstructing reunification. The Institute of International Studies at Fudan University. 2022–10–20. <https://iis.fudan.edu.cn/en/17/d9/c38333a464857/page.htm> (дата обращения: 21.10.2022).

радикальной, чем политика Белого дома, а поддержка Тайваня переходила все ограничения, декларируемые исполнительной властью. Это можно объяснить и заинтересованностью администрации Дж. Байдена в поддержке Конгресса по внутренней повестке, и очередной предвыборной кампанией, и некоей уловкой «разделения власти» [Shao et al., 2022].

Аналогично туман неопределенности использует и Китай. Угрожая Тайбэю, Пекин старается убедить Вашингтон в том, что китайские власти не остановятся перед применением силы. Китай объявляет приоритетными целями те самые предприятия по производству вооружений, которые США обещают развернуть на острове. Где проходят красные линии, власти США точно знать не могут. И чтобы избежать спирали эскалации, Вашингтон должен в чем-то уступить Пекину.

Чэнь Дунсяо, президент Шанхайского института международных исследований, делает многозначительные заявления о разрушении самих основ китайско-американских отношений и неспособности США извлекать уроки из истории²¹. Белому дому остается додумывать, что имеет в виду Пекин, когда Си Цзиньпин говорит президенту Байдену: «Если вы играете с огнем, вы сами себя подожжете»²². Даже когда слова сказаны в связи с тайваньским вопросом, далеко не ясно, какой сигнал посылает Пекин. Более того, куда более важно, *как* воспринимает сигнал сторона, чем то, *какой* именно смысл вкладывал в него отправитель.

Обычной демонстрацией решимости являются масштабные учения, максимально приближенные к реальным военным сценариям, в том числе с привлечением союзников. Рядом стоят испытания новейших систем вооружений. Можно ожидать, что, если китайские власти решатся на еще большую демонстрацию угрозы в отношении Тайваня, они могут демонстративно начать концентрацию десантных средств напротив острова. Заходы воздушных и морских судов в тайваньское территориальное пространство могут напоминать подготовку к блокаде. Следующий шаг, который мог бы заставить США задуматься о каких-то уступках, — развертывание на побережье тактических ракетных комплексов, которые необходимо использовать для разрушения военной инфраструктуры Тайваня перед высадкой десанта. Это стратегия «повышения вероятности вторжения», когда в Вашингтоне не имеют повода для ответа, но испытывают тревогу от ощущения неопределенности действий противника.

Во многих сценариях подготовки к войне, известных истории, присутствует акция оправдания (Тонкинский инцидент 1964 г., Майнильский инцидент 1939 г.). Подобный инцидент может быть разыгран КНР в роли жертвы, которая «вынуждена защищаться». В качестве ответа нет необходимости сразу атаковать Тайвань. «Последним предупреждением» может быть захват небольших островов, управляемых Тайванем вблизи материкового Китая, таких как Мацзу или Кинмэнь, Тайпинг, или других островов атолла Пратас. Во-первых, Пекин продемонстрирует реальность «цены войны». Во-вторых, реакция (отсутствие реакции) на захват островов даст ответ на вопрос о готовности Тайваня воевать с Поднебесной. То же касается вопроса о решимости США и Японии вступить за Тайвань [Blackwill, Zelikow, 2021, p. 30]. С одной стороны, потеря островов — недостаточный повод для масштабного ответа со стороны США, с другой — их захват может подорвать доверие к гарантиям США у Японии, Австралии и других американских союзников и вынудит их к большей сговорчивости. Вопрос, следует или нет Вашингтону начинать войну с Пекином в случае оккупации островов Цзиньмэнь в Тайваньском проливе

²¹ Seminar discusses the fourth Taiwan Straits crisis, issues report on China-US signaling on the Taiwan question. The Institute of International Studies at Fudan University. 2022–09–15. <https://iis.fudan.edu.cn/en/03/36/c38333a459574/page.htm> (дата обращения: 21.10.2022).

²² China's Xi Tells Biden on Taiwan 'Those Who Play With Fire Perish By It'. News Week. <https://www.newsweek.com/joe-biden-xi-jinping-call-readout-1728882> (дата обращения: 21.10.2022).

(Мацзу или Кинмэнь), обсуждался в ходе президентских дебатов между Дж. Кеннеди и Никсоном в 1960 г. Ответ Кеннеди был «нет» [Neal, 2022].

Сутью переговорной модели войны и является манипулирование риском применения силы, не доводя до самой войны. Пекин может получить уступки от Вашингтона, если убедит его в реальности своих планов атаковать Тайвань. Опасность войны может вынудить тайваньские и американские власти пойти на уступки требованиям КНР по различным вопросам. Например, за отказ от нарушения «срединной линии» Тайваньского пролива китайскими ВВС Пекин может потребовать от Вашингтона воздержаться от поставок Тайбэю чувствительных видов оружия. Одновременные призывы к примирению (мирному объединению) и угрозы в виде «красных линий», за которые китайское руководство призывает не заходить, затрудняют обвинение КНР в агрессии.

Жесткие требования Китай может выдвигать и в экономической части. Например, проводить экспортно-импортные операции с Тайванем через банки КНР и уплачивать таможенные пошлины в китайский бюджет. Страны, которые признают один Китай в лице КНР, формально не могут возражать против этого. В свою очередь и Китай, видя эффективность американских санкций и поддержку их большинством западных стран, может использовать эту практику в отношении Тайваня. Давление на экономику острова может быть эффективным через запугивание таких важных торговых партнеров, как ЕС, Япония и Ю. Корея. Иностранные компании зависят от воли властей Поднебесной в вопросе доступа на китайский рынок и экспорте из КНР, например, редкоземельных элементов. Использование такой санкционной угрозы может ограничить экономические связи Тайваня с внешним миром. Более сильным давлением могут быть санкции по отношению к иностранным транспортным компаниям (штрафы, судебные преследования, арест морских и воздушных судов) за отказ от получения разрешений, лицензий, выполнения других требований материковых регуляторов. Под предлогом проверки грузов и борьбы с контрабандой Пекин может принуждать суда заходить в китайские порты или разворачивать международные рейсы в китайские аэропорты, добиваться маргинализации Тайваня путем ограничения его международных связей.

Запугивание Тайваня является более продуктивной и менее рискованной стратегией, чем конфронтация с США. И в Тайбэе хоть и приветствуют поддержку Вашингтона, но выступают против вмешательства американских властей в тайваньский вопрос по собственной инициативе [Yoon, Yun, 2020, p. 356].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

США не сомневаются в возможности с помощью «переговорной силы» продемонстрировать КНР невыгодное соотношение приобретений и издержек в случае вооруженного конфликта. Но самого его желательно избежать. С одной стороны, ограниченная война за Тайвань приведет к негативным последствиям для мировой экономики, с другой — даже малая вероятность использования китайского ядерного потенциала в случае широкомасштабного конфликта неприемлема для Вашингтона. Переговорная модель войны помогает анализировать не только поведение США и КНР при обострении Тайваньского кризиса, но и развитие противостояния между Пекином и Тайбэем. В паре КНР — Тайвань правительство острова является стороной заведомо слабой и в расчете выгод \ издержек того или иного курса всецело зависит от США. Власти материка не видят очевидного перевеса выгод над издержками при силовом возвращении острова и считают более эффективным принуждением саму угрозу вторжения. При минимуме

издержек эта стратегия позволяет КНР сохранять лицо как силы, равной США, и демонстрировать собственному населению непреклонную волю к объединению страны.

Для Пекина оптимальным является набор сценариев в промежутке между спиралью конфронтации с Вашингтоном, с одной стороны, и «пистолетом у виска сепаратистов» — с другой. Такая стратегия будет давать результат в торге с США и давлении на Тайвань, пока наиболее сильная сторона в треугольнике, а потому способная к большему риску, не решит перейти к эскалации с Пекином. Ответ будет определяться «динамическим равновесием» — уравновешиванием внешних угроз и внутренних интересов при соблюдении принципа «выгоды больше издержек».

Литература / References

Данилова А. И. КНР и Тайвань: Сепаратизм или самоопределение? *Конфликтология*. Том 17. № 2. 2022. С. 154–162 [Danilova A. I. People's Republic of China and Taiwan: Separatism or self-determination? *Conflictology*. No. 2 (17). 2022. Pp. 154–162].

Клаузевиц К. фон. *О войне*. Carl von Clausewitz. М., СПб: Эксмо, Мидгард, 2007. 458 с. [Carl von Clausewitz. *On War*. М, SPb: Eksmo, Midgard. 2007. 458 p. (in Russian)].

Овчинский В. С. США, Китай и Тайвань: тень военного конфликта. *Защита и безопасность*. 2022. № 1 (100). С. 18–21 [Ovchinsky V. S. USA, China and Taiwan: the Shadow of a military conflict. *Protection and security*. No. 1 (100). 2022. Pp. 18–21].

Тридцать шесть стратегем. *Китайские секреты успеха*. Перевод с кит. Малявина В. В. М.: Белые альвы, 2000. 192 с. [Thirty-six stratagems. *Chinese Secrets of success*. Translated from Chin. Malyavina V. V., Moscow: White Alva, 2000. 192 p. (in Russian)].

Труш С. М. Обострение вокруг Тайваня: грани конфликта. *Международная жизнь*. 2021. № 12. С. 100–107 [Trush S. M. Aggravation around Taiwan: the edges of the conflict. *The International Affairs*. 2021. No. 12. Pp. 100–107].

Blackwill R. D., Zelikow P. The United States, China, and Taiwan: A Strategy to Prevent War. Report. Feb. 1, 2021. Council on Foreign Relations. https://www.jstor.org/stable/resrep28673.10?seq=1#metadata_info_tab_contents

Blainey G. *The Causes of War*. New York: Free Press, 1973.

China's National Defense in the New Era. Ministry of National Defense of the People's Republic of China. 2019–07–24. http://eng.mod.gov.cn/publications/2019-07/24/content_4846452.htm

Dotson J. An Overview of Chinese Military Activity Near Taiwan in Early August 2022. *The Global Taiwan Brief*. Volume 7. Issue 17. August 24, 2022. <https://globaltaiwan.org/2022/08/vol-7-issue-17/>

Fearon J. D. 1995. Rationalist explanations for war. *International Organization*. 49(3). Pp. 379–414.

Freeman C., McFarland A., Scobell A. Misreading Biden in Beijing: Perception is Everything in U.S.-China Relations. The United States Institute of Peace. September 21, 2022. <https://www.usip.org/publications/2022/09/misreading-biden-beijing-perception-everything-us-china-relations>

He K. Dynamic Balancing: China's balancing strategies towards the United States, 1949–2005. *Journal of Contemporary China*. 01 January, 2009. <http://www.informaworld.com/smpp/title~content=t713429222>

Hsiao R. KMT Chairman Faces Headwinds from Unification Wing as He Prepares to Visit Washington. *The Global Taiwan Brief*. Volume 7. Issue 10. May 18, 2022. <https://globaltaiwan.org/2022/05/vol-7-issue-10/>

Koremenos B., Lipson C., Duncan S. The rational design of international institutions. *International Organization*, 55:4, 2001. Pp. 761–799.

Lin B. The Ukraine Crisis: Implications for U. S. Policy in the Indo-Pacific. The Center for Strategic and International Studies (CSIS). May 19, 2022. <https://www.csis.org/analysis/ukraine-crisis-implications-us-policy-indo-pacific-0>

Neal J. When Nixon went to China. Feb 17, 2022. The President and Fellows of Harvard College. <https://hls.harvard.edu/today/when-nixon-went-to-china/>

Powell R. *In the Shadow of Power: States and Strategies in International Politics*. Princeton: Princeton University Press, 1999.

Reiter D. Exploring the Bargaining Model of War. *Perspectives on Politics*. March 2003.

Qiang X. *Mainland China's Taiwan Policy: From Peaceful Development to Selective Engagement*, London: Routledge, 2022.

Scobell A. What Pelosi's Trip to Taiwan Tells Us about U.S.-China Relations. The United States Institute of Peace. August 5, 2022. <https://www.usip.org/publications/2022/08/what-pelosis-trip-taiwan-tells-us-about-us-china-relations>

Shao Y., Scobell A., Wu Chunsi, Freeman C., Ji Yixin, McFarland A. China-US Signaling, Action-Reaction Dynamics on the Taiwan Question: A Preliminary Examination. A Special Report of the Shanghai Institutes for International Studies. 中美围绕台湾问题的 信号释放与«行动—反应»——一项初步研究 邵育群 施道安 吴苑思 傅瑞珍 季伊昕 艾莉, September, 2022. <https://www.chinausfocus.com/publication/2022/09-SIIS-Taiwan-Question.pdf>

Steels J. China's Securitization of Taiwan. *Small Wars Journal*, 09/24/2022. <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/chinas-securitization-taiwan>

Toft M. D. *The Geography of Ethnic Violence: Identity, Interests, and the Indivisibility of Territory*. Princeton University Press, 2010.

Van der Wees G. Taiwan Deserves Its Rightful Place Under The Sun. The Taiwan Studies Programme. University of Nottingham, 2021. <https://taiwaninsight.org/2021/05/25/taiwan-deserves-its-rightful-place-under-the-sun/>

Yoon S., Yun J.. From Confrontation to Conflict between China and Taiwan: Major Challenges for Taiwan's Counter Strategy. *The Korean Journal of Defense Analysis*. Vol. 32. No. 3. September 2020. Pp. 351–370.

Waltz K. *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill, 1979.

Weitz R. China-US-Taiwan Scenarios in 2022. *China-US Focus*. Jan 18, 2022. <https://www.chinausfocus.com/peace-security/china-us-taiwan-scenarios-in-2022>.

Wu X. ed. Strategic Report on Sino-U.S. Relations in 2020. World Affairs Press, 2021.

Электронные ресурсы / electronic resources

Один пояс, один путь. Китай сегодня. PRC Today. <https://prc.today/category/o-kitae/ekonomika/odin-poyas-odin-put/> (дата обращения: 20.10.2022).

Biden administration to ask Congress to approve \$1.1B arms sale to Taiwan. Politico. 08/29/2022. <https://www.politico.com/news/2022/08/29/biden-taiwan-arms-sales-congress-00054126> (дата обращения: 21.02.2023).

By Far the Worst Thing Trump Did Was Flirt With Nuclear War With North Korea. The Intercept. January 20, 2021. <https://theintercept.com/2021/01/20/biden-inauguration-trump-north-korea/> (дата обращения: 20.10.2022).

China weighs use of digital yuan for cross-border payments. Electronic Payments International. July 19, 2021. <https://www.electronicpaymentsinternational.com/news/china-weighs-use-of-digital-yuan-for-cross-border-payments/> (дата обращения: 22.10.2022).

China's Accelerated Timeline to Take Taiwan Pushing Navy in the Pacific, Says CNO Gilday. U. S. Naval Institute News. October 19, 2022. <https://news.usni.org/2022/10/19/chinas-accelerated-timeline-to-take-taiwan-pushing-navy-in-the-pacific-says-cno-gilday> (дата обращения: 20.10.2022).

China's Top Trading Partners. World's Top Exports. <https://www.worldstopexports.com/chinas-top-import-partners/> (дата обращения: 20.10.2022).

China's Xi Tells Biden on Taiwan 'Those Who Play With Fire Perish By It'. News Week. <https://www.newsweek.com/joe-biden-xi-jinping-call-readout-1728882> (дата обращения: 21.10.2022).

Herzinger B. Abandoning Taiwan Makes Zero Moral or Strategic Sense. Foreign Policy. May 3, 2021. <https://foreignpolicy.com/2021/05/03/taiwan-policy-us-china-abandon/> (дата обращения: 22.02.2023).

Peaceful means first choice to resolve Taiwan question. China Military. 2022–10–16. http://eng.chinamil.com.cn/view/2022-10/16/content_10192587.htm (дата обращения: 20.02.2023).

習近平：實現了首個百年奮鬥目標 全面建成小康社會. RTHK. news. (Xi Jinping: the first 100-year goal of comprehensively building a prosperous society has been achieved; Си Цзиньпин: первая цель 100-летнего плана всестороннего построения благополучного общества достигнута). 02.07.2021. <https://news.rthk.hk/rthk/ch/component/k2/1598607-20210701.htm?> (дата обращения: 22.10.2022).

Satellite images reveal Chinese expansion of submarine base. Defense News. Sep 21, 2022. <https://www.defensenews.com/naval/2022/09/21/satellite-images-reveal-chinese-expansion-of-submarine-base/> (дата обращения: 21.02.2023).

Semiconductors in Taiwan — statistics & facts, Apr 29, 2022. <https://www.statista.com/topics/9125/semiconductors-in-taiwan/#dossierKeyfigures> (дата обращения: 22.02.2023).

Seminar discusses the fourth Taiwan Straits crisis, issues report on China-US signaling on the Taiwan question. The Institute of International Studies at Fudan University. 2022–09–15. <https://iis.fudan.edu.cn/en/03/36/c38333a459574/page.htm> (дата обращения: 16.09.2022).

Share of exports in gross domestic product (GDP) in China from 2011 to 2021. <https://www.statista.com/statistics/256591/share-of-chinas-exports-in-gross-domestic-product/> (дата обращения: 20.10.2022).

Tsai Ing-wen says China must 'face reality' of Taiwan's independence. Lily Kuo in Beijing. The Guardian. 15 Jan 2020. <https://www.theguardian.com/world/2020/jan/15/tsai-ing-wen-says-china-must-face-reality-of-taiwans-independence> (дата обращения: 20.02.2023).

US downplays tensions with China amid fears of military escalation. The Hill. 08/10/22. <https://thehill.com/policy/defense/3595179-us-downplays-tensions-with-china-amid-fears-of-military-escalation/> (дата обращения: 20.02.2023).

US military points to Ukraine in warning China against Taiwan attack. The Hill. 09/26/22 <https://thehill.com/policy/defense/3660667-us-military-points-to-ukraine-in-warning-china-against-taiwan-attack/> (дата обращения: 21.02.2023).

US plans to jointly produce weapons with Taiwan island in 'futile attempt' of obstructing reunification. The Institute of International Studies at Fudan University. 2022–10–20. <https://iis.fudan.edu.cn/en/17/d9/c38333a464857/page.htm> (дата обращения: 21.10.2022).

US steps up challenges to Chinese-claimed islands in South China Sea. CNN. February 17, 2021. <https://edition.cnn.com/2021/02/17/asia/us-navy-south-china-sea-freedom-of-navigation-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 18.02.2021).

STRATEGY FOR DEFEATING TERRORISM IN NIGERIA AND THE SAHEL

© 2023 **Stephen Osaherumwen Idahosa, Solomon Ijeweimen Ikhidero,
Blessing Chimampa Egesi¹**

The purpose of this paper is to provide a counter-ideology framework as an alternative strategy to defeat terrorists, as military force has never been proven enough to defeat any terrorist group. The analysis relies on secondary information for systematic examination and descriptive analysis resulting in the use of Counter Terrorism Strategy (CTS) model to evaluate key assumption that acts of terrorist recruits are connected to deep politics and ideology. The paper therefore posits that the use of genuine religious messages to isolate terrorists from communities and ultimately make them short of new recruits should be considered. This finding has critical implications for institutions, governments, intelligence communities, regulators and policymakers, that the military crackdown would not yield the needed result, hence the need for a counter-ideology as a strategy to fight terrorism, particularly in the Sahel region.

Keywords: Counter Ideology, Terrorism, Islam, Insurgence, Military measure, CTS

For citation: Idahosa S. O., Ikhidero S. I., Egesi B. C. Strategy for Defeating Terrorism in Nigeria and the Sahel. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 2. Pp. 54–69. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-054-069

СТРАТЕГИЯ ПОБЕДЫ НАД ТЕРРОРИЗМОМ В НИГЕРИИ И САХЕЛЕ

**Идахоса Стефен Осахерумвен, Икхидеро Соломон Иджевеймен,
Эгеси Блессинг Чиманпа**

Цель статьи — предложить систему контр-идеологии в качестве альтернативной стратегии для победы над террористами, поскольку военная сила оказалась для этой цели недостаточной. В основе — вторичная информация для систематического исследования и дескриптивный анализ, результатом которых является выработка контртеррористической стратегии (КТС) для оценки вывода о том, что рекрутирование террористов связано с глубинными политическими и идеологическими факторами. Статья утверждает, что использование подлинных религиозных посланий может стать полезным для того, чтобы изолировать террористов от сообществ и лишить их возможности вербовать новичков. Это

¹ Idahosa Stephen Osaherumwen PhD Researcher, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); idahosa8@gmail.com

Идахоса Стефен Осахерумвен, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Российский университет Дружбы народов (РУДН); idahosa8@gmail.com. ORCID: 0000-0002-9085-0070

Ikhidero Solomon Ijeweimen, PhD, Lecturer, Ambrose Alli University, Nigeria; solomonikhidero@yahoo.com

Икхидеро Соломон Иджевеймен, кандидат исторических наук, преподаватель, университет Эмброус Алли, Нигерия; solomonikhidero@yahoo.com. ORCID: 0000-0002-5375-4952

Egesi Blessing Chimampa, PhD Candidate, People's Friendship University Russia (RUDN University); blessingegesi1@gmail.com

Эгеси Блессинг Чиманпа, аспирант, Российский университет Дружбы народов (РУДН); blessingegesi1@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3075-9950

может быть критически важно для организаций, правительств, спецслужб, законодателей и политиков, и поскольку военные меры не дают результата, необходима контр-идеология для борьбы с терроризмом, особенно в регионе Сахел.

Ключевые слова: контр-идеология, терроризм, Ислам

Для цитирования: Идахоса С. О., Икхидеро С. И., Эгеси Б. Ч. Стратегия победы над терроризмом в Нигерии и Сахеле. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 2. С. 54–69. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-054-069

INTRODUCTION

Ideology is a powerful message that motivates and propels ordinary human beings into action. Ideology, a dynamic and an evolving belief system, is shaped by the interpretation of occurrences by ideologues [Rohan 2005]. It is used to attract and retain recruits as members, supporters and sympathizers. Jihadi ideologues and group leaders craft their ideology by interpreting, reinterpreting or misinterpreting religion and politics.

For terrorists, ideology provides them with a justification for their acts of violence. In other words, terrorist groups rationalize their actions within a framework of an ideological orientation to attract potential recruits [Mark, 2007; Shuki, et. al., 2018]. As Idahosa et. al, argued that counterterrorism and security approach that has so far been used in the Sahel, has failed to sustainably strengthen the Sahelian states [Idahosa et al., 2018]. Efforts by the government of Nigeria, G5 Sahel countries², etc. to halt the increasing violence of Boko Haram and other terrorist groups have so far been based on two major approaches which are the carrot and stick strategies that seek to negotiate with terrorist groups in the region.

For example, military spending in Nigeria increased to 1907 USD million in 2018 from 1621 USD million in 2017. In 2019, Nigeria's parliament increased the 2019 budget to ₦³8.91 trillion (\$29 billion) from ₦8.83 trillion (\$24.4 billion). This was done to accommodate more funds to facilitate the fight against terrorism and to combat rising militancy and kidnapping in the country [Joy & Stephen, 2021]. Similarly, the intensity of Chadian combat operations attacks against terrorists in Lake Chad Basin in 2020 is another example, as the Chadian military launched an offensive led by President Idriss Déby to clear the insurgents from its territory and environs [Daniel, 2020]. However, Institute for Security Studies argued that this could open a new chapter in counter-terrorism efforts and fears of history repeating itself, noting that failure to hold the conquered spaces and win the hearts and minds of the communities means that the terrorist groups were never totally eradicated [Remadji, 2020].

How states conduct counterterrorism can change over time, as such, it would seem rather defeatist not to try to explore the potential for emancipatory counterterrorism — especially when counterterrorism currently impacts the real security of a vast number of people. In Horkheimer's own words: 'to give voice to what one knows and thereby perhaps to avert new terror remain the right of a man who is still really alive' [Max, 1972].

This paper therefore, leverages on Sondre Lindahl Counter Terrorism Strategy (CTS) (encapsulates the principles of means/ends relationship, non-violence and holism, by extension positive counterterrorism) model, as well as Louise Richardson, counter terrorism position, to model counter

² The Group of Five (G5) Sahel countries was founded in 2014 as a regional, intergovernmental organization. It provides an institutional framework to promote development and security within its five member countries: Burkina Faso, Chad, Mali, Mauritania and Niger.

³ ₦ (naira) stands for Nigerian currency symbols.

ideology measures in addressing terrorism [Sondre, 2017; Louise, 2006]. This is an important point as Counter Terrorism Strategy model can make use of empirical research, to support the key assumption that acts of terrorist recruits are connected to deep politics and Ideology which is used to attract and retain recruits as members, supporters and sympathizers. For instance, research indicates that the majority of all terrorist casualties occur in areas with ongoing conflicts [Institute for Economics and Peace, 2015].

Trusting on counter ideological approach as a strategy for defeating terrorists', ideology is therefore key in this process [Ayima, 2019, p.3]. In the opinion of former President Obama, 'military force alone was not enough to defeat any terrorist group because ideologies cannot be defeated with weapons' [Haliru, 2017]. A former British Foreign Minister said, 'the war on terror was wrong', and it brought 'more harm than good' [Ilesanmi, 2016]. The Paper argues that Jihadi ideologues and group leaders craft their ideology by interpreting, reinterpreting or misinterpreting religion and politics. Stressing that this is used to attract and retain recruits as members, supporters and sympathizers. Hence, pertinent questions that deserve attention in this paper include: how effective ideological response could help defeat global terrorism and radicalization? The need to explore international cooperation in counter ideological response in addressing terrorism? How should the root causes of misinterpretations and misrepresentation of messages and sermons be addressed?

OBJECTIVE OF THIS PAPER

The first objective of this paper is to utilize Lindahl 's conceptual framework of Counter Terrorism Strategy (CTS) to analyze the extent to which non-violence strategy could be explore to counter terrorism in the Sahel and West Africa. The second objective is to analyze how Morocco has successfully utilized non-violence strategy (policies) to combat terrorism and study how, for instance, the reliance on non-violence can be productive in the fight against terrorism.

This cross-analyze is significant in that violence counterterrorism approach has over the years not be able to reduce terrorist activities and ensure peace and security in the Sahel region.

THEORETICAL FRAMEWORK/CONCEPTUALIZATION

There has been an extended and intense debate within the scholastic literature regarding the nature and effect of ideology, both as a theoretical construct and as a heuristic device for understanding the dynamics of social change [John et. al., 2009]. According to Kenneth Payne, the concept of ideology is often associated with the work of Friedrich Engels (1820–1895) and Karl Marx (1818–1883) [Kenneth, 2009]. Stressing that: 'the ideological fault-line is extremists versus the moderates'. Worthy of note is the measure of consensus between Jeni Mitchell, Kenneth Payne, John Turner, and Heather S. Gregg, on global jihadist ideology [Jeni, 2008; Kenneth, 2009; John, 2010; Heather, 2010]. For the purpose of this paper, an ideology is that upshot of man's needs for imposing intellectual order on the globe. The need for an ideology is an intensification of the necessity for a cognitive and moral map of the universe, which during a less intense and more intermittent form is fundamental, although asymmetrically distributed — the disposition of man.

According to Edward Shils, an ideology of movements borne by a small circle of persons is categorized into what he called 'quasi-ideological primary group', the 'proto-ideological group' — 'The 'world' is the enemy with which they are at war'. According to Edward Shils, they are 'rebels without a cause'. (The boys' gangs of the great cities of the Western world are typical of these proto-ideological

formations; as such, they contrast with the more ideological youth groups which flourished in Germany from the last years of the nineteenth century to the coming of World War II.). The proto-ideological group is aggressively at war with an enemy and lacks an intellectual doctrine. The views of terrorist groups in carrying out their activities is the declaration of war upon their enemy (the order, society from which they are alienated). Joseph S. Roucek, argue that every ideological formation involves the projection of a particular ideal into the future, into the evaluation of the contemporaneous, and into the historical. These patterns of thought are «ideologies — the formation and projection of a particular ideal into the future, by evaluating the contemporary and the historical. Consequently, Arne Naess, Jens A. Christophersen, Kjell Kvalø and Pia-Maria Niemi, Saija Benjamin, Arniika Kuusisto & Liam Gearon, posit that, there is the need to plan counter-terrorism strategies in line with national educational policies [Arne, Jens, & Kjell 1956; Niemi, Saija, Arniika & Liam, 2018].

On the proper understanding of Islamic faith, Islamic scholars such as Abdul Ghany Jahengeer Khan (n. d.), argued that despite hypocritical claim to the contrary, peace is actually the cornerstone of the Islamic faith, the word Islam is derived from the Arabic word «*Al-Salaam*» which means peace. Tal'at Kiani, Rasoul Kiani, Naeim Karimpour, Seiyed Abedin Khodadadi & Samad Yousefi, argue that the negative portrayal of Islam as synonymous with violence may not help in the quest to win the war against terrorism [Tal'at, Rasoul, Naeim, Seiyed & Samad, 2017]. Ghulam Ghaus Siddiqi, posits that the rulings of classical Islamic Sharia are based on four main sources; the *Quran*, the *Sunnah*, *Ijma* (Consensus) and *Qiyas* (analogy) [Ghulam, 2022]. This is to avoid crisis of interpretation that tend to justify violent and terrorist acts. Historian, De Lacy O'Leary, in his work, *Islam at the Crossroads*, refutes the notion that Islam is spread by means of violence [De Lacy, 2016]. Prof. Muhammad Tahir ul Qadri explains that Islam seeks to establish societies based on justice and equity: societies in which no one encroaches on the rights of others or seeks to wield his or her strength, authority, wealth or status unjustly and terrorism does not represent the true face of Islam [Muhammad, 2010].

Thus, the existing gap this study wishes to fill is the vacuum created by Counter Terrorism Strategy (CTS) on dealing with terrorism from the source without using military power. This gap is the use of counter ideological measure of genuine messages of Islam (non-violence strategy) to denial terrorist groups of potential recruits, by implication isolate the terrorists from the communities and inoculate their potential recruits against them.

RESEARCH METHODOLOGY

The paper adopts qualitative and research-based approach utilizing primary and secondary sources of information. Its theoretical framework is basically derived from the works of Lindahl Sondre and Richardson on counterterrorism. Both authors' work, have all been critical to the application and understanding of this framework. Sources of information also include press releases and official statements from both the Sahel and West Africa, reports by academic observers, journal articles, newspaper articles, web pages and conference/working papers. Whilst a wealth of literature exists in regards to Counter Terrorism Strategy (CTS) and Sub-Saharan-Sahel and West Africa, the limitation of the study is consequent on the reason that literature on the collaboration of G5 Sahel and West Africa on the use of military power in collaboration with counter ideological measure of genuine messages of Islam to denial terrorist groups of potential recruits has been harder to come by. As countering terrorism cannot come at the cost of another if the goal is to prevent attacks from happening in the future. However, the future scope or plan of study is the securitization of the Sahel region.

RESEARCH QUESTIONS

Terrorism has unarguably become an unprecedented threat to international peace, security and development. Unfortunately, it has been with us in various forms across ages and continents and notable for its geographic span as no country can claim to be immune. Given the increase in the number of terrorist attacks in African countries, a better understanding of non-violent counter terrorism measure in addressing terrorism is essential for policymakers.

Consequently, some of the important questions to consider in the analysis of Counter Terrorism Strategy (CTS) and the evaluation of key assumption that acts of terrorist recruits are connected to deep politics and ideology as a powerful means used by terrorists to motivates, attract and retain young recruit include:

To what extent can counter-ideology strategies be initiated to defeat terrorist groups?

To what extent can non-violent means prevent youths from developing false «sympathy» toward extremism?

COUNTER TERRORISM STRATEGY (CTS) MODEL

The paper adopts Counter Terrorism Strategy (CTS) model by Lindahl Sondre and Richardson on counterterrorism as a lens of analysis and thus, fill in the existing gap, which is the lack of counter ideological measure counter terrorism e. g. the use of genuine messages as a means to fight terrorism from the source. Constructing a model rooted in emancipation according to Lindahl could be one way of reconstructing counterterrorism.

Emancipation as its guiding principle, according to Booth's definition: emancipation seeks the securing of people from those oppressions that stop them from carrying out what they would freely choose to do, compatible with the freedom of others. It provides a three-fold framework for politics: a philosophical anchorage for knowledge, a theory of progress for society, and a practice of resistance against oppression [Ken, 2007, p. 112, in Sondre, 2017]. Emancipation is an understanding that one's own security cannot come at the cost of another if we are to enjoy what Booth calls «security plus» [Ken, 2007, p. 102]. As Richardson posits that «we must isolate the terrorists and inoculate their potential recruits against them» [Louise, 2007, p.204]. Emancipation is the main normative and ethical principle of the model of Sondre Lindahl, that encapsulates the principles of means/ends relationship, non-violence and holism. Prevention according to Lindahl, is positive counterterrorism, which can be likened to the notion of positive peace [Johan, 1969].

RESULTS AND FINDINGS

Counter Ideological Narratives to Combating Terrorism: CST Model — *Emancipation, Means/ends Relationship, Non-Violence — Prevention of Terrorism*

The key underlying assumption is that terrorism and counterterrorism derive from deep politics, ... [Ken, 2007]. In a Coxian vein we may say that our understanding of terrorism and how to counter it come *from* somewhere, *for* someone, and *for* some purpose (added emphasis). Thus, Investigating the deep politics of a context would reveal how political logics, practices and subjectivities constitute actors and make violence possible.

For example, since the fall of Ghaddafi, terrorist activities have increased in no small measure in the Sahel and Lake Chad Basin, Nigeria and countries in the Sahel region has formed various

collaborations to combat terrorism at both local and regional levels, and huge amount of money has been spent to finance the «war against terrorism». The destructions in Libya and its grave implications on the global World remains a time bomb [Groupson-Paul, 2012], as NATO failed to protect the Libyan population in its entirety (Matthew, 2019) and the Libyan intervention appears as just another iteration in the familiar idea of *realpolitik* [David 2011], directly impacting the Sahel by security threats and economic spill over emanating from Libya's instability — making it an attractive operating environment for violent extremist organizations [Marcel & Tim 2019]. As the 2012 coup in Mali was triggered by the instability in Libya, which ultimately spread to neighbouring countries and other part of the region [Stephen and Ejike 2020a; Stephen and Ilesanmi, 2020b].

Similarly, Terrorism also has wide-ranging economic consequences that have the potential to spread quickly through the global economy with significant social ramifications. The ten countries with the utmost impact of terrorism are all engaged in at least one-armed conflict (see fig. 1) and the total global economic impact of violence was estimated at \$14.1 trillion for 2018, or 11.2 per cent of global GDP (see fig 2.). According to Institute for Economics & Peace (2019, in analyzing the impact of terrorism posited that between 2002 and 2018, South Asia, MENA and sub-Saharan Africa accounted for 93 per cent of all deaths from terrorism and that the global economic impact of terrorism was US\$33 billion in 2018 [Institute for Economics & Peace 2019, p. 36].

The ten most affected countries by the economic cost of terrorism, 2019

Nine of the ten countries with the highest economic impacts of terrorism are suffering from ongoing conflict.

Country	Economic Cost of Terrorism as Percentage of GDP	GTI 2020 Rank
Afghanistan	16.7%	1
Syria	3.4%	4
Nigeria	2.4%	3
Burkina Faso	1.9%	12
Mali	1.9%	11
Somalia	1.2%	5
Iraq	1.1%	2
Yemen	1.0%	6
Sri Lanka	1.0%	20
Central African Republic	0.9%	17

Source: IEP

Fig 1. Ten most affected countries for economic cost of terrorism in 2019 [Institute for Economics & Peace, 2020, p. 32]

The economic impact of terrorism, US\$ billions, 2000–2018

The global economic impact of terrorism peaked in 2014.

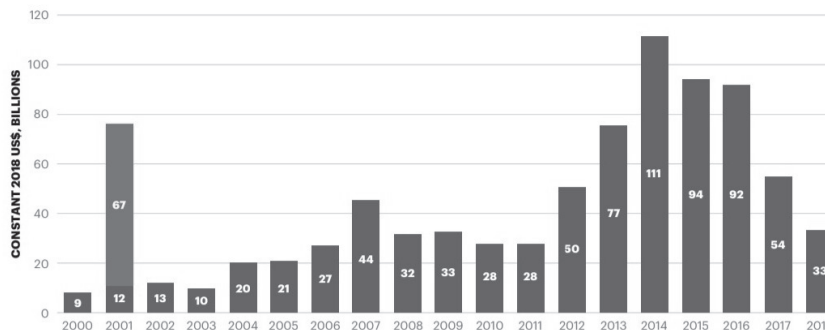

Fig 2. The economic impact of terrorism 2000–2018 [Institute for Economics & Peace, 2019, p. 31]

On the application of the **concept emancipation**, the goal of counter ideological measure is to prevent attacks and young recruit from happening in the future. So, if the ideology of terrorists is to maim, kill and destroy lives and property, this by implication contradicts the teaching of Islam, as noted by Hassan, Azmi, & Abubakar, 2017, in Mohd et al., 2020. Therefore, to prevent attacks and young recruit from happening in the future, resistance to the ideological motives of the terrorist organizations, such as Boko Haram, ISIS, Al-Qaida, etc. should be based on counter ideology and a genuine understanding of Islam is imperative. They misinterpret Islamic scriptures — Quran and Hadith — for their ideological motives. As it is stated in the Quran: «But whoever kills a believer intentionally — his recompense is Hell, wherein he will abide eternally, and Allah has become angry with him and has cursed him and has prepared for him a great punishment» — Q4:93 [Adnan, Anas & Isyaku, 2020].

For example, Boko Haram terrorist group resilience is linked to its ideology which is based on the radical Salafist philosophy. Given that the terrorist ideology is a critical factor in the radicalization of both individuals and groups, it is important that any strategy to defeat any terrorist group should first dismantle the group's ideology. Consistent counter-ideology strategy is necessary for eliminating terrorist ideologies. For this reason, counterterrorism efforts that do not include a counter- ideology strategy cannot defeat the group's resilience. For example, Kwesi Ayima, argued that, efforts by the Nigerian government to defeat Boko Haram terrorist group have been majorly focused on military counterinsurgency operations and intelligence-driven counterterrorism strategies. This in return has not yielded the country's needed result [Kwesi, 2019]. Experts have argued that it is necessary to counter terrorist groups' ideological narratives by replacing them with compelling alternative messages, in comparison to the military approach that is currently in use by MNJTF and the G5 Sahel Forces [Ladbury, et. al., 2016; Laurie, et. al. 2011). As religious radicalization cannot be prevented through military means alone [Stephen et al., 2018].

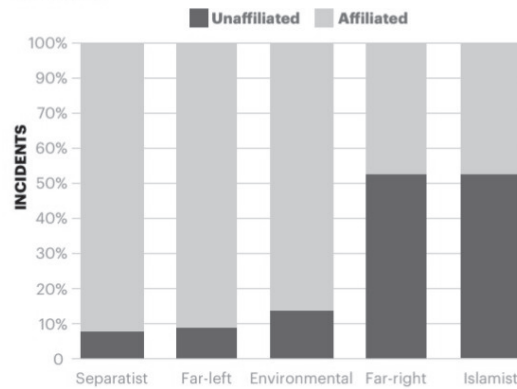
The ethical principle of this model that encapsulates the principles of means/ends relationship, non-violence and holism. The main assumption is that technologies are neutral tools ready to serve their purposes when called upon [Sondre, 2017]. The means is counter ideological measure and the end is to counter ideological measures used to recruit. Religious leaders such as Sudan, Emirs, Sheikhs, Imam, etc. can be subjects for the dissemination of a counter ideological messages based on genuine understanding and tolerance of Islam and Islamic law, through media (both print, internet, etc.), debates, lectures and more. For example, Stephen Idahosa posits that one of the counter measures used by the United States Delta Force to free 70 Kurdish prisoners held by ISIS in Iraq. He noted that the forces promoted through six different Twitter accounts that are specialized in countering ISIS in social media which had earlier released videos of the U.S. raid against ISIS on Twitter, the force added the Arabic hashtags used by ISIS in their communications. Stressing that according to data provided by the Twitter analysis software Tweet binder, the six Twitter accounts published 843 tweets in one week with the Kurdish prisoner video, reaching an audience of 711,313 Twitter users. These brought extremely powerful voices, as this was the first time that Arabs and Muslims express in public the atrocities of ISIS [Stephen, 2017]. For example, see Figure 3.

Terrorism carried out by individuals who were self-radicalised or radicalized ideologically primarily via the Internet, rather than by in-person contact with other far-right individuals or groups. IEP analysis of the 32 far-right terrorist attacks since 2011 that caused at least one fatality found that less than a quarter of the perpetrators had definite in-person contact with other far-right individuals or groups, and over a third appear to have been primarily radicalised online. This shows the proportionality

of recruit and radicalisation associated with ideology [Institute for Economics & Peace «*Global Terrorism Index*», 2019].

Proportion of affiliated and unaffiliated attacks by ideology

Around 60 per cent of both far-right and Islamist attacks are unaffiliated.

Source: START GTD, IEP Calculations

Fig. 3 [Global Terrorism Index/Database by IEP, November, 2019]

Feenberg, however, argues that means and subjects are dialectically intertwined. Therefore, subjects — like armies, states or individuals — and means, are related. The army for instance, is not accidentally related to its weapons, but it is structured around the activities they support [Sondre, 2017], so principled non-violence, or a view of non-violence as a way of life, is «characterized by a commitment to methods of nonviolent actions for ethical reasons, [and] a view of means and ends as inseparable» [Sondre, 2017]. Therefore, there is the need to evaluate approaches through which misguided ideology of terrorist groups could be defeated based on ideological response from Islamic perspective, especially with an effective communication of true message of Islam [Al-Hilali & Khan n. d., 2003]. The concepts discussed in this paper could advance Nigeria and the Sahelian countries' Institutional and Governmental understanding of the approaches to addressing and combating the imprudent ideology of terrorist organizations, the Sahelian jihadist groups that are shifting the dynamics of conflicts and violence in the region [Maiangwa B. 2014]. As Deming argues, «it is quite possible to frustrate another's action without doing him injury» [Sondre, 2017].

COOPERATION WITH MOROCCO ON COUNTERING IDEOLOGICAL MEASURE: PREVENTION OF TERRORISM

The violence in Western counterterrorism approach is itself a pathology of deception or of the world order [Sondre, 2017] in the way that it creates and constitutes both terrorism and counterterrorism. An example is the US AFRICOM, France 4500 boots on the ground including drone bases in the Sahel, the argument on both terrorism and counterterrorism relates to the forces on the ground, including the forces of G5 and MNJTF as well as France and US which constitutes counterterrorism, has over the years not be able to reduce terrorist activities and ensure peace and security in the Sahel region. Violence counterterrorism approach has over the years not be able to reduce terrorist activities and ensure peace and security as explicitly acknowledged in the National Strategy for Counterterrorism of the United States of America (October 2018) which stated that, 'over the past seventeen years, we (the

United States) have built a strong counterterrorism architecture to stop attacks and eliminate terrorists, but we (the United States) have not developed a prevention architecture to thwart terrorist radicalization and recruitment [Haroro, 2018]. Similarly, Fatima Kyari Mohammed, Permanent Observer of the African Union, said that, in addition to the Sahel, Lake Chad Basin and Horn of Africa, terrorism is now spreading to parts of Africa that had been spared of such menace. Stressing that these regions are at war in which dozens of soldiers and civilians are killed almost every week. A greater focus must be placed on prevention, root causes and understanding why young people join terrorist groups or espouse extremist views [United Nations 11 March, 2020].

Hence, the ideal-type of counterterrorism therefore, is a much broader and longitudinal approach that seeks to prevent terrorism by putting in place such policies that will reduce terrorism by realizing concrete utopias, and enhancing the emancipatory space for individuals and communities around the world [Sondre, 2017]. In application, it is worth noting that no nation could guarantee the safety of her citizens without cooperation with the international community [Olusegun, 2014, cited in Ilesanmi, 2016]. Hence, the need to evaluate Cooperation with Morocco as a counter ideological measure in the fight against terrorism. The point is to locate acts of terrorism in a broader context and study how, for instance, the reliance on non-violence can be productive. To this end, Rabat emphasizes the country's moderate Maliki school of Islam, in opposition to AQIM's Wahhabi vision of Islam [Julien, 2014].

The prevention of terrorism model which focuses on an emancipatory, or positive approach to preventing terrorism (in this context exploiting Morocco's approach) which asks: what can be done to reduce the pathologies of this world that are conducive to terrorism in the first place? Prevention therefore is a matter of addressing the causes of terrorism, regardless of whether there is an attack or not. Applying positive approach to preventing terrorism, Morocco promoting spiritual and tolerant brand of Islam, known as the Sufi-Maliki tradition, which bills as an alternative to the extremist, Wahhabi-inspired tendencies encroaching on the Sahel. The multimillion-dollar Mohammed VI Institute for Training Imams, inaugurated in 2015, and its Foundation for African Ulema, constructed in 2016, are cases of Rabat's efforts to remodel Islam in Africa [Anouar, 2017].

Some of the strategies use by Morocco is to arrange for Imams to learn Sunni Maliki jurisprudence and Achaari theology, as well as promote programs that arrange for literacy classes in mosques nationwide in order to raise the general educational levels of her people about the values of religious beliefs and morals. Islamic messages in this context, if genuinely communicated would expose the danger of terrorism and prevent others having such erroneous ideology. The effect in the Morocco non-violent strategy to preventing terrorism could be seen in fig 4 in comparison with fig 5. Morocco overall ranking is 92 and its change between 2002–2018 was 1.215, between 2017–2018 is 1.177 while Nigeria overall ranking is 3, its change between 2002–2018 is 5.089, between 2017–2018 is .0.063, follow by Mali's overall ranking of 13, change between 2002–2018–6.653, change between 2017–2018–0.638, Niger overall ranking — 23, change between 2002–2018–5.329, 2017–2018 — .0.408 as well as Chad's overall ranking — 28, its change between 2002–2018–3.754, 2017–2018–0.010 [Institute for Economics & Peace «Global Terrorism Index» 2019, p. 41]. The success of Morocco's approach is arguable recommendable in reducing the menace of terrorism.

Middle East and North Africa GTI score, rank and change in score, 2002–2018

COUNTRY	OVERALL SCORE	OVERALL RANK	CHANGE 2002-2018	CHANGE 2017-2018
Iraq	9.241	2	5.535	-0.505
Syria	8.006	4	7.996	-0.309
Yemen	7.259	8	4.391	-0.275
Egypt	6.794	11	6.417	-0.551
Libya	6.766	12	6.766	-0.221
Sudan	5.807	20	-0.757	-0.371
Saudi Arabia	5.238	30	3.233	-0.241
Palestine	5.177	32	-0.869	-0.153
Iran	4.717	39	2.423	0.318
Israel	4.525	40	-2.265	-0.053
Lebanon	4.395	43	1.178	-0.759
Tunisia	3.938	51	0.359	-0.150
Algeria	3.409	57	-3.754	-0.354
Bahrain	3.201	61	3.201	-0.682
Jordan	3.091	64	1.074	-0.313
Kuwait	2.487	75	2.143	-0.639
Morocco	1.215	92	1.215	1.177
United Arab Emirates	0.048	130	0.048	-0.057
Qatar	0.029	133	0.029	-0.028
Oman	0.000	138	0.000	0.000

Fig 4. Middle East and North Africa GTI score, rank and change in score, 2002–2018 [Institute for Economics & Peace, 2019, p. 41]

Sub-Saharan Africa GTI score, rank and change in score, 2002–2018

COUNTRY	OVERALL SCORE	OVERALL RANK	CHANGE 2002-2018	CHANGE 2017-2018
Nigeria	8.597	3	5.089	-0.063
Somalia	7.800	6	4.727	-0.220
Democratic Republic of the Congo	7.039	10	2.983	-0.016
Mali	6.653	13	6.653	0.638
Central African Republic	6.622	14	6.622	-0.097
Cameroon	6.620	15	6.572	0.005
South Sudan	6.316	17	6.316	-0.440
Kenya	5.756	21	1.124	-0.358
Niger	5.596	23	5.329	-0.408
Mozambique	5.542	25	5.456	0.963
Burkina Faso	5.418	27	5.418	0.607
Ethiopia	5.345	29	3.965	-0.286
Burundi	5.102	33	-0.395	-0.214
Chad	4.762	38	3.754	0.010
South Africa	4.511	41	1.426	0.248
Uganda	3.957	49	-1.711	0.031
Angola	3.784	52	-2.571	-0.689
Tanzania	3.272	60	-0.322	-0.096
Rwanda	2.948	66	0.588	0.771

Fig 5. Sub-Saharan Africa GTI score, rank and change in score, 2002–2018 [Institute for Economics & Peace, 2019, p. 41]

Countries that have shown interest with Morocco on the need to apply such measures and signed a cooperation agreement includes Mali in September 2013 targeted at training 500 Malian imams over a 6-year period — a 2-year training programme already started in November 2013 [Julien, 2014]. Tunisia, Libya, Guinea. Burkina Faso also requested Morocco to share its experiences in the

education of Imams, and thus, several cooperation agreements concluded. While similar terms of cooperation were also sought for by Senegal. The training program of Imams was also mentioned when the Moroccan King visited Côte d'Ivoire in March 2013 [Ilesanmi, A. 2016]. Framing its religious cooperation as a fight against radicalization, Morocco thus seeks to deploy religion/counter ideology approach as an instrument of stabilization and to counter and weaken terrorism and jihadist groups. Then counterterrorism would aim to separate terrorists from their communities. Thus, the focus is on potential recruits, and the communities from which the various groups derive their support. The logic is that once they are isolated, terrorists become weaker; as they become weaker, they become dependent upon crime, and this makes them more exposed. They also cannot travel as safely and freely, and as their freedom and choices are frustrated, the group is caught in a downward spiral (Richardson, 2006). This strategy has the potential to convince other countries to emphasize their cooperation with Morocco and adopt counter ideological measure in addressing terrorism [Julien, 2014].

DISCUSSION/ANALYSIS

The analysis in this section is based on Counter Terrorism Strategy (CTS) — theoretical model by Sondre Lindahl and Louise Richardson submissions [Sondre, 2017 and Louise, 2006]. However, before discussing Lindahl CTS model and Richardson in relation to counter ideological measures, it would be useful to provide an overview of the Message of Islam as a Counter Terrorism Measure.

OVERVIEW OF THE MESSAGE OF ISLAM AS A COUNTER TERRORISM MEASURE

Stemming the tide of global terrorism through a counter-ideological approach demands a reevaluation of the message of Islam anchored on injunctions of the Islamic holy writ — Quran. Indeed, many Islamic scholars have agreed that despite hypocritical claim to the contrary, peace is actually the cornerstone of the Islamic faith [Tal'at, et al. 2017]. Tal'at Kiani, Rasoul Kiani, Naeim Karimpour, Seiyed Abedin Khodadadi & Samad Yousefi argue that the media, especially Western one, highlights and dramatizes some negative behaviors of Muslims even though they do not represent whole Islamic world and Islamic theology. The negative portrayal of Islam as synonymous with violence they argue further may not help in the quest to win the war against terrorism [Tal'at, et al. 2017].

According to the assertion of Abdul Ghany Jahengeer Khan (n. d.) above on Islam and peace as well as the noble teaching of peace associated with Islam. It is observed that the aim of which is to establish peace between man and Allah, the Creator of all; between man and man; and between man and the rest of Allah's creation. This is aptly captured in the Quran in Surah Al-Baqarah 2:208 that;

«O You who believe! Enter absolutely into peace (Islam). Do not follow in the footsteps of satan. He is an outright enemy to you.»

Ghulam Ghaus Siddiqi, in his analysis of Quranic Verses that counter violent-extremism and terrorism reiterates that, the rulings of classical Islamic Sharia are based on four main sources; the *Quran*, the *Sunnah*, *Ijma* (Consensus) and *Qiyas* (analogy) [Ghulam, 2017]. This is to avoid crisis of interpretation that tend to justify violent and terrorist acts, as Islam is spread by means of violence and tolerance and coexistence with people of other religious traditions have been the hallmark of Muslim societies in history [De Lacy, 2016]. The killing of innocent civilians by suicide bombers and terrorists according to is strongly condemned in the Quran [Khan, 2003].

ANALYSIS CENTERED ON CTS — MODEL BY LINDAHL AND RICHARDSON SUBMISSIONS

Being able to assess counterterrorism is imperative to any model of counterterrorism, and the ideal-type evaluation is primarily based on the three tests of proportionality, effectiveness, and legitimacy [Sondre 2017]. Proportionality and effectiveness utilize empirical means to evaluate counterterrorism, while legitimacy is rooted and anchored in emancipation. Since 9/11 it has been the application of the use of force and military crackdown [Angel, et. al. 2004] rather than targeting the root causes and how recruits are conducted and the increase in the number combatants, etc. In contrast, this model adopts a straight-forward cost-benefit and risk-analytic procedure to evaluate both effectiveness and proportionality, as suggested by Sondre Lindahl [Sondre, 2017].

This calculation can be used to assess both the efficiency and proportionality of counterterrorism measures. In short, the calculation is a function of three elements: possibility of successfully dissemination of genuine counter ideological messages, inoculate potential recruits, and separate terrorists from their communities, which aimed to reduce terrorist groups, and to ultimately caught the group in a downward spiral [Louise, 2006; Muhammad & Kenneth, 2006]. This straight-forward, accepted cost-benefit analysis, based on actual numbers is essential to begin to mitigate the epistemological crises of counterterrorism. It provides us with a way of evaluating the efficiency and proportionality of counterterrorism and these cost-benefit calculations are based on factors that are known, and not abstract scenarios and imagination.

Empirical evaluation is useful to determine whether certain practices are effective and proportionate. However, counterterrorism should also be evaluated on whether they are legitimate or not. In an effective and through legitimate means, religious leaders (Sultans, Emirs, Sheikhs, Imam, etc.) can be legitimate subjects for the dissemination of a counter ideological messages based on genuine understanding and tolerance of Islam and Islamic law [Muhammad & Kenneth, 2006], through media (both print, internet, etc.), debates, lectures and more. As discussed earlier in this article, by conceptualizing the counter ideological measure and in agreement with the emancipatory project as a possible solution to avoidable human suffering in the world, the marriage between CTS model of Sondre Lindahl and Louise Richardson as well as contributions on counter ideological measure by Muhammad Haniff Bin Hassan & Kenneth George Pereire, Ilesanmi Bakare, Pia-Maria Niemi, Saija Benjamin, Arniika Kuusisto & Liam Gearon, Kwesi Ayima, and Adnan Tawfiq Mohd, Anas Mohd Yunus, Isyaku Hassan posited in this paper, introduces its own legitimacy [Sondre, 2017; Louise, 2006; Muhammad & Kenneth, 2006; Ilesanmi 2016; Pia-Maria, Saija, Arniika & Liam, 2018; Kwesi, 2019; Adnan, Anas & Isyaku, 2020]. A central tenet of the model is that only by honouring means/ends through genuine counter ideological measures consistency could counterterrorism be truly emancipatory and prevent terrorism.

The Richardson approach which states that «isolating terrorists and inoculate their potential recruits» is understood by Sondre Lindahl as to contain the threat from Islamic terrorists through repressive measures. This paper examines it through the lens of applying counter ideological measures [Kwesi, 2019; Adnan, Anas & Isyaku, 2020] targeting one of the main sources of terrorist group — potential recruits. The focus is on potential recruit, were communities and young recruit would begin to isolate terrorist and they (terrorists) become weaker, as posited by Richardson, (2006). However, this paper added that the «dare to know» principle investigates how recruit are conducted through ideological means, filling the above existing missing gap of CTS model of Sondre Lindahl and Louise Richardson to suit this analysis — which is the use of counter ideological measure of genuine messages of Islam to denial terrorist groups of potential recruits, by implication isolate the terrorists from the communities and inoculate their potential recruits against them.

Consequently, there is the need to de-radicalize terrorists and insurgents through an intensive counter-ideological approach. According to Prof. Muhammad Tahir ul Qadri, Islam by virtue of its Quranic injunction condemns acts of terrorism. As Prof. Dr. Muhammad Tahir ul Qadri puts it, Terrorism does not represent the true face of Islam.

CONCLUSION

This article has sought to fill an important gap (lack of counter ideological measure to counter terrorism e. g. the use of genuine ‘religious’ messages) in the existing counterterrorism literature by carefully examining Morocco countering ideological measure alongside the counter terrorism strategy model by Lindahl and Richardson, articulating a systematic CTS model of counterterrorism. This paper systematically applies Counter Terrorism Strategy (CTS) model by Lindahl and Richardson to proffer an analysis of counter ideological measure in addressing the source of terrorism, which is «recruit». The analysis in this work constitutes an attempt to provide a positive alternative to the inherently flawed, and incredibly violent global war on terror. Thus, its plan brought together two models of counterterrorism in that the main goal is to prevent terrorism by addressing underlying root causes — counter means of recruit. Counterterrorism practices and policies enacted out of principles of non-violence, or emancipation, enjoy an ethical and normative supremacy compared to violent counterterrorism because, among others, they respect the dignity of others, and presuppose their equality.

Never before in history has the statement «anyone can become a terrorist» been more true or easier to attain than with and since the advent of social media and the use of propaganda, as well as with the weapon — ideology. This pervasive, asymmetrical threat is proliferating through the use of diverse conduits, including social media tools; bringing about long-term security challenges for intelligence organizations and domestic law/regional forces and enforcement agencies; and raising the domestic threat of unpredictable, small-scale surgical strikes by homegrown terrorists using vehicle-borne, person-borne, and leave-behind IEDs-the terrorist’s weapon of choice.

The overall objective is to prevent the youths from developing a false «sympathy» toward extremism; misinterpret religious scriptures, especially Quranic texts. As well as to assist countries particularly the Sahel and Nigeria to address the wide-ranging economic consequences of terrorism that have the potential to spread quickly through the global economy with significant social ramifications. In this regard, the paper submits that root causes of these misinterpretations could be addressed as follows: by disseminating the genuine teaching of Islam through various strategies, such as online media, public lectures, debates and online programs; Military operations against terrorism should be accompanied by a digital communication strategy that provides debates, lectures, discussions, audiovisual material to be shared on social medial, radio/television channels; Counter-narrative campaigns against terrorists’ groups should be based on true preaching and stories of Christianity, Islam, Arabs and Muslims who have experienced firsthand experience of the suffering caused by terrorism. The application of Morocco distinctive method in the fight against terrorism which work to drain terrorist networks’ resources and reduce all non-physical drives that has the capacity to motivate young people to embrace the doctrines of terrorist violence is unarguably imperative in the fight against terrorism.

POLICY IMPLICATIONS

Terrorism is the central dilemma in most African countries. This paper, its analysis and submissions are important for both policymakers and academics as they fill a gap in the literature and

analyze the direct and indirect channels and methods in the relationship between the fight against terrorism and terrorist activity in countries, particularly African countries, which are vulnerable to terrorism. In addition, this work can be used by researchers seeking to adopt a theoretical/hypothetical point of view in the pursuit of such a research, as well as to integrate non-violent instruments into a broader asset base portfolio in the fight against and preventing terrorism.

LIMITATION AND STUDY FORWARD

The limitation of this study is that it only employs and relies solely on secondary information for data generation and analysis, as counter ideological measure of counterterrorism is very diverse, whereas interviews could be explored. Further research could examine data generation from the field and the relationship of other variables of Counter Terrorism Strategy (CTS) model on counter ideology, by exploring some variables that might probably address the gap between the society and the government in counterterrorism.

ACKNOWLEDGEMENT

Special thanks to the Head of Department Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia Degterev Denis Andreevich, Ph D., Dr. Sci. (Polit.), for his support and constructive criticism, as well as his immense contributions.

Литература/ References

- Макиа Д. О., Идахоса С. О. Дилемма рецидива мятежей и проблем безопасности в Нигерии: перспективы Бoko Харам. *Современная научная мысль*. 2021. № 3. С. 126–138.
- Abortion S. E., & Ezech, C. I. Terrorism/insurgency and the welfare of the African child: The case of Boko Haram in Nigeria. *International Journal of Social & Management Sciences, Madonna University*, 2017. No. 1. <http://www.gojamss.net> (assessed: 29.03.2020).
- Adnan Tawfiq Mohd, Anas Mohd Yunus, Isyaku Hassan. Ideology, Communication, and Response to Terrorism: A Sharia-based Perspective. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 124–130.
- Arne Naess, Jens A. Christophersen, Kjell Kvalø. *Democracy, Ideology, and Objectivity: Studies in the Semantics and Cognitive Analysis of Ideological Controversy*. Part B, Chapter 1, section 4. Oslo, 1956. Pp. 161–172.
- Bakare I. A. Soft Power as a Means of Fighting International Terrorism: A Case Study of Nigeria's Boko Haram. *Vestnik RUDN, International Relations*. 2016. No. 2. Pp. 285–295.
- Baker J., Lynch K., Cantillon S., & Walsh J. Ideology and Resistance. *Equality*. 2009. Pp. 212–228.
- Bello H. D. The ideologies of Boko Haram and evolving insecurity in 21st Century Nigeria. *Buletinul Universitatii Nationale De Aparare 'Carol I' [Bulletin of the 'Carol I' National Defence University]*. 2017. Vol. 33. No. 2. Pp. 99–105.
- Booth, K. *Theory of World Security*. Cambridge, 2007.
- Boukhars Anouar. Overcoming the Barriers to Regional Security Cooperation in West Africa and the Sahel. *World Politics Review*. 2017. May 30.
- Cohen S. J., Kruglanski A., Gelfand M. J., Webber D. & Gunaratna, R. Al Qaeda's Propaganda Decoded: A Psycholinguistic System for Detecting Variations in Terrorism Ideology. *Terrorism and Political Violence*. 2016. Vol. 30. No. 1. Pp. 142–171.

- Daemers Julien. Maghreb–Sahel security cooperation: from mirage to reality? C. Barrios and T. Koepf (dir.). *Re-mapping the Sahel: transnational security challenges and international responses*, EU Institute for Security Studies. 2014. Report No. 19, June.
- Daniel Eizenga. Chad's Escalating Fight against Boko Haram. *African Center for Strategic Studies*. 2020. April 20.
- Dirsus Marcel & Eaton Tim. Instability in Libya: Assessing the Regional Impacts. *Open Publications*. 2019. Vol. 3. Pt 1. Pp. 1–21.
- Fenstermacher, Laurie, Leventhal, Todd & Canna, Sarah. *Countering violent extremism: Scientific methods & strategies*. Air Force Research Lab Wright-Patterson AFBOH. 2011.
- Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research. *Journal of Peace Research*. 1969. Vol. 6. No. 3. Pp. 91–167.
- Green, Matthew. To What Extent Was the NATO Intervention in Libya a Humanitarian Intervention? *E-International Relations Students*. 2019. February 06.
- Gregg H. S. Fighting the Jihad of the pen: countering revolutionary Islam's ideology. *Terrorism and Political Violence*. 2010. Vol. 22. Pp. 292–314.
- Gunaratna Rohan. *Ideology in Terrorism and Counter Terrorism: Lessons from combating Al Qaeda and Al Jemaah Al Islamiyah in Southeast Asia, 2005* https://www.researchgate.net/publication/228370908_Ideology_in_Terrorism_and_Counter_Terrorism_Lessons_from_combating_Al_Qaeda_and_Al_Jemaah_Al-Islamiyah_in_Southeast_Asia (assessed: 02.04.2020).
- Haroro J. Ingram. Terrorism Prevention in the United States: A Policy Framework for Filling the CVE Void. *Program on Extremism Policy Paper*. 2020. November 2018. <https://extremism.gwu.edu/sites/g/files/zaxdzs2191/f/Terrorism%20Prevention%20Policy%20Paper.pdf> (accessed: 06.09.2020).
- Horkheimer, M. *Critical Theory, Selected Essays*. New York, 1972.
- Idahosa Stephen O. and Bakare Ilesanmi A. Conceptualisation of regional instability in Sahel: modelling ABM–AfriLand-Rebel Approach. *Journal of Contemporary African Studies*. 2020. 10 September.
- Idahosa Stephen Osaherumwen and Chukujekwu, Ejike Sam-Festus. Domino theory for the promulgation of instability in the sahel region: post Gadhafi era in perspective. *Revista Inclusiones*. 2020. Vol. 7. No. Especial. Pp. 240–250.
- Idahosa Stephen. International Terrorism: The Influence of Social Media in Perspective. *World Wide Journal of Multidisciplinary Research and Development*. 2017. No. 3. Pp. 86–91.
- Idahosa Stephen Osaherumwen, Denis Degterev & Rasheed Olasunkanmi Abidoye. Strategic Fight Against Terrorism: A Narrative of its Implication in the Sahel Region. *International Journal of Engineering & Technology*. 2018. Vol. 7. No. 4(38). Pp. 727–731.
- Institute for Economics & Peace. *Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism*, Sydney, 2019, November, Available from: <http://visionofhumanity.org/reports> (accessed: 09.09.2020).
- Institute for Economics & Peace. *Global Terrorism Index: Measuring the Impact of Terrorism*, Sydney, 2020, November, Available from: <http://visionofhumanity.org/reports> (accessed: 28.02.2021).
- Institute for Economics and Peace. *Global Terrorism Index 2015: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism, 2016* <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf>.
- Isyaku Hassan, Mohd N. L. Azmi & Usman I. Abubakar. Framing Islam in news reporting: A Comparative content analysis. *Asian Social Science*. 2017. Vol. 13. No. 10. Pp. 112–119.
- Kwesi Ayima, *Counter-Ideology as a Wider Strategy for Defeating the Boko Haram Terrorist Group* (PhD diss., Walden University, 2019). <https://scholarworks.waldenu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=9455&context=dissertations> (accessed: 02.04.2020).
- Ladbury Sarah, Hamsatu Allamin, Chitra Nagarajan, Paul Francis, Ukoha Okorafor Ukiwo, Jihadi Groups and State-Building: The Case of Boko Haram in Nigeria. *Stability: International Journal of Security and Development*. 2016. Vol. 5. No. 1. Pp. 1–19.
- Lerner M. Obama says to fight ISIS with Ideas. *Tikkun*. 2016. Vol. 31. No. 2. Pp. 5–6.
- Maiangwa B. Jihadism in West Africa: Adopting a Three-Dimensional Approach to Counterterrorism. *Journal of Peacebuilding & Development*. 2014. Vol. 9. No. 3. Pp. 17–32.

- Mitchell J. The contradictory effects of ideology on Jihadist war-fighting: the Bosnia precedent. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2008. Vol. 31. Pp. 808–828.
- Muhammad Haniff Bin Hassan & Kenneth George Pereire. An Ideological Response to Combating Terrorism — The Singapore Perspective. *Small Wars & Insurgencies*. 2006. Vol. 17. No. 4. Pp. 458–477.
- Niemi Pia-Maria, Saija Benjamin, Arniika Kuusisto & Liam Gearon. How and Why Education Counters Ideological Extremism in Finland. *Religions*. 2018. Vol. 9. No. 12. Pp. 1–16.
- O’Leary De L. *Islam at the Cross Road*. London, 2016.
- Okechukwu Groupson-Paul. Oil Politics and War in Libya: Arming of Rebels and the New Phase of Neo-Democracy Evaluated. *Journal of Alternative Perspectives in the Social Sciences*. 2012. Vol. 3. No. 4. Pp. 827–870.
- Omoluwa Olusegun. Functional education: a tool for combating terrorism in Nigeria. *International Journal of Technical Research and Applications*. 2014. Vol. 2. No. 7. Pp. 35–39.
- Payne K. Winning the battle of ideas: propaganda, ideology, and terror. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2009. Vol. 32. Pp. 109–128.
- Richardson Louise. *What Terrorists Want: Understanding the Terrorist Threat*. London, 2006.
- Roucek J. S. A History of the Concept of Ideology. *Journal of the History of Ideas*. 1944. Vol. 5. No. 4. Pp. 479–488.
- Sedgwick M. Inspiration and the origins of global waves of terrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2007. Vol. 30. No 2. Pp. 97–112.
- Shils E. The conceptual function of Ideology. *International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York, 1968. Vol. VII. P. 74.
- Sondre Lindahl. A CTS model of counterterrorism. *Critical Studies on Terrorism*. 2017. Vol. 10. No. 3. Pp. 523–541.
- Tahir ul Qadri M. *FATWA on Terrorism and Suicide Bombing*. London: Minhaj-Ul-Quran, 2010.
- Tal’at Kiani, Rasoul Kiani, Naeim Karimpour, Seiyed Abedin Khodadadi & Samad Yousefi. Principles and Bases of Peaceful Coexistence in Light of Quran. *Journal of History Culture and Art Research*. 2017. No. 6(4). Pp. 1123–1131. <http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v6i4.1134>
- Turner, J. From cottage industry to international organisation: the evolution of Salafi-Jihadism and the emergence of the Al Qaeda ideology. *Terrorism and Political Violence*. 2010. No. 22(4). Pp. 541–558.
- United Nations. *Security Council Issues Presidential Statement Calling for Greater Efforts to Help Africa Fight Terrorism, as Delegates Denounce ‘Insufficient’ Current Approaches*. Security Council 8743RD Meeting (AM), 2020, 11 March. <https://www.un.org/press/en/2020/sc14140.doc.htm>.

Online Sources

- Ghulam Ghaus Siddiqi. Conflicting Perspectives on Blasphemy and the Practice of Taking the Law into One’s Own Hands, Which Is Illegal and Punishable Under Islamic Sharia — Concluding Part 2. New Age Islam. 18 August 2022. <https://www.newageislam.com/islamic-ideology/ghulam-ghaus-siddiqi-new-age-islam/conflicting-perspectives-on-blasphemy-and-the-practice-of-taking-the-law-into-one-s-own-hands-which-is-illegal-and-punishable-under-islamic-sharia-%E2%80%93-concluding-part-2/d/127735>.
- Gibbs David N. Power Politics, NATO, and the Libyan Intervention. *Counter Punch*. 2011, September 15. <https://www.counterpunch.org/2011/09/15/power-politics-nato-and-the-libyan-intervention/>.
- Jahengeer Khan, A. Gh. (n. d.), Islam’s Response to Terrorism. *Al Islam*. <https://www.alislam.org/articles/islams-response-terrorism/>.
- Ojekunle A. 5 countries with the biggest and smallest Military budgets in Africa, *Business Insider by Pulse*. 2019. September 8. <https://www.pulse.ng/bi/politics/5-countries-with-the-biggest-and-smallest-military-budgets-in-africa/1q3lbn1>.
- Remadji Hoinathy. *Is counter-terrorism history repeating itself in Lake Chad Basin? ISS*. 2020, April 15. <https://issafrica.org/iss-today/is-counter-terrorism-history-repeating-itself-in-lake-chad-basin>.
- Siddiqi Gh. Gh. The Sixteen Quranic Verses That Counter Violent-Extremism and Terrorism. *New Age Islam*. 2017, October 03. <https://newageislam.com/radical-islamism-and-jihad/the-sixteen-quranic-verses-that-counter-violent-extremism-and-terrorism/d/112752>.

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-070-080

ЛЕКСИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В КХМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ: «ИЗЛИШНЯЯ МНОГОСЛОВНОСТЬ» ИЛИ РАБОТА НАД СМЫСЛОМ?*

© 2023

Т. Г. Погибенко¹

Комплексность языковых единиц в мон-кхмерских и других изолирующих языках Азии является их важной чертой. В статье рассматривается особый тип комплексных единиц кхмерского языка, каким является лексический комплекс, в частности, глагольный лексический комплекс, имеющий исключительно высокую частотность в тексте. В лингвистической литературе по изолирующим языкам Азии, в том числе в работах по кхмерскому языку, этот тип комплексных единиц не выделяется, поскольку внешне они не отличаются от сложных слов и сериальных конструкций в том, что представляют собой последовательность глаголов без каких-либо средств подчинительной или сочинительной связи. Для кхмерского языка особенно характерны глагольные лексические комплексы, представляющие собой цепочки, состоящие из нескольких глаголов. Их наличие в дискурсе западными лингвистами рассматривается как излишняя многословность, не имеющая отношения к выражению смыслов. В отечественной лингвистике первым, кто ввел понятие лексического комплекса в научный обиход, был Д. И. Еловков. По его определению, лексические комплексы состоят из двух или нескольких полнозначных слов и представляют собой структурные и семантические единства особого рода [Еловков, 2006, с. 106]. Он выделил и описал большое количество структурных и семантических типов лексических комплексов в кхмерском языке, а также дал исчерпывающую характеристику их функционального потенциала. Это был настоящий прорыв в изучении кхмерского языка.

В данной статье дается определение глагольному лексическому комплексу как единицы, состоящей из последовательности глаголов с объединенной семантической структурой, между которыми отсутствует формальная связь, но существует связь на семантическом уровне. На материале из современного кхмерского, среднекхмерского и древнекхмерского языков рассматриваются два конкретных типа семантической деривации, осуществляемой на базе глагольного лексического комплекса: создание лексического комплекса для достижения многозначности единицы номинации и создание лексического комплекса для устранения многозначности слова. Дериваты первого типа используются для характеристики разных аспектов одного действия, дериваты второго типа используются для снятия многозначности слова. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что кхмерский лексический комплекс является хорошо структурированной и эффективной единицей номинации, позволяющей точно, лаконично и изящно выражать смыслы в нужном объеме, и что эта языковая единица не имеет аналогов в языках другой типологии.

* Данная статья написана по материалу доклада, сделанного на Чтениях памяти профессора Дмитрия Ивановича Еловкова, проведенных кафедрой филологии Юго-Восточной Азии Восточного факультета СПбГУ 19–20 мая 2022 года.

¹ Погибенко Тамара Григорьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; t.pogibenko@mail.ru
Tamara G. Pogibenko, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; t.pogibenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6667-1929

Ключевые слова: кхмерский язык, полипредикативные комплексы, лексические комплексы, семантическая деривация

Для цитирования: Погибенко Т. Г. Лексический комплекс в кхмерском языке: «излишняя многословность» или работа над смыслом? *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 2. С. 70–80. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-070-080

LEXICAL COMPLEX IN KHMER: «UNNECESSARY VERBOSITY» OR ELABORATION OF MEANING?

Tamara G. Pogibenko

Complexity of language units in Mon-Khmer and other Asian languages of isolating profile is their prominent feature. The article deals with a specific type of Khmer complex units that is lexical complex, in particular verbal lexical complex which has an exceptionally high frequency in Khmer text. In linguistic literature dealing with isolating languages of Asia, including Khmer, this type of complex units is not recognized due to the fact that they do not look different from complex words and serial verb constructions being also sequences of verbs without any means of subordination or coordination. A most characteristic feature of Khmer is chains consisting of several verbs. Their presence in discourse is often seen as unnecessary verbosity, having nothing to do with expression of meaning. Russian linguist D. I. Yelovkov was the first to introduce the concept of lexical complex in Khmer. According to him, a lexical complex consists of two or more lexemes which make up a structural and semantic unity of a special kind [Еловков 2006, с. 106]. He singled out several types of lexical complexes and described their functional potential in detail. It was a real breakthrough in Khmer studies.

This article defines the verbal lexical complex as a unit comprised of several verbs with a unified semantic structure without formal links but connected on the semantic level. Two specific types of semantic derivation by means of lexical complexes are analyzed: polysemantic lexical complexes and lexical complexes that eliminate word ambiguity. Data from Modern Khmer, Middle Khmer and Old Khmer is used. Polysemantic lexical complex derivatives are used to characterize different aspects of one single action. Analysis presented in the article allows us to draw the conclusion that the Khmer lexical complex is a well-structured and effective nomination unit which allows the speaker to accurately, concisely and in a smart way express meanings in the amount required. Lexical complex is a language unit which has no analogues in languages of other typological profile.

Keywords: Khmer, multiverb complexes, lexical complexes, semantic derivation

For citation: Pogibenko T. G. Lexical Complex in Khmer: «Unnecessary Verbosity» or Elaboration of Meaning? *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 2. Pp. 70–80. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-070-080

ЛЕКСИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В ЗАПАДНОЙ КХМЕРИСТИКЕ

A European says: I can't understand this, what's wrong with me?

An American says: I can't understand this, what's wrong with him?

Sir Terry Pratchett. British novelist

Комплексность языковых единиц в мон-кхмерских (МК) и других изолирующих языках Азии является их важной чертой. Специфический характер комплексных единиц в этих языках обусловлен такими факторами их типологического профиля, как слоговой характер значимых единиц, моносиллабизм, а также изоляция как важный принцип организации их грамматической системы.

Особый тип комплексных единиц кхмерского языка — лексический комплекс (ЛК). Эта языковая единица остается малоизученной, а основным принципом ее анализа является неоправданная «экзотизация»². До работы Д. И. Еловкова [Еловков, 2006] такого термина вообще не было и существование такой единицы в кхмерском языке лингвистами не признавалось.

Известный британский исследователь кхмерского языка Ю. Джейкоб рассматривала поликомпонентные комплексы как излишнюю многословность (*unnecessarily verbose style*) [Jacob, 1989, p. 23]. Следующий пример, содержащий серию из трех глаголов, она квалифицирует как смысловой повтор (*repetition of ideas*) и украшательство (*the desire to embellish*), как прием, используемый в кхмерской прозе [Jacob, 1989, p. 32–34]:

- кхмерский
(1) *prɔkæek* *miun-toən* *tɔtɯəl* *prɔ:m* *nəw-laəj*
спорить еще не признавать соглашаться еще не
‘спорить и никак не соглашаться’ [Jacob, 1989, p. 34]

На самом деле в данном случае глагол речевой деятельности *prɔkæek* ‘спорить’³ и ЛК ментального состояния *tɔtɯəl prɔ:m* ‘соглашаться’, будучи употреблены с отрицанием, образуют ЛК, который описывает ситуацию недостижения ментального состояния «быть согласным» в процессе речевой деятельности «спорить». Использование этих компонентов по отдельности не позволило бы описать ситуацию в нужном объеме.

Можно привести другие примеры, в которых описание ментального состояния «согласия/несогласия» осуществляется посредством лексических комплексов с глаголами речи. Их использование — это не излишняя многословность или украшательство и не стилистический прием. Использование глаголов речи в таких случаях объясняется тем, что речь — это естественный способ узнать о ментальном состоянии другого. Например, в (2) это ЛК *ksɔp prap* ‘прошептать’, букв. ‘шептать — говорить’; в (3) — это глаголы издавания звука *sraek* и *thyo:*, заменяющие речь, в (4) — это глагол *paʔdeʔsaet* ‘отрицать’.

- кхмерский
(2) ខ្ញុំប្រាប់ព្រមទាំងបង្ហើបបបូរមាត់បន្តិច។
ksɔp *prap* *prɔ:m* *teəŋ* *bɔŋhaəp* *bvbo:* *moət*
шептать говорить соглашаться ADV приоткрывать губа рот
bvntec
слегка
‘шепотом согласиться, слегка шевеля губами’⁴

- кхмерский
(3) ស្រែកថ្ងូរហ៊ុំសព្វម
sraek *thyo:* *huɤh* *prɔ:m*
кричать стонать стон соглашаться
‘издав громкий стон, согласиться’⁵

- кхмерский
(4) បដិសេធមិនព្រមទទួលកំហុសរបស់ខ្លួនឡើយ
paʔdeʔsaet *miun* *prɔ:m* *tɔtɯəl* *kɔmhoh* *khluən* *laəj*
отрицать NEG соглашаться признавать вина свой NEG
‘отрицать и не признавать своей вины’⁶

² Об «экзотизации» как основном принципе описания изолирующих языков в определенный исторический период их изучения говорит В. М. Солнцев [Солнцев, 1995, с. 4].

³ В словаре [Chuon Nath, 1967–1968] в толковании слова *prɔkæek* используются глагол речевой деятельности *sɔse:k khniə* ‘разговаривать’ и ЛК речевой деятельности *chlaəj tɔtɯŋ tɔəh* ‘отвечать-возражать-спорить’.

⁴ SEALang Library Khmer Text Corpus. URL: <https://sealang.net/khmer/corpus.htm> (дата обращения: 07.11.22).

⁵ SEALang Library Khmer Text Corpus. URL: <https://sealang.net/khmer/corpus.htm> (дата обращения: 07.11.22).

⁶ SEALang Library Khmer Text Corpus. URL: <https://sealang.net/khmer/corpus.htm> (дата обращения: 07.11.22).

Американский лингвист Дж. Хайман, автор ряда работ по кхмерскому языку, тоже считает, что в кхмерском языке много излишеств, в частности, одно и то же значение выражается в одном предложении несколько раз. По этому поводу он пишет: «Кхмерский язык — это язык, где «все сойдет». Кхмерская проза иногда схожа с полотном Джексона Поллака в том, что она содержит огромное количество семантически ненужных излишеств. Дополнительные слова и словосочетания швыряются как попало на структуру предложения SVO, которую часто просто невозможно разглядеть» [Haiman, 2012, p. 124]⁷. В качестве одного из примеров он приводит серию глаголов *cuəj cro:ŋ cre:ŋ* в следующем предложении:

кхмерский

- (5) ពុំដឹងជួយជ្រោងជ្រុងប្អូនយ៉ាងម៉េច
rit *duŋ* *cuəj* *cro:ŋ*
 NEG знать помогать подпирать; поддерживать (например, деньгами)
cre:ŋ *pʔouŋ* *ja:ŋ tes*
 подпирать; помогать младший sibling; 2SG как
 ‘Не знаю, как тебе помочь’⁸ [Haiman, 2012, p. 121]

Здесь, по мнению Дж. Хаймана, «излишеством» является то, что значение помощи или поддержки выражается три раза. На самом деле это ЛК, построенный по весьма продуктивной в кхмерском языке модели «гипероним (= *cuəj*) + гипоним (= *cro:ŋ cre:ŋ*)». В ЛК данного типа слово, имеющее более общее значение (гипероним), выступает со словом или словами, имеющими более конкретное значение (гипонимы), которые сужают, конкретизируют значение гиперонима⁹. Кхмерский глагол *cuəj*, как и русский глагол *помогать*, имеет много значений. Но в кхмерском языке существует языковая стратегия, которая позволяет снимать многозначность лексемы. Этой стратегией является лексический комплекс. С глаголом *cuəj* в кхмерском языке образуется много ЛК, например: *cuəj kuit* ‘советовать’, букв. ‘помогать — думать’, *cuəj spŋkruəh* ‘помогать; спасать’, букв. ‘помогать — спасать’.

ЛК *cuəj cro:ŋ cre:ŋ* имеет свое специфическое значение, он создается для описания ситуаций моральной или другими средствами оказанной поддержки, как в (6) и (7). Но этот ЛК не может употребляться для описания ситуации оказания помощи кому-то посредством выполнения части его работы, например, при переводе предложения *Помоги мне помыть посуду*.

кхмерский

- (6) វៀតណាមជួយជ្រោងជ្រុងទិវាពិភពលោកបង្ការប្រឆាំង HIV/AIDS។
 ‘Вьетнам поддерживает (= *cuəj cro:ŋ cre:ŋ*) Международный день защиты от СПИДа.’¹⁰

кхмерский

- (7) ក្រុមហ៊ុនឡានធំៗនាំគ្នាសម្រុកទៅទីផ្សារថ្ងៃបន្ទាប់ពីរដ្ឋជួយជ្រោងជ្រុង កាត់ពន្ធហើយជួយកាត់បន្ថយថ្លៃឡាន។
 ‘Многие крупные автомобильные компании поспешили вернуться на рынок на следующий день после того, как государство оказало поддержку (= *cuəj cro:ŋ cre:ŋ*), снизив налоги, и помогло снизить цену на машины.’¹¹

⁷ «Cambodian is an ‘anything goes’ language, whose prose sometimes seems to approximate a Jackson Pollock canvas, with massive semantically unnecessary redundancy. Extra words and phrases are slapped onto a frequently invisible SVO skeleton structure».

⁸ Перевод мой — Т. П. Перевод Дж. Хаймана ‘(You) can’t help younger brother’ представляется неверным.

⁹ По этой модели построен, например, ЛК *sp:se: tak taen* ‘писать (например, роман)’, где *sp:se:* ‘писать’, *tak taen* ‘сообщать, рассказывать, описывать’. Здесь гипоним *tak taen* конкретизирует значение слова *sp:se:*.

¹⁰ វៀតណាមជួយជ្រោងជ្រុងទិវាពិភពលោកបង្ការប្រឆាំង HIV/AIDS. URL: <https://Vietnam.vnnet.vn>.
 (дата обращения: 05.11.22).

¹¹ ក្រុមហ៊ុនឡានធំៗនាំគ្នាសម្រុកទៅទីផ្សារថ្ងៃបន្ទាប់ពីរដ្ឋជួយជ្រោងជ្រុង កាត់ពន្ធហើយជួយកាត់បន្ថយថ្លៃឡាន.
 URL: <https://ms.-my.facebook.com> (дата обращения: 05.11.22).

Взгляд на лексический комплекс как на «многословное излишество», как это ни парадоксально, у западных ученых зачастую аргументируется невозможностью перевода на европейские языки. Ю. Джейкоб в статье о стилистических особенностях современной кхмерской прозы и публицистики пишет: «Создается впечатление, особенно при переводе, что это излишне многословный стиль, содержащий намного больше слов, нежели можно отразить в переводе»¹² [Jacob, 1989, p. 23]. А. Дилер в статье, посвященной другому типу комплексных единиц — сериальным конструкциям в тайском языке, также отмечает: «С точки зрения английского языка, разговорный тайский дискурс слишком перегружен подробностями, описываемыми глаголами, при этом имеет место дефицит именных идентификаций»¹³ [Diller, 2006, p. 175].

Чтобы убедиться в том, что Ю. Джейкоб и Дж. Хайман неправы, говоря о том, что кхмерская проза страдает неоправданной многословностью и семантическими излишествами, рассмотрим пример. В (8) французский глагол *sauter* ‘скакать’ переводится на кхмерский язык четырьмя лексемами, образующими лексический комплекс: *lò:t kraok chɔ: laəŋ*.

кхмерский

- (8) ខ្ញុំលោតក្រោកឈរឡើងយ៉ាងស្មើស្មើ ហាក់ដូចជាត្រូវវន្ទះបាញ់។
khñom lò:t kraok chɔ: laəŋ ja:ŋ
 1SG прыгать вставать стоять подниматься ADV
slɔn slao
 испуганный широко раскрытый
trəw rɔnteəh bəŋ
 PASS гром стрелять
 ‘J’ai sauté sur mes pieds comme si j’avais été frappé par la foudre’ (‘Я **вскочил**, словно от удара грома’) (Экзюпери, 2015, с. 13).

Здесь каждый из компонентов комплекса описывает свой аспект ситуации. Глагол *kraok* ‘вставать из сидячего или лежащего положения’ описывает подъем после сна, глагол *lò:t* ‘прыгать’ описывает то, что подъем был резким скачком, а инцептивный комплекс *chɔ: laəŋ* выражает то, что участник ситуации встал на ноги. В результате перед глазами читателя возникает целый визуальный ряд. На этом примере можно видеть, что ЛК строится не для ‘украшательства’ и его компоненты не являются семантически избыточными. Напротив, ЛК является эффективным инструментом для порождения тех смыслов, которые позволяют описывать ситуацию адекватным образом, использование ЛК позволяет упаковывать информацию как можно более ясно и экономно.

Для сравнения, в (9) используются только три компонента ЛК, рассмотренного в (8), а именно *kraok chɔ: laəŋ*. Отсутствие глагола *lò:t* связано с тем, что в данном случае описывается нерезкое, спокойное движение юноши, который сидел печальный, погруженный в грустные думы. Сравнивая эти два примера, можно сказать, что ЛК в кхмерском дискурсе комплектуется не для красоты, а точно в соответствии с тем, что надо выразить.

кхмерский

- (9) ស្ថានីយអូស្រឡៅ! ក្មេងនោះក្រោកឈរឡើង ហើយអើតតាមបង្អួចមើលទៅខាងកើត។
sthani: ʔo: srɔlaw kme:ŋ nuh kraok chɔ: laəŋ
 станция EXCL PN юноша тот вставать стоять подниматься
haəj ʔaət ta:m bɔŋʔuəs mə:l təw kha:ŋ kaət
 и высовываться через окно смотреть к сторона восток
 Ах! станция Сралав! Юноша встал, выпянул в окно и посмотрел в сторону востока (Ной Хач, 1949, с. 3).

¹² «One feels, especially when translating, that it is an unnecessary verbose style, containing far more words than can be represented in translation».

¹³ «From the English point of view, informal Thai discourse often seems to provide an overload of verb-based detail with a corresponding dearth of nominal identification».

ЛЕКСИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КХМЕРИСТИКЕ

Д. И. Еловков был первым, кто обосновал наличие категории лексического комплекса в кхмерском языке. Он выделил и описал большое количество структурных и семантических типов ЛК, дал исчерпывающую характеристику их функционального потенциала. Это был прорыв в изучении кхмерского языка. ЛК в кхмерском языке могут иметь в своем составе от двух до шести полнозначных слов. Они, по выражению Д. И. Еловкова, представляют собой структурные и семантические единства особого рода [Еловков, 2006, с. 106]. По классификации Д. И. Еловкова, ЛК бывают разных типов в зависимости от трех факторов: категориальной принадлежности входящих в ЛК слов, категориальной принадлежности всего комплекса, соотношения значения компонентов со значением комплекса. По последнему признаку выделяются три типа: 1) значение комплекса является суммой значений компонентов, 2) значение комплекса совпадает со значениями компонентов (синонимические ЛК), 3) значение комплекса отличается от значений компонентов.

В качестве компонентов ЛК выступают слова разных частей речи без каких-либо средств связи. Они представляют собой одну комплексную единицу номинации с объединенной семантической структурой. Подавляющее большинство ЛК не заносится в словари, поскольку образуются в речи, поэтому их анализ и тем более синтез остаются проблемой.

В кхмерском языке и других изолирующих языках Азии распространены ЛК, состоящие из полнозначных глаголов. Глагольные ЛК в кхмерском языке важно отличать от сложных глаголов и глагольных сериальных конструкций. По форме их различить нельзя, поскольку они все состоят из глаголов, между которыми нет показателей связи. Мы исходим из того, что в изолирующих языках Азии сериальные конструкции и глагольные ЛК различаются следующим образом. Сериальные конструкции, как это принято считать в научной литературе, обозначают последовательность действий, концептуализированных как одно событие («single event»), при этом порядок компонентов в них иконический. ЛК в МК языках обозначают не последовательность действий, а характеризуют *о д н о д е й с т в и е* с разных сторон. Сложные слова, состоящие из глагольных основ, отличаются от ЛК тем, что они создаются для выражения нового понятия, нового смысла. Поэтому в кхмерском языке *luac sdap* ‘подслушивать’, букв. ‘красть, делать тайком — слушать’ — это ЛК; *sdap lu:* ‘слышать’, букв. ‘слушать — слышать’ — это СК; *kan jɔ:k* ‘придерживаться мнения’, букв. ‘держаться — брать’ — это сложное слово. Есть и другие критерии, по которым можно более или менее успешно разграничивать эти три категории комплексных единиц, однако это отдельная большая тема¹⁴.

Далее мы рассмотрим третий тип глагольных ЛК, выделенный Д. И. Еловковым, — асимметричные ЛК, в которых значение комплекса отличается от значений компонентов, и опишем два функциональных типа семантической деривации, ими осуществляемой: создание полисемии и устранение полисемии.

СОЗДАНИЕ ПОЛИСЕМАНТИЧНОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Глагольные ЛК могут состоять из простых глаголов и/или глагольных ЛК, а также включать в свой состав имена. Они могут быть устойчивыми и воспроизводимыми и фиксироваться

¹⁴ Многие типы ЛК изолирующих языков в зарубежной научной литературе могут рассматриваться как сериальные конструкции. Например, синонимические ЛК в [Aikhenvald, 2009, p. 30] рассматриваются как сериальные конструкции с неиконическим порядком компонентов.

словарями или порождаться в речи. АК может строиться с целью охарактеризовать описываемую ситуацию сразу с нескольких сторон. Рассмотрим это на примерах трех АК с перцептивными глаголами, которые содержат общие компоненты. Все они описывают перцептивную деятельность, осуществляемую с большим вниманием.

(i) *kə:j kən rəmpəj nə:tra:* (ii) *rəmpəj kə:j kən mə:l* (iii) *səmluŋ kə:j kən*

Эти АК состоят из следующих компонентов:

kə:j ‘смотреть, рассматривать, наблюдать’¹⁵

kən ‘изучать, отслеживать’

kə:j kən устойчивый АК, отмечаемый в словарях со значением ‘смотреть, подглядывать’; рассматривать (вид, пейзаж; экспонаты)’

rəmpəj ‘тщательно разглядывать, рассматривать, обследовать’

nə:tra: ‘глаза’

mə:l ‘смотреть’

səmluŋ ‘пристально смотреть’

Анализ контекстов, в которых выступают эти три АК, показывает, что их комплектация не является произвольной, слова в них не «шлепаются как попало», и в них нет ничего лишнего. Рассмотрим примеры, где выступают эти АК, и убедимся, что, несмотря на то, что все АК описывают перцептивную деятельность, осуществляемую с большим вниманием, они не являются взаимозаменяемыми.

(i) *kə:j kən rəmpəj nə:tra:*, букв. ‘смотреть, подглядывать, рассматривать + тщательно разглядывать, рассматривать, обследовать + глаза’.

Этот АК используется в следующем предложении из кхмерской Рамаяны (Риемке). В нем описывается, как демоница из рода Раваны, живущая под землей, услышав, как Сита со своей свитой весело и беззаботно плещется в ручье, решает отомстить за свой погубленный род и навсегда разлучить Ситу и Раму. Она медленно крадется, прячась за деревьями, читает заклинания, чтобы предстать перед Ситой в облике служанки из дворца.

среднекхмерский

(10) សៀវមមៀវផ្ទាប់ព្រៃ គយគន់រំពៃនេត្រា សូត្រសេពទិព្វមន្តមាយា និម្មិតប្រែប្រានឥន្ទ្រិយ
spsia məmā phtəp prəj Шла вдоль (кромки), крадучись, прислоняясь к деревьям,
kə:j kən rəmpəj nə:tra: **внимательно наблюдая,**
so:t se:p tuəp mən miəjā читала магические заклинания,
ni?mit prae pra:n ʔəntri: чтобы превратиться (RII, 30)¹⁶

(ii) *rəmpəj kə:j kən mə:l*, букв. ‘тщательно разглядывать, рассматривать, обследовать + смотреть, подглядывать, рассматривать + смотреть’.

Этот АК используется в предложении, описывающем ситуацию, в которой разбойник, решивший бросить свое ремесло и осесть в деревне, хочет выбрать себе жену из местных девушек. Он осторожно крадется по деревне, пока не наткнется на группу веселящихся юношей и девушек, и останавливается, чтобы внимательно приглядеться к девушкам.

(11) គិតហើយ មហាថោរក៏ដើរទៅក្រវែលភូមិអ្នកស្រុក រំពៃគយគន់មើលហ្វូងស្រីប្រុស ដែលនាំគ្នាលេង
 ខ្សៀវខ្មាននៅក្រោមម្លប់ឈើ។
 ‘Подумав, разбойник отправился обходить дозором деревню, он **внимательно наблюдал** (= *rəmpəj kə:j kən mə:l*) за группой юношей и девушек, играющих вместе под сенью дерева.’¹⁷

¹⁵ Другое значение — ‘таможня’.

¹⁶ В ссылке после запятой указан номер строфы.

¹⁷ រឿង ងព្រេងទាក់ទងនឹងពិធីបញ្ចូលម្លប់កូនស្រី. URL: <https://km.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 26.11.22).

ЛК в (10) и (11) образуются для описания двух фрагментов действительности, элементы которых имеют общие аспекты, важные для цели сообщения. Этими аспектами являются: 1) внимательное и/или осторожное наблюдение, 2) изучение ситуации, 3) зрительное восприятие. Семы, отражающие эти аспекты, репрезентируются лексическими единицами — лексемами, выступающими в качестве компонентов рассматриваемых лексических комплексов. Проанализируем их компонентный состав и долю участия компонентов в объединенной семантической структуре всего ЛК.

rəmpəj ‘тщательно разглядывать, рассматривать, обследовать’ добавляет к объединенной семантической структуре этих комплексов значение внимательности и целенаправленности деятельности. Глаголы *kə:j* и *kən* ни в самостоятельном употреблении, ни в составе ЛК *kə:j kən* значения целенаправленности не имеют. Приведем типичные примеры употребления ЛК *kə:j kən*:

кхмерский

- (12) ដំណើរកម្សាន្តគយគន់ទីក្រុងហាណូយពីលើឡានក្រុងពីរជាន់ ។
‘Экскурсия по осмотру Ханоя на двухэтажном автобусе’

кхмерский

- (13) ធ្វើដំណើរកម្សាន្តគយគន់ទេសភាពតាមផ្ទៃទឹកដោយជិះទូកយង់ស្រួបយកខ្យល់បរិសុទ្ធនឹងគយគន់សម្រស់ធម្មជាតិ ។
‘Совершите экскурсию на яхте и **полюбуйтесь** (= *kə:j kən*, букв. ‘посмотрите’) видами на воде и на суше, вдохните чистого воздуха и **полюбуйтесь** (= *kə:j kən*, букв. ‘посмотрите’) красотами природы.’

Таким образом, компоненты *kə:j kən* + *rəmpəj* и *rəmpəj* + *kə:j kən* используются с целью создания такой объединенной семантической структуры, которая наиболее точно отражает описываемые ситуации внимательного, осторожного наблюдения. Два момента требуют объяснения: во-первых, перемещение компонента *rəmpəj* в начало ЛК в (11), во-вторых, включение компонента *nə:tra*: ‘глаза’ в ЛК в (10) и компонента *mə:l* ‘смотреть’ в ЛК (11).

Изменение позиции компонента *rəmpəj* связано с тем, что семантическая структура ЛК выстраивается таким образом, что компонент значения «цель» выходит на первое место, поскольку субъект осуществляет перцептивную деятельность исключительно с целью выбрать кандидатуру в жены.

Обратим внимание на то важное обстоятельство, что в кхмерском языке подобная возможность перемещения компонента внутри языковой единицы не свойственна ни сложным словам, ни свободным словосочетаниям. Зато это хорошо согласуется с нашими представлениями об устройстве семантической структуры л е к с е м ы, где семантические компоненты образуют иерархическую структуру, которая способна под влиянием контекста перестраиваться таким образом, что «одни компоненты уходят в тень, а другие выходят на свет, актуализируются, попадают в фокус внимания» [Падучева, 2004, с. 17]. Другими словами, ЛК функционирует как с л о в о с объединенной семантической структурой, и эта структура может перестраиваться таким образом, чтобы нужные для целей коммуникации компоненты попадали в фокус внимания.

Компоненты *nə:tra*: ‘глаза’ в ЛК (i) и *mə:l* ‘смотреть’ в ЛК (ii) имеют одинаковую долю участия в создании их объединенной семантической структуры. Они включаются в комплексы для того, чтобы активировать перцептивный компонент. Дело в том, что глаголы *rəmpəj*, *kə:j*, *kən*, а также устойчивый ЛК *kə:j kən* не могут в полной мере выразить перцептивный компонент. Они относятся к тому тематическому классу, о котором Е. В. Падучева говорит: «Многие глаголы включают перцептивный компонент, но обозначают вполне специфическое действие или деятельность, для которой главное — цель, а не участие восприятия в ее достижении» [Падучева, 2004, с. 197].

Участники ситуаций, описываемых в (10) и (11), помимо осуществления перцептивной деятельности с определенной целью (внимательность, осторожность, выбор) еще являются свидетелями происходящего на их глазах. Демоница, вышедшая из-под земли с целью навредить Сите своими чарами, не могла не поддаться очарованию открывшейся ее взору сцены. Эта сцена красочно и многословно описывается в четырех предыдущих строфах¹⁸. То же самое можно сказать и о разбойнике, который с интересом наблюдает игры юношей и девушек под сенью дерева, поскольку для него это тоже зрелище завораживающее. Вот почему для усиления значения «зрительное восприятие» в (10) в состав ЛК включается слово «глаза», а в (11) — слово «смотреть». В результате в объединенной семантической структуре ЛК в (10) и (11) одинаково представлены и когнитивное, и перцептивное значение.

Говоря об одинаковой доле участия в создании объединенной семантической структуры ЛК компонентов *nè:tra*: 'глаза' и *mə:l* 'смотреть', можно отметить, что их изофункциональность отражает тот факт, что участник ситуации «глаза» представлен в семантической структуре глагола *mə:l* как инкорпорированный актанта¹⁹.

Такая весьма утонченная манипуляция со смыслами возможна благодаря лексическому комплексу — языковой единице номинации, объединенная семантическая структура которой устроена, как показывают данные примеры, весьма сложным образом.

(iii) *svmlun kə:j kən* 'внимательно посмотреть', букв. 'пристально смотреть, вглядываться — смотреть, подглядывать, рассматривать'.

Этот ЛК используется в следующем предложении, описывающем ситуацию, в которой студенты едут в поезде домой на каникулы. Все веселятся, вытворяют всякие глупости. И только один юноша сидит печальный, погруженный в свои невеселые мысли.

кхмерский

(14) អ្នកទាំងឡាយគ្មាននឹកនាថា នឹងមាននរណាធ្វើមុខជូរកើតទុក្ខបានឡើយ។ តែបើសម្លឹងគយគន់ ឲ្យហួតចំពៅក៏នឹងឃើញកុមារម្នាក់...អង់គុយសព្វប៉ុន្តែ ទឹកមុខស្ងប់ស្រពោននៅក្នុងយានគេម្នាក់ឯង។

'Никто и подумать не мог, что кто-то здесь может грустить и печалиться. Но если внимательно посмотреть (= *svmlun kə:j kən*) вокруг, то можно было заметить юношу, ... который в поезде единственный сидел грустный' [Ной Хач, 1949, с. 5].

Анализ рассмотренных ЛК (i), (ii) и (iii), которые описывают ситуации перцептивной деятельности, осуществляемой с вниманием, и имеют общие глагольные компоненты, позволяет убедиться, что в кхмерском языке лексический комплекс — это особая единица номинации. Она формируется таким образом, чтобы ее объединенная семантическая структура позволяла экономно и точно описывать ситуацию с разных сторон.

Приведем пример, который демонстрирует, насколько эффективной является стратегия использования ЛК. В кхмерском языке есть ЛК, который используется при описании

¹⁸ Там используются такие слова и выражения, как *kanrcrouk* 'плескаться', *kancriəw* 'истошно кричать', *muc* 'нырять', *ŋə:p* 'выныривать', *pə:p pəəl* 'расталакивать (друг друга)', *sraek* 'кричать', *prvəpə prvle:ŋ* 'в шутку бороться друг с другом', *ba:c sa:c* 'брызгать пригоршнями (воду)', *vul vèh* 'увертываться', *prvva: cap* 'хватать (за руки)', *kanrcrouk tēəh tuuk khca:j khcv:* 'разбрызгивать, щелкая ладонью по воде', *rōəm* 'танцевать', *thvə: phlè:ŋ* 'изображать игру на музыкальных инструментах', *criəŋ ləvə:j ləvəŋ ɽu:ŋ* 'звучно петь', *ɽv:* 'веселиться', *krvsa:l lè:ŋ* 'развлекаться'.

¹⁹ Об инкорпорированных и экскорпорированных актантах говорится в работе Е. В. Падучевой [Падучева, 2004, с. 60]. Инкорпорированным актантам называется участник ситуации, входящий в семантическую структуру предиката, но не представленный в синтаксической структуре предложения. Например, в ситуации, описываемой русским глаголом «видеть», присутствуют глаза, но предложение *Он увидел ее глазами* является неправильным [Падучева, 2004, с. 53]. В определенных случаях инкорпорированный участник может экскорпорироваться, т. е. получать место в синтаксической структуре предложения [Падучева, 2004, с. 221]. Например, участник «глаза» экскорпорируется в выражениях *видел собственными глазами*, *увидеть невооруженным глазом*.

древнекхмерский

- (16) *kamrateñ añ vraḥ guru res nām yal dhūli vraḥ pāda dhūli jeñ vraḥ kamrateñ añ nām yal vnek ni ta vraḥ vleñ nu vrāhmaṇ ācārya nu kamsteñ añ [raja]kulamahāmantri nu khloñ vala phoñ*
 ‘Его преподобие наставник, выбрав (монахов), привел **увидеть** (= **yal**) его величество, привел **увидеть** (= **yal vnek**) священный огонь и брахманов, наставников, его преподобие *Rajakulamahāmantri* и всех командующих’ (К 444В, 13–15).

Из текста следует, что *yal* описывает ситуацию, когда король должен был не просто увидеть, а одобрить кандидатуры отобранных монахов — это является когнитивной деятельностью, а *yal vnek* описывает ситуацию, когда кандидатуры, одобренные королем, должны были увидеть священный огонь и предстать перед участниками церемонии — это перцептивная деятельность.

Литература/References

- Еловков Д. И. *Структура кхмерского языка: фонетика, фонология, грамматика, лексика, семантика*. СПб., 2006 [Yelovkov D. I. *The Structure of the Khmer Language: Phonetics, Phonology, Grammar, Vocabulary, Semantics*. Saint-Petersburg, 2006 (in Russian)].
- Ной Хач. *Увядшие цветы*. Пномпень, 1949 (на кхмерском языке).
- Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М., 2004 [Paducheva E. V. *Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary*. Moscow, 2004 (in Russian)].
- Солнцев В. М. *Введение в теорию изолирующих языков*. М., 1995 [Solntsev V. M. *Introduction into the Theory of Isolating Languages*. Moscow, 1995 (in Russian)].
- Экзюпери А. *Маленький принц*. Пномпень, 2015 (на кхмерском языке).
- Aikhenvald, Alexandra Y. Serial verb constructions in typological perspective // *Serial Verb Constructions. A Cross-Linguistic Typology*. Alexandra Y. Aikhenvald and R.M.V. Dixon (eds.). Oxford, 2006. Pp. 1–68.
- Chuon Nath — *Dictionnaire Cambodgien*. Phnom Penh, 1967–1968.
- DAK — Jenner, Phillip N. *A dictionary of Angkorian Khmer*. Canberra, 2009.
- Diller, A. V. N. Thai serial verb: cohesion and culture // *Serial Verb Constructions. A Cross-Linguistic Typology*. Alexandra Y. Aikhenvald and R.M.V. Dixon (eds.). Oxford, 2006. Pp. 160–177.
- Haiman J. Competing motivations // *The Oxford Handbook of Linguistic Typology*. Jae Jung Song (ed.). Oxford, 2012. Pp. 121–134.
- Jacob Judith M. Some features of Modern Khmer literary style // *South-East Asian Linguistics. Essays in Honour of Eugène J. A. Henderson*. SOAS, University of London, 1989. Pp. 23–41.
- РП — Pou Saveros. *Rāmakerti II. (Deuxième version du Rāmāyana khmer)*. Texte khmer, traduction et annotations par Saveros POU. École française d’Extrême-Orient, vol. CXXXII. Paris, 1982.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- វៀតណាមជួយជ្រោងជ្រែងទិវាពិភពលោកបង្ការប្រឆាំង HIV/AIDS. URL: <https://Vietnam.vnnet.vn>. (дата обращения: 05.11.22).
- ក្រុមហ៊ុនឡានធំៗនាំគ្នាសម្រុកទៅទីផ្សារថ្ងៃបន្ទាប់ពីរដូវជួយជ្រោងជ្រែង កាត់ពន្ធហើយជួយកាត់បន្ថយថ្លៃឡាន. URL: <https://ms.-my.facebook.com> (дата обращения: 05.11.22).
- រឿងព្រេងទាក់ទងនឹងពិធីបញ្ចូលម្ហូបភ្ជួរស្រី. URL: <https://km.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 26.11.22).
- SEAlang Library Khmer Text Corpus. URL: <https://sealang.net/khmer/corpus.htm> (дата обращения: 07.11.22).

АВТОПОРТРЕТ В ЭКСТЕРЬЕРЕ (ЭССЕ О ПОСЛЕДНЕЙ КНИГЕ МУХАММЕДА ДИБА)

© 2023

С. В. Прожогина¹

Эссе посвящено выдающемуся алжирскому франкоязычному писателю М. Дибу и его последней книге «Лаэцца», ставшей «исповедью души» человека, предчувствовавшего скорую кончину и потому пожелавшего в свободной форме новелл и автобиографических зарисовок изложить свой жизненный и духовный опыт, восприятие окружающего мира и судеб — как родного Алжира, так и второй родины — Франции. Творчество Диб и его последнее произведение — размышление над судьбами магрибинцев, давно живущих на Западе, и французов, все более осознающих то, что проблемы «интеграции», «мультикультурализма» и прочих сомнительных достижений бывшей метрополии в отношении бывших колонизованных напрямую сопряжены с такими «продуктами» постколониальности, как бунты, терроризм и другие разные степени давно вызревавшего и в недрах Запада, и в обретших независимость бывших его «заморских владениях», времени гнева. Многие из предвиденного писателем в начале нового тысячелетия сбылось в наши дни, поэтому его последняя книга стала не только воспоминанием о прошлом и размышлением о настоящем, но и прогнозом на будущее.

Ключевые слова: Мохаммед Диб, «Лаэцца», Алжир, Франция, Магриб, франкофония

Для цитирования: Прожогина С. В. Автопортрет в экстерьере (эссе о последней книге Мухаммеда Диб). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 2. С. 81–94. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-081-094

A SELF-PORTRAIT IN EXTERIOR (AN ESSAY ON MOHAMMED DIB'S LAST BOOK)

Svetlana V. Projogina

The essay centers on the outstanding Algerian French language writer, Mohammed Dib, and his last book 'Laëzza', which became a 'confession of the soul' by a man who had foreseen his impending death and wished to narrate, in a free form of short stories and autobiographical sketches, his life and spiritual experience, his perception of the surrounding world and destinies — of his native Algeria and his second home, France. Dib's writings and his last work are contemplations on the fate of the Maghreb people who had been long living in the West, as well as the French who have been understanding more and more that the problems of 'integration', 'multiculturalism' and other doubtful achievements of the former metropolitan power vis-à-vis the formerly colonized people, have been linked to such 'postcolonial products' as riots, terrorism and various other grades of the 'time of anger', for a long time emerging in the now independent ex-colonies. Many things foreseen by

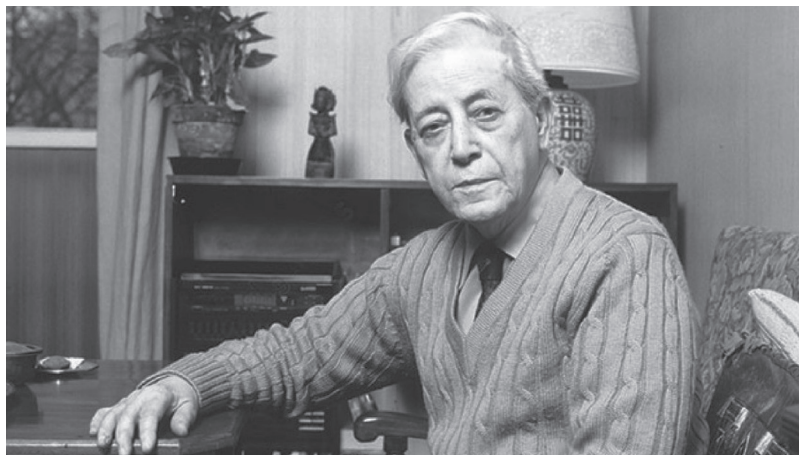
¹ Прожогина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; svetlana.projogina@mail.ru
Svetlana V. Projogina, D. Sc. (Philology), Principal Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; svetlana.projogina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-0289.

the writer at the beginning of the millennium came to be true nowadays, and thus in his farewell book he had not only reminisced about the past or contemplated upon the present, but also forecasted the future.

Keywords: Mohammed Dib, 'Laëzza', Algeria, France, Maghreb, Francophonie

For citation: Projogina S. V. A Self-Portrait in Exterior (an Essay on the Last Book of Mohammed Dib).

Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN. 2023. 2. Pp. 81–94. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-081-094

Когда я писала свою статью о литературе магрибинцев «как диагнозе и как прогнозе» [Прожогина, 2022, с. 66–72], не упомянула книгу алжирца М. Диб (1920–2003), вышедшую через три года после его кончины, еще в 2006 г. [Dib, 2006]², однако, на мой сегодняшний взгляд, она содержит такого рода прогноз, который для нынешней ситуации в мире звучит особенно актуально. Возможно, тогда я не стала обращаться к этому произведению классика алжирской литературы потому, что это была особенная книга замечательного и давно известного писателя: не роман, не повесть, не сборник стихов, не сказки для детей, т. е. не образец какого-то определенного художественного жанра, ему свойственного, но то собрание сочинений, которое, скорее, похоже на исповедь души человека, уже предчувствовавшего свою кончину, а потому захотевшего в абсолютно свободной манере запечатлеть Жизнь — и свою, и встреченных им людей, и исторические события, пронесшиеся перед его глазами, как вихрь, собравший воедино и воспоминания, и попытки написания автопортрета, и композиции, исполненные мастерства новеллистики, где в пространство коротких повествований уложена бездна нюансов жизни человеческой души, совокупность тех мироощущений и образов мира, которые сформировали и личность, и жизненную позицию самого художника слова.

И если уж дать совсем правдивую оценку этой бесценной книги М. Диб, то я бы сказала даже, что напиши он ее чуть позже, ее бы в лучшем случае во Франции просто не издали бы, а в худшем — запретили для издания. Как, к примеру, «отменили» нашу культуру, о которой решили в годину усилившихся санкций «больше не вспоминать», да и с русскими — «лучше не общаться», а только грозить и предупреждать о «худших временах».

² О творчестве этого алжирского писателя см. подробнее мою работу «Обречение Авеля» [Прожогина, 2020]. Почти все значительные произведения М. Диб переводились и на русский язык, начиная с его первой книги «Большой дом» (1955) вплоть до 1986 г. — см., например, «Избранное М. Диб». М.: Художественная литература, 1989.

На мой взгляд, и эта затея Запада провалилась. Заставить забыть людей на земле о русской культуре — невозможно. Да и алжирец М. Диб с ней — с ее литературой, прозой, поэзией не расставался никогда, даже живя во Франции, куда был вынужден перебраться после высылки его колониальными властями за приверженность национально-освободительным идеалам и сотрудничество с «коммунистической печатью» (работал корреспондентом газеты «Республиканский Алжир»). Он обосновался неподалеку от места, где в свое время жил и умер И. С. Тургенев, — Сэль-Сан-Клу был в нескольких километрах от так называемой «Дачи Тургенева», — дома, действительно похожего чем-то на «пригородный», деревянный, хотя и «барский». Он стоит напротив белокаменной (с колоннами) виллы его возлюбленной — певицы Полины Виардо. (Сегодня скромный кабинет И. Тургенева, находящийся в давно требующем ремонта этом доме, воспроизведен в его музее в Москве, разве что нет там всего его богатства — переписки великого русского писателя с великими мастерами французской словесности того времени.)

Алжирец М. Диб не просто гордился своим «соседством», но часто просто говорил о «стиле Тургенева» так, как будто читал писателя по-русски, а не в переводах (даже сделанных порой и самим Г. Флобером). Да и К. Паустовского как будто бы «знал на память» и спрашивал меня даже: «Но почему этот великий мастер не пишет романов?» (Я, не зная, что ответить, могла только сказать, что и повестей его достаточно вполне, чтобы быть любимым всеми в России писателем...) Но вот о том, что М. Диб пристально знает и любит нашу поэзию, я от него не слышала при наших встречах (а знакомы мы были со времен празднования его 70-летия в 1990 г. в Алжире) в его доме, точнее, в квартире, хотя и во французской пригородной «пятиэтажке», но обставленной очень «по-алжирски», как и алжирским был ярко расшитый жилет хозяина, надетый на белую рубашу, как и его простые, домашние «бабуши» — «тапки без пятюк», которые носят и в городе алжирские мужчины, как и был алжирским весь ритуал застолья, который всегда (до 2002 г., когда я видела его в последний раз) тщательно поддерживала жена М. Диб, француженка Колеетт, тихая и милейшая дама, угощавшая меня, гордившись, что «сама пекла», — алжирскими сладостями...

Хозяин дома нигде и никогда не стеснялся и не боялся своей «алжирскости». И в таких «мелочах жизни», как, встречая меня, к примеру, на вокзале своего очень французского городка Сэль-Сан-Клу³ в алжирском наряде, хотя и садясь за руль вполне современной европейской машины, и в главном — в своем творчестве, которое преимущественно посвящено родному Алжиру, и более того — в своем при всех политических ситуациях остававшемся всегда однозначном выборе своего гражданства. Он никогда не называл себя, как многие его соотечественники по месту жительства, «французом», наоборот, подчеркивал, что он — «алжирец», и более того: никто из самых крупных французских издателей, публикуя объемное творчество М. Диб, никогда не осмеливался (как это постоянно делается в эпоху глобализации) приписывать его франкоязычное творчество к полю французской культуры (хотя, и это очевидно, она повлияла на его художественное творчество), и всегда называли и сегодня называют «алжирским писателем». М. Диб гордо и без оговорок и «запятых» в своем осознании и где, и во имя чего живет, называл себя **алжирцем**, хотя и знал, что на родину вряд ли уж сможет вернуться... Не потому только, что давно и тяжело болел, но и потому, что события, там происходившие, особенно в 90-е гг.,⁴ не располагали к окончательному возврату.

³ Многие состоятельные французы, недовольные «пестрым» составом сегодняшнего населения в крупных городах, и особенно в столице, переехали «в провинцию», чтобы «не сталкиваться в повседневности с вездесущими арабами». Это — дословно из нашего с Н. А. Крыловой интервью по дороге на «Дачу Тургенева» в 2010 г.

⁴ Об этом времени см., к примеру, мою работу «Смятение» [Прожогина, 2017].

Ему дали все возможные литературные премии, их множество, начиная с 1953 г. и кончая 1998 г., когда вручили (уже после «Гран-При» мировой франкофонии (1994) премию Маларме, — а у французов с именем этого своего великого поэта связано представление именно об абсолютной эстетической свободе Искусства Слова. Но он, М. Диб, при всем при этом оставался верен только осознанию исполнения своего долга перед своей отечественной культурой, даже «во дни сомнений и тягостных раздумий о судьбе своей родины» ... В истории разных литератур случалось подобное. В русской — особенно.

Но вот что мне показалось особенным, во всяком случае, повлиявшим и на характер известной устойчивости взглядов М. Диба на смысл определения себя в национальной культуре и даже, возможно, не замеченной мной ранее устойчивости его эстетической позиции — показывать в своем творчестве «только правду», — то это продемонстрированное в его последней книге «Лаэцце» отношение к Истории как и к судьбе своего народа: бережное и даже, быть может, столь же откровенное, если речь идет о *выборе пути*, по которому *люди пойдут вместе или врозь*. В этой книге, точнее, в первых двух новеллах этого произведения М. Диба об этом сказано как-то метафорически заостренно, а во второй части книги, наоборот, прямо, в форме «свидетельской», в откровениях дневниковых записей и в зарисовках своего автопортрета. Но в целом получилось довольно смелое обнажение уже ничем не сдерживаемых и нескрываемых мыслей крупного писателя о «новых временах». И пусть это покажется кому-то странным, но лепту свою в это откровение внесла и русская поэзия, «наше все» — А. С. Пушкин... Ну, конечно, и Данте, стих I «Ада» которого стоит к книге М. Диба эпиграфом в его собственном, «вольном», — как он пишет (хотя, по-моему, абсолютно точном) переводе:

«A mi — chemin de la vie
je me retrouvai dans un forêt obscure
Où la voie tout droit suivi ne fut plus
Ah! combien est chose pénible de décrire
Cette forêt sauvage et âpre et dure
D'y penser, la peur de nouveau en moi!»⁵

Возможно, в те годы, когда создавалась эта книга М. Диба (очевидно, конец 90-х — начало 2000-х), в настроении писателя и его мироощущении в целом преобладали те мотивы, что свойственны этой «адской» песне из «Божественной комедии», — причин было достаточно и в родном Алжире, и в мире в целом, и он напишет о них прямо, «без прикрас», и в «Автопортрете», и во «Встречах» своих во второй половине этой своей последней книги. А вот в первой (состоящей из двух больших новелл — «Лаэццы» и «El condor pasa») он действительно отошел от «прямого пути» в смысле самовыражения, блуждая своим пером в гуще иносказаний, хотя, как всегда, точно воссоздавая ощущение мерзости и горечи «дикого леса» окружавшей реальности, по-своему, в художественной типизации и «сгущая» ее мрак, но все еще порой и надеясь на возможность выбраться из этой неприглядной и непроглядной «Чащи»... Надежду эту сберегали, видимо, до последнего мгновения жизни писателя те духовные опоры, которые, как маяки, освещали и оберегали его путь. И в пространстве литературы, и в пучине личной судьбы.

⁵ По-русски это звучит примерно так: «На жизни полпути // Я оказался в лесу темном // Где больше не было прямой дороги // О как же тяжело мне описать // весь этот дикий, горький лес! // И если даже думаю о нем, меня охватывает снова страх. //

Но книга все-таки имеет название, как новелла, ее открывающая, — «Лаэцца». По имени героини этого повествования, женщины мятежной, вольной, своенравной, вобравшей в свой образ все приметы, причуды и пороки собственного мирка как сгустка образа «современного мира», где *нет ничего святого*, где не властны «традиции» (или, как говорят алжирцы, «заветы предков»), где почти все и вся — лишь «симулякры», где «женщина-модель» — образец «совершенства» *телесной* красоты, торжества пусть даже замалеванной татуировкой *плоти*, где все можно купить, продать, прихватить, даже человеческое существо, если оно податливо, безвольно, бессильно устоять под натиском соблазнов... Что и случилось с молодым человеком, другим героем этой новеллы, учившимся в университете, чтобы стать гистологом, хирургом, мечтавшим и о занятиях литературой, «о профессии писателя», но попавшим на какой-то случайной вечеринке во время танца в объятия вполне себе «прилично одетой девушки в черном платье», а затем и в сети ее «беспощадной любовной страсти», которая поначалу пленяла, а потом превратилась «в тиранию». Молодой человек поначалу отвечал девушке непонятными, на чужом языке ласково произнесенными словами «тоіа», «обојаіои» («моя», «обожаю»), потом пытался даже «умерить» беспощадно терзавший его разгул ее плотских страстей и утех, читая ей какое-то уж совсем непонятное, на чужом языке стихотворение (в ее среде это было «не принято» и даже «нелепо», но он *пытался*...).

«Ja vas iubil» ... Он знал его до конца. (Я вас любил. Любовь еще, быть может, // В моей душе угасла не совсем, // Но пусть она вас больше не тревожит! // Я не хочу печалить вас ничем» ... (М. Диб латиницей запечатлел это бессмертное стихотворение (1828 г.) А. С. Пушкина, посвященное одной из его оказавшихся неверной возлюбленной...)

Герой новеллы не «опечалит» ничем свою случайную пассию, но однажды, увидев ее на сеансе в Доме моды, как-то внезапно «прозрел», хотя повсюду, как говорит он, «царил угар» и в ушах гремел гул «восторга толпы почитателей нелепых походов» и безудержно вульгарных телодвижений «моделей», которых после сеанса «расхватывали», «беря напрокат», какие-то на вид «деловые» люди...

«Вольная» Лаэцца, в имени которой слышалось герою когда-то «дыхание ветра *свободы ото всего*», теперь показалась только простой «перелетной птицей», у которой давно уже «устали крылья», но она все еще пыталась «казаться молодой» и «энергичной» ... Но герой уже прошептал ей последние строки своего любимого стихотворения: «Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам Бог любимой быть другим» ... Она — на какое-то время — осталась одна. Он покинул ее.

Зачем понадобилась эта «Лаэцца» писателю, создавшему эпопею «Алжир» («Большой дом», «Ремесло ткача», «Африканское лето»), роман-притчу о выборе алжирцем только свободы «открывшегося горизонта» во время войны за независимость («Бег по дикому берегу»), романы-напоминания о *невозможности забвения идеалов борьбы за независимость страны* и памяти героев ее освобождения — партизан, сражавшихся в горах («Кто помнит о море», «Пляска смерти»), романы-аллегории о судьбах тех, кто покинул отчизну, но не может забыть ее «золотых берегов» или мечтает «соединить мраморную холодность снегов Чужбины с горячими песками родной Пустыни» («Террасы Орсоля», «Инфанта мавра») и многие другие, свидетельствующие о безмерности возможностей его таланта и художника, и историка, и социопсихолога, и «просто писателя», не раз обращавшегося и к драматургии, и к поэзии, и к «детской литературе». Возможно, эта новелла, «Лаэцца», — всего лишь какое-то мелькнувшее воспоминание о чем-то увиденном или услышанном, хотя и вряд ли пережитом: сам писатель отличался преданностью своей мудрой, скромной и очень сдержанной Колеет всю свою долгую жизнь с ней — с 1952 г. до самой смерти

в 2003 г. Но «образ мира в слове явленном» так или иначе был запечатлен писателем именно в его последнем творении, и не только в произведении, названном изящно и легко, как «дуновение ветра» — «Лазца», но и в мрачноватой новелле «El Condor⁶ pasa» (именно так, по-испански — дыхание смерти...).

Собственно, эти две новеллы сам он, как оказалось, не хотел публиковать вместе, однако написал «Кондора», видимо, уже зная о своем смертельном приговоре, о беспощадной болезни, от которой долго страдал... И сгусток образа окружавшей реальности, показавшейся и в «Лазце» «горькой и постыдной в предлагаемых ею соблазнах», несколько иначе в образе ее героя — воплощения другого зла, разъедающего общество: вечного недовольства его вполне устойчивого «среднего класса», вечного разжигания им огня, вечных попыток «смутить» души людей и вечного незнания ни реальных целей, ни перспектив... Мархун — имя героя новеллы, вполне восточное, как и его «окружение», спутники его вполне уже «западной» жизни, укрепившиеся и даже родившиеся там, где когда-то (или на кого-то) батрачили их предки... «Новые североафриканцы», «французские арабы» и вполне себе пробравшиеся в труднодоступный «социальный лифт» западного социума, в данном примере, в новелле даже живущие хотя и на «ориентальный» (в быту) манер (и даже соблюдая свою религию), но на вполне себе дорогом уже для самих европейцев «приморье» — где-то почти напротив «родных» берегов западной оконечности Северной Африки...

Мархун — типичный «клерк» нотариальной конторы. Его «сотоварищи» — врачи, дельцы, журналисты... Среда, как говорится, вполне показательная для современной Франции, где охотно используют «трудовые» возможности тех, кто сумел (или умудрился) получить образование: настойчивость и терпение — дело важное в условиях весьма и социально, и этно-конфессионально дифференцированного западного общества. Впрочем, научившего не только ремеслу, но и давшего свое «воспитание» тем, кто хотел в нем не просто «жить», но и *выжить*. Посмотрите, с какими «хищными» раздумьями просыпается поутру «друг» героя — врач, но с характерной кличкой «Если я не буду злоупотреблять» («Si je n'abuse pas»), вернувшись с очередной затянувшейся «вечеринки», где собрались такие же, как он, частенько «злоупотреблявшие» — по примеру других — люди: «Именно потому, что он ничего не понял, он вернется. Придет ко мне и снова ничего не поймет. Победенный, который думает, что он победит меня! Чудовище, за которое меня принимают все, это на самом деле Мархун! Это он, а не я, ненасытный хищник (rèdime)! Это он, всякий раз возвращаясь в отчий дом, испытывает ненависть к родителям, издевается над младшими сестрами⁷, одна из которых хотела даже повеситься, когда он стал приставать к ней, угрожая ножом, которым следовало бы выколоть глаза ему самому... Это он победенный, а не я, пусть все обвиняют меня в «злоупотреблениях» в отношении к моим пациентам. Они и сами все — такие же... И пусть его испытаниям не будет конца! Пусть обрушится на него мое проклятие! Адской жизни ему желаю — ненасытному хищнику, жаждущему услышать от меня только истории о какой-нибудь падали» (с. 67).

Но Мархун — скорее жаждущий мести «собрат» врача по «всеобщему несчастью». «Кто когда-нибудь здесь смотрел правде в лицо? Знал о нас то, что мы знаем о себе? Кто когда-нибудь напишет всю правду о нас?» (с. 68) — размышлял он о том, кто «из них» и каким образом

⁶ Кондор, в отличие от обыкновенного орла, как известно, питается падалью.

⁷ Издавна поняв, что некоторые североафриканцы, наводнившие Европу, здесь навсегда останутся «чужими», сегодня хотят забыть о своем «этническом» происхождении, подражая европейцам, стесняясь порой «своей природной» конфессии, но дома — в семье — могут по праву мужчины и бить, и мучить своих сестер, якобы уличенных в нарушении традиций.

зарабатывает себе на жизнь, философски полагая, что «все они» продолжают все еще жить в «родной Пустыне», питаясь только ее *миражами*⁸.

А еще Мархун считал, что «еще с детства был предупрежден». О чем точно, сформулировать не может, однако внутренне ощущает привитое ему «искусство терпения» (с. 69). Даже умения внешне вести как бы «благопристойную жизнь» (*la vie sage*), хотя тайно и «исполненную смуты», неутоленного желания «разжечь безумный огонь», — истребить всех, — ибо осознавал, что жить иначе нельзя, — быть «гуманистом в дегуманизированном обществе» (с. 69).

Хотя все вокруг него осознавали, как и он, что «героев сегодня нет. Есть только убийцы». Один из сотоварищей даже сравнивал эти последствия своего существования «со способом безумного уничтожения деревьев собственного сада, когда-то выращенного своими руками» (с. 70). И почти честно все они сознавались даже в том, что хотели бы и своим родителям, когда-то перебравшимся сюда, на Запад, посоветовать «вернуться на родину (*ad patres*)». Уж лучше сделать это, чем быть, как они, — «несчастливыми деревьями, выросшими на этой земле, давно уподобившейся любовнице, решившейся убить неверного ей возлюбленного» (с. 70).

По-видимому, эту новеллу М. Диб задумал неслучайно, ибо еще в 1977 г. вышел его роман на эту тему — «Habel» (о нем подр. см. в моей работе [Прожогина, 2020]), а в конце 90-х и начале 2000-х гг. на родине предков героев повествования «Кондор» уже восторжествовала «воля Дьявола»⁹ (в Алжире шла гражданская война), и потому желание «детей» *отправить своих родителей восвояси (ad patres)* было бы по тем временам особенно жестоким... Но не менее жестокой в этой новелле кажется сама констатация состояния души современного «гражданина Франции», имеющего определенное этно-конфессиональное происхождение: «А нашим братьям и сестрам **здесь** остается только жрать *хлеб ненависти*» (с. 70)... К сожалению, это актуально и по сей день. Ибо нередко именно во Франции вспышки актов терроризма, совершаемых североафриканцами.

«Растворившиеся» в социуме, однако внешне все-таки «приметные» 28–30-летние жители пытаются «скрыть» свою природную «арабскость чаще» (или — «берберскость»), в целом — североафриканскость «какой-нибудь модной стрижкой или кепкой», да и одеждой даже такой же, «как и у всех» (с. 74), говорящих на том всеобщем абсолютно новом, на мой слух, французском, где «арабизмов» и «американизмов» стало на редкость так много, что «пробраться» в джунгли этого городского сленга (или арго?) бывает затруднительно. Что уж говорить о нелегкости чтения современной литературы, «приспособившейся» к текущей ситуации (когда-то, еще в 60–70 гг., практически запрещенной как практика и СМИ и *belles-lettres*...).

М. Диб не избежал этого «тренда» в своей последней книге, особенно в опубликованных там новеллах. В них не только «образ мира, в слове явленный», но и характер потока людской речи, в слове запечатленный. Разве что чистыми и ясными остаются мысли героя, когда он смотрит на небо: «*Le bleu de ce ciel, là-haut. Il aura raison du tout*» («Голубизна небес надо мной. Только этой чистоте судить все, что происходит здесь» (с. 75). А здесь происходило многое, чем он был недоволен, что превращало и его жизнь в оковы уже ставшей невыносимой *необходимости приспособления* к тому, что было «чужим», хотя и ставшим «обычным», повседневным, как чашка кофе после работы в душной нотариальной конторе, как бесплодные посиделки и разговоры в «кругу друзей», как бы хранивших память о родном Востоке, но вполне себе давно ставших потребителями западных ценностей. И герой все чаще и чаще вспоминал «о небе». И даже

⁸ У М. Диб на эту тему написан роман [Dib, 1992].

⁹ См. его роман [Dib, 1998], где писатель показывает разгул политических исламистов в родной стране как торжество «своры диких собак», отгрызавших головы жителей горного селения, которые, к счастью, не забыли, что такое идеалы Сопротивления.

однажды произнес, с абсолютной безразличностью, не участвуя в «пустой и праздной болтовне» сотоварищей всем показавшуюся странной фразу: «**il condor pasa**». Они спросили его, услышав испанскую речь: «Так он пролетает или улетел?» И Мархун ответил: «*улетел*». Хотя смысл названия старинной (ставшей модной когда-то¹⁰) песни хранит «весь объем» ее содержания: «*Полет кондора*». Но в этом полете Мархуну вспоминались все чаще и чаще именно те слова из песни, в которых было упомянуто именно *Небо*, причем не бездонно-лазурное, а хмурое и серое, когда *кондор улетел вдаль*: оно «вздохнуло с грустью, // пролилось слезами, // дождями серыми, // как только кондор улетел...» //

Именно эти слова все чаще одолевали его сознание, «мутили голову», заставляли страдать невыносимыми мигренями... Мархун вроде бы «забыл» *начало* песни:

Проснулся в Андах кондор
В лучах счастливого рассвета
И медленно расправил крылья¹¹.
Слетел к лазоревой реке, воды напиться,
За ним земля покрылась зеленью,
Любовью и покоем.
И вслед за ним все ветви расцвели
И Солнце вспыхнуло в полях пшеницы...

Но не «*утро счастья*» стало постоянно мерещиться герою новеллы М. Дибя, а именно *серые дожди* жизни как крах всех надежд и иллюзий на возможность «урожая», каких-то «плодов» своего существования на земле, где пришлось родиться, но не довелось быть согретым лучами «вспыхнувшего солнца». Хотя ему — в лице многих своих соотечественников — довелось, как и полагается кондору (в отличие от других птиц), «*питаться падалью*», чтобы *чистить эту землю*¹². И она «*плодоносила*» благодаря их трудам... Не все, но многие из них это осознавали. Но зная это, сделать уже, кроме как «*копить энергию гнева и мести*», ничего не могли. А «приток» их не убывает, но растет и растет и по сей день.

Друзья Мархуна, героя новеллы М. Дибя, «помогли» ему избавиться от мрачных мыслей. Врач, изначально бывший с ним в несогласии с критикой его «всех и вся», просто поместил его в свою лечебницу для душевнобольных.

На этом и закончился «полет кондора», улетевшего с гор, откуда открывался ему, как с неба, вид на землю, где текла и «лазоревая река», из которой ему поначалу все-таки довелось испить чистой воды... Вот и надеялся он после этих живительных глотков на *Небо*, которое сумеет рассудить все и всех как следует, *по правде*... Но не случилось.

М. Дибу была свойственна на протяжении всего его творчества «изменчивость» манеры письма, стиля, «побег» от реализма к фантазии, совмещение их в романах-метафорах, периоды ухода только в поэзию или драматургию, использование жанра «малой прозы», новеллистики, — но он при всем диапазоне и своего мастерства, и своих взглядов на мир, его окружавший [от ранней трилогии «Алжир», созданной еще на родине, или только ей предназначенных книг «Кто

¹⁰ Песня написана еще в 1913 г. на древнюю мелодию инков чилийских Анд. В 70-е гг. XX в. была «переведена» на английский (в переводе не сохранился изначальный смысл) и стала весьма модной и у нас, видимо, благодаря словам «лучше быть воробьем, чем улиткой».

¹¹ Известно, что кондор, в отличие от обыкновенного орла, имеет размах крыльев более трех метров.

¹² Небезызвестно, что во Франции именно североафриканцы издавна были «употребляемы» для черной работы» не только в шахтах, но и для чистки улиц и пр. и пр.

помнит о море», «Пляска смерти», «Если захочет дьявол...» до сугубо «чужбинных» произведений, написанных на Западе («Мрамор снегов», «Сон Евы», «Террасы Орсоля», «Инфанта мавра», «Пустыня без возврата»), хотя и абсолютно связанных с размышлениями о судьбах Алжира и алжирцев после Независимости], оставался — и всегда это подчеркивал — *алжирским писателем*. И не только потому, что сам этого хотел, не менял алжирского гражданства, обожал свою родину, желал ей только добра и терпения решить труднейшие проблемы, связанные и с постколониальной действительностью, но и потому, что для всех: и читателей, и издателей, и критиков, и литературоведов — была очевидна во всем «алжирскость» его взгляда. Хотя умение писать позволяло всем считать его и просто «замечательным художником слова», именем мирового уровня. А французы издавна и последовательно награждали его своими самыми престижными для литературы премиями [Prix Fénéon (1953), Prix Jules Davaine (1963), Prix Pauls Flat (1968, 1977), Prix Broquette Gomp (1971), Grand Prix de Francophonie (1994), Prix Malarmé (1998)]. Эта последняя при жизни М. Диб премия была особенно «демонстративной», включающей его имя в круг великих для французской литературы имен]...

Но не поэтому М. Диб, написавший «Лаэццу» и «Кондора», показался мне не столько уже собственно *алжирцем* (особенно после «Si diable veut» (1998), да и после последних сборников его стихов¹³), сколько одним из тех североафриканцев, магрибинцев, давно осевших или просто даже родившихся во Франции (конх — множество), хотя и работающих со своим, весьма дифференцированным, взглядом на реальность окружающего, однако уже *неотъемлемых от «поля» современной культуры Франции*, где зреют «**гроздь гнева**» в среде тех, *кто никогда не простит ей того прошлого, которое было в истоке их сегодняшней судьбы*. [Об этом писали уже после М. Диб и такие известные «французские» писатели-тунисцы, как А. Мемми («Портрет деколонизованного», 2006) и А. Меддеб («Болезнь ислама», 2008¹⁴), и издавна предупреждали и такие писатели-марокканцы во Франции, как Д. Шрайби и Тахар Бенджеллун, начиная еще с 50–60-х гг.]. Но если в «Кондоре» — это почти «*прокламируется*», а в «избавлении» от героя этой новеллы — лишь один из способов *расправы* общества с теми, кто не может не сказать правды о нем, то в «Лаэцце» — наоборот, — лишь поиск спасения героя (да и то слабый — в поэзии) от агрессии мира, где разрушена мораль, где торжествуют порок и разгул безудержных страстей... (Хотя в имени героини и есть отзвуки чего-то «загадочного», сопряженного и с невыразимой красотой, и даже с «полетностью» ...)

Да и французский язык, которым написаны обе новеллы, — не тот классический французский, прекрасно усвоенный когда-то такими, как М. Диб, еще в далекую эпоху, но тот, на котором уже безудержно говорит беспросветно «глобализированный» мир когда-то взлелеянной им же «франкофонии»...

Но почему же именно М. Диб так завершил свой творческий путь, начатый от «Большого дома» Алжира и законченный помещением героя новеллы «Кондор» в психиатрическую клинику Франции, или, наоборот, героя «Лаэццы» — в открытый для души любого нормального человека мир русской поэзии?

Оказалось, книга, названная «Лаэццой» (как и новелла, ее открывающая), имела свою предысторию.

«За два дня до своей смерти, — пишет в послесловии к книге редактор издательства Клэр Деланой, — Диб мне позвонил, сказав, что «только что закончил писать «Лаэццу», но пока не может с ней расстаться»... А еще добавил, смеясь, что я, должно быть, удивлюсь его героине.

¹³ См. подробнее: [Прожогина, 2022].

¹⁴ См. подробнее: [Прожогина, 2016].

«На сей раз — это топ-модель, которая покрыта татуировкой и завораживает мужчин» ... К счастью, писатель меня всегда удивлял и своей фантазией, и своими упорными поисками в реальности окружающего, в сфере художественной выразительности, форме, синтаксисе, в развитиях сюжетных ходов, в постоянном стремлении к обновлению своего творчества. Это было никак не связано с давно зафиксированным образом М. Дибба как «отца алжирской литературы», ее зачинателя, ее классика. В его «Лаэцце» была совсем другая литературная героиня — женщина западная, очаровывающая мужчин, можно сказать даже их гипнотизирующая, в таинственном имени которой — Лаэцце, придуманном самим автором, услышано, видимо, в странном буквосочетании нечто похожее на легкость полета... Но эту «летучесть» сам автор еще и непременно захотел противопоставить «устойчивости» собственного «Автопортрета» — той части книги, где фиксируется именно зрелость мысли, сумевшей и противопоставить, и воедино сложить в труднейших puzzle и творчество, и жизнь «человека с Востока» на Западе...

Но М. Дибб внезапно скончался 2 мая 2003 г., так и не передав рукопись мне. И вот я, с его женой, Колеетт Дибб, сложила найденные готовые тексты «Лаэццы» и «Автопортрета» с обнаруженными в его архиве неизданной новеллой «El condor pasa» и заметками (незаконченными) о встречах с теми людьми, которые сыграли большую роль в формировании его и как человека, и как писателя, в частности, с теми французами, которых он повстречал в родном Тлемсене, где прошло его детство. Это было в другом веке и другом пространстве...

В заключение своего послесловия редактор отметила, что М. Дибб был «огромным (*immense*) писателем, и, конечно, не только алжирским. Хотя, несомненно, именно Алжир был «территорией его творчества», его «заботой», его «мучением». До самой смерти он был «вросшим», укорененным именно в Алжире, пронизанным и пропитанным им, его прошлым, его настоящим, его будущим, осознанием своей необходимости писать о нем, его «представить» читателю. Был и оставался *алжирцем*, идентифицируя себя именно с ним, будто страдал от недостатка уважения «именно к этой идентичности», как-то «униженной» или «преуменьшенной» здесь, а потому заставляющей все чаще напоминать о ней... Хотя родиной его языка оставалось то пространство жизни, где работали великие поэты и писатели Франции, которых Гиевик назвал «искателями собственного «я» (*recherches de soi*), совершающими «свое путешествие» в глубины того, что «формирует человеческую личность» (*ce voyage qui nous fonde*)» (с. 197–198).

Я получила таким образом ответ на мой вопрос, как появился в книге М. Дибба «Лаэцци» «Кондор», обозначивший, на мой взгляд, тот градус мировоззрения алжирского *par excellence* писателя, который совпадал с миропониманием многих магрибинцев, давно живущих на Западе, да и с осознанием самими, к примеру, французами того, что проблемы «интеграции», «мультикультурализма» и прочих сомнительных достижений бывшей метрополии в отношении бывших колонизованных напрямую сопряжены с такими «продуктами» постколониальности, как бунты, терроризм и другие разные степени давно вызревавшего и в недрах Запада, и в обретенных независимостью бывших его «заморских владениях», *времени гнева*.

Он не всегда праведный, этот гнев, часто вспышки его, — бесконечно длящиеся и по сей день не только на окраинах больших городов Франции, — порой случайны, но носители этого состояния души, мыслей, поведения — немалое для населения Запада количество людей, все еще ощущающих свою «второсортность» и даже маргинальность (несмотря на риторику и пафос либерально-демократических деклараций)...

Но Писатель, задумывая публикацию *своей* «Лаэццы», неслучайно не включил «Кондора» в последнюю книгу (да и в новелле этой «избавился» от ее героя, упрятого сотоварищами «подальше от греха» в сумасшедший дом: надо было *жить дальше...*). Но попробовал

противопоставить своей «безумной», «вольной», «привлекательной», но в целом *омерзительной* в своей гламурно-рекламной «топ-модельности» (как концентрате *бездуховности* общества) другого современного героя — интеллигента, врача, мечтавшего о писательстве, любившего великую русскую поэзию. Опора — прекрасная, конечно и безусловно, но в жизни вряд ли могущая спасти его от наглой поступи, от агрессии, от нашествия мира Лаэццы...

Но Писатель М. Диб все-таки будет настойчив в своей попытке противопоставления возможностей (духовных) людей сопротивляться очевидному злу, разъедающему основы *гуманизма*. А их М. Диб постиг и усвоил еще в юности, пройдя не только «школу жизни» в колониальном Алжире, «свои университеты» в многолюдных бедняцких кварталах алжирской глубинки, работая и ткачом в темных, непрветриваемых подвалах, зарабатывая для большой семьи «на кусок хлеба», видя, зная и жизнь в глухой колониальной «глубинке» ее сел и деревень, но и настойчиво, постоянно учась, усваивая все то лучшее, что могли дать алжирцу те энтузиасты-«просветители», те французы, которые и работали учителями в колониальных школах, и создавали их, снабжали книгами, устраивали библиотеки («оазисы знания», как скажет со временем алжирский писатель Ясмينا Хадра), а некоторые становились и «центром культурного притяжения», прививая алжирским детям, подросткам, молодежи умение различать тех, кто в Алжире только эксплуатировал колонизованных, «добывая себе богатство», и тех, кто искренне и честно учил «копить богатство души», «знания», знакомил «автохтонов» с книгами мыслителей и мудрецов, писавших о свободе, о справедливости, о том, во имя чего должны жить на земле люди... Писатель расскажет об этом в своих помещенных издателем в «Лаэццу» незаконченных заметках «Встречи» (с. 167–193), где речь идет о тех французских «прогрессистах», которые, вопреки колониальной политике властей, помогали алжирцам окрепнуть в их национальном самосознании...

И не только. В этом процессе важно и постижение смысла *самоопределения* собственной позиции на пути и сложном, и опасном, чреватом многими тревогами и сомнениями, хотя и освещенном светом того маяка, который и звал в Будущее, и напоминал о Прошлом, и заставлял четко видеть горизонты Настоящего. В «Автопортрете», включенном **самим** М. Дибом в свою книгу, это все и показано. Частично я упомянула о нем в своей недавней книге [Прожогина, 2022, с. 228]. Здесь только еще раз напомним главный «прогноз» М. Диба, сформулированный еще в начале 2000-х, да и скажу о некоторых, особо важных «штрихах» к «Автопортрету», запечатленному в «Лаэцце». Да он, этот автопортрет, и состоит весь из маленьких (по размеру) строк — мазков — главков, рассказ в которых *о себе* означал для Диба возможность высказаться *о современности*. Что делает этот автопортрет картиной сознания вполне уже зрелого, повидавшего многое на своем веку человека со сложившейся своей точкой зрения на мир, его окружающий. И что важно для этой картины и ново в творчестве М. Диба, то это в «изначале» ее — запечатленный авторский взгляд на Америку, США, размышление о причинах (ставших особенно прогностичными сегодня) ее «*попыток цезаризма*» (с. 97), ее «*имперских планов*», нарушающих изначальные принципы собственного, «демократического» устройства, которым не свойственно было ранее «вмешательство в жизнь других стран» (с. 97). М. Диб полагает даже, что сегодня США, позднее, чем другие страны Запада, вступившие во Вторую мировую войну, — доказательство особого рода сегодняшнего американского «цезаризма» (с. 97). Однако, размышляет писатель, еще время конфликта в Корее, ее решительного раздела на Северную и Южную, для США обозначили и их «полупоражение». А конфликт в Индокитае был уже окончательным фиаско и даже «унижением» США. И с тех пор их «империалистические планы» только накапливались (с. 98). Но уж после 11 сентября 2001 г. просто прорвались наружу. Государство, становясь все более милитаристско-индустриальным, обрело «фашиствующий профиль» (с. 98).

А фашизм — это абсолютное Зло, — убежден М. Диб. Тем более в своем «новом облике» (*relooké*) общества, пораженного «политикой потребления, чрезмерной и галопирующей информатизацией» (с. 99). А остальные народы и страны просто должны осознать «этот неслыханный феномен: этот фашизм будет только осуществлять свои «крестовые походы» на человечество под флагом насаждения «идеальной демократии языка» (с. 99).

Без комментариев, как говорится. А далее, в главке 2, состоящей всего из 10 строк, М. Диб «добавляет» к своему «Автопортрету»: Правда «сама по себе» не существует, в смысле ее «платонической», идеальной формы. Люди, существа человеческие, если они считают себя *гуманными*, должны создавать свойственную гуманизму правду, надеясь на то, что какие-то принципы ее станут «опорами» для человечества (*repères*), ибо, оперевшись только на принципы *гуманизма*, можно возродить человеческое доверие, обратить его к пути всеобщего взаимопонимания, не забывая и о том, что ложь существует на земле только для того, чтобы сокрыть *правду* (с. 99).

Что можно сказать сегодня? Писатель прав, как всегда. И что, конечно, его надежды, как и всегда, пока не сбываются. Но они — и с нами, и умирают, как положено, последними...

В «Автопортрете» есть и такие строки: «Я вырос как писатель в колыбели языка французского; и надо сказать, что ложе мое не было усеяно только лепестками роз, — все больше шипами... Но я — алжирец. И ни о чем другом и не помышлял» (с. 100). Далее следуют многочисленные короткие заметки писателя о литературе, о творчестве своем и других писателей, о характере языка художественного и информационного выражения в разных странах Запада, о бесконечности внедрения во все языки аббревиатур, «засоряющих» речь и письмо, об абсурдности современного обращения к языкам «мертвым» (как, к примеру, на финском радио, — к *латыни*, якобы связующей *всю Европу*) для функционирования в качестве «расширения коммуникативного поля»...

Есть в «Автопортрете» и небольшая заметка о Л. Н. Толстом, которому М. Диб ставит в упрек то, что тот нечаянно помог русской секте «духоборов» эмигрировать (воспользовавшись его авторским правом на «Крейцерову сонату») в Северную Америку, на землю, где были уничтожены ее изначальные хозяева, индейцы... (с. 102). Эта проблема — «экстерриториальности» народов — была слишком близка М. Дибу как человеку из «экс-колонизованных», чья земля принадлежала 130 лет французам, считавшим Алжир просто своим «заморским департаментом». И хотя побежденный при колониальном захвате народ не был «уничтожен», однако его долготерпение зависимости и даже попыток «ассимиляции» обернулось кровавой многолетней войной, где погибли и миллион алжирцев, и немало других народов... Горечь исхода этой войны, да и дальнейшие ее последствия заставляли многих писателей Алжира размышлять о трагизме «войны людей» в целом, обрекающей человечество только на разделенность, вражду и ненависть к «чужому»¹⁵.

М. Диб упрекает и своих ставших независимыми соотечественников, но «позабывших» многих из тех, кто активно помогал Алжиру добиться свободы от колониальной зависимости. Писатель имел в виду не только резкий «разворот» Алжира и в 70-е, и в 90-е гг., когда уже случилась в стране гражданская война и радикальные исламисты вырезали почти всех оставшихся в живых алжирских «интеллектуалов», среди которых были не только «идеологи», но и активные участники Сопротивления колониализму, но и забвение на многие годы Алжиром о том, что о его Свободе *заботились* и многие другие, и в частности, именно Советский Союз, оказавший ему немалую помощь и поддержку (с. 109).

¹⁵ См., к примеру, произведения Мулуда Мамери, Рашида Мимун, Рашида Буджедры, Ясины Хадры и Асси Джебар, неоднократно упомянутых в моих работах 2002–2022 гг.

Вспомнить об этом алжирцу М. Диббу и потом поведать об этом своим соотечественникам было, конечно, благородно. Алжир со временем (лично я услышала это 1 ноября 2022 г. в Алжирском посольстве) и сам поблагодарил «большую страну» за вклад в дело освобождения его от колониализма, — но тогда, в 2003 г., это было практически невозможно и даже недопустимо. Но М. Диб помнил. Как и знал точно, что такое угроза нарождавшегося на Западе неонацизма. И различал: «Нацисты совершали преступления не потому, что они были немцами, людьми какими-то особенными. Но потому, что они считали всех других людей *не людьми*, или же полагали их себе неравными» (с. 109).

И размышляя над уроками Истории, М. Диб приходит к нерадостному выводу: «Известно, что в Раю только одна дверь. И кто-то хранит ключи от нее у себя. Но кажется, что в Ад ведут многие входы, и ключей от них просто нет ни у кого. Эти двери открыты всегда для всех желающих» (с. 117). Их, судя по заметкам М. Дибба, сегодня немало. Совершающих зло, замалчивающих правду, не «замечающих», как «расползаются» по земле, подобно муравьям, и нацизм, и империализм, и попытки (и даже усилия) задержать, опираясь на религию (Диб имел в виду ислам), развитие общественных отношений, вернуть их «к истокам», что приводит, к примеру, некоторые мусульманские страны к нарушению прав женщин. Хотя они давно уже доказали, — пишет М. Диб, — свою способность ни в чем не уступать мужчинам, — ни в талантах, ни в умениях, — оставаясь при этом на самом «главном своем пьедестале» — быть и супругой, и матерью. Навязывать сознанию женщин «мужское преобладание», тем более путем «вбивания» религиозных догматов и «запретов», тем более в наши дни, — бессмысленно и бесперспективно, — полагает М. Диб (с. 140–142).

А еще писатель, добавляя лишний штрих к своему «Автопортрету», заботится о молодом поколении, о тех, кто хочет оставить «родную землю» ради того, чтобы «вспахать другую»: «не надо никуда уходить далеко, надо научиться искать в себе самом зерна для будущего своего урожая» (с. 148).

Возможно, эти размышления и помогли писателю завершить свой «Автопортрет» возвращением — в воспоминании — в родной дом, в Тлемсен, где он ходил в начальную школу и где в конце каждого учебного года учителя водили воскресным утром и мальчиков, и девочек, заранее подготовив на уроках пения, на городскую площадь, где они хором пели знаменитую «Оду к радости», но *на свой манер*:

«Слава тебе,
Слава тебе,
Дорогая светская школа!»
(Gloire à toi, // Gloire à toi! // Chère école laïque!¹⁶)

Писатель, как это и принято при переводе слова «laïque», имел в виду не антирелигиозный, но просто *светский*, т. е. *просветительский* характер обучения, которое, видимо, и заложило основы и опоры его духовного *самостояния* до конца дней. Так что книга «Лаэцца», ставшая последней в его творчестве, только засвидетельствовала это.

¹⁶ Надо заметить, что и у Бетховена, в его особенной 9-й симфонии, хор поет эту Оду тоже с несколько измененными словами оригинала Шиллера. У поэта радость людская наступает в единении всех с Богом, у композитора эта радость — в «совместном биении сердец миллионов», понимающих друг друга. — С. П.

Литература /References

- Dib M. *Le Désert sans detour*. Paris, 1992.
- Dib M. *Si Diable Vent*. Paris, 1998.
- Dib M. *Laëzzà*. Paris, 2006.
- Khadra Y. *Ce que le mirage doit à l'oasis*. Paris, 2018.
- Прожогина С. В. *Тунисская элегия*. М., 2016.
- Прожогина С. В. *Смятение*. М., 2017.
- Прожогина С. В. *Обречение Авеля*. М., 2020 [Projogina S. V. *Abel Condemned*. Moscow, 2020 (in Russian)].
- Прожогина С. В. «...*Души прекрасные порывы...*» (франкоязычная поэзия магрибинцев колониальной и пост-колониальной эпохи). М., 2022.
- Прожогина С. В. Литература как диагноз и как прогноз. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 4. С. 66–72 [Projogina S. V. Literature as a Diagnosis and as a Prognosis. *Asia and Africa Today*. 2022. No. 4. Pp. 66–72 (in Russian)].

ВЫДАЮЩИЙСЯ ФИЛОЛОГ ИНДИИ Ш. Р. ФАРУКИ

© 2023

А. А. Васильева¹

Одним из основных условий равноправного сотрудничества российских исследователей в масштабах мирового научного сообщества является осведомленность о зарубежных ученых и их деятельности по соответствующим дисциплинам. Особенно это касается коллег из стран изучаемого региона. Эта статья посвящена одному из крупнейших индийских филологов нашего времени, сравнительно недавно ушедшему из жизни, Ш. Р. Фаруки. В урдуязычном мире он известен как ученый-энциклопедист, внесший огромный вклад в изучение языка и литературы урду и культуры, связанной с этим языком, а также как талантливый поэт и прозаик. Он в определенной степени изменил направление развития критической мысли в литературе урду. Его научные труды, стихи, рассказы и романы отмечены престижными премиями и переведены на иностранные языки. Ш. Р. Фаруки был уникальным среди индийских и пакистанских исследователей поклонником российской филологии, кому были известны практически все работы наших ученых, доступные в переводах на английский язык и на язык урду. Имена российских исследователей и цитаты из их работ можно видеть на страницах его публикаций. В качестве примера предлагается перевод отрывка из широко известной монографии Ш. Р. Фаруки, в которой он делится мнением о книге сотрудницы нашего института Н. И. Пригариной о великом поэте урду Мирзе Галибе, переведенной на урду.

Ключевые слова: Ш. Р. Фаруки, зарубежные коллеги, контакты, язык, литература и культура урду, прогрессивистское направление и модернизм в литературе урду, традиции, переводы, Мирза Галиб, проф. Н. И. Пригарина

Для цитирования: Васильева А. А. Выдающийся филолог Индии Ш. Р. Фаруки. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 2. С. 95-105. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-095-105

THE OUTSTANDING PHILOLOGIST OF INDIA, S. R. FARUQI

Ludmila A. Vasilyeva

One of the primary conditions of our equal participation in the world scholarly community, first of all in the countries of the regions under study, is the awareness of our foreign colleagues and their works and academic activities. The article tells about one of the most reputed Indian philologists of our time, the recently deceased S. R. Farooqi. In the Urdu-speaking world he is known as an encyclopedist who made a huge contribution to the study of the Urdu language, literature and the culture associated with this language, and changed to a certain extent the direction of the development of literary criticism in Urdu. S. R. Farooqi was also a talented poet and prose writer. His works as well as poems, stories and novels have received prestigious awards and have been translated into foreign languages.

¹ Васильева Людмила Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ludvas@yahoo.com
Ludmila A. Vasilyeva, PhD (Literature), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow; ludvas@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-2466-3832

S. R. Farooqi was an unique admirer of Russian philology among Indian and Pakistani scholars; he knew practically all the works of our famous academics that are available in English and Urdu translations. The names of Russian authors and quotations from their works can be seen on the pages of his publications. There is a translation of a passage from a well-known monograph by S. R. Faruqi at the end of the article, in which the Indian scholar shares his opinion on the book by our colleague, Prof. N. I. Prigarina about the great Urdu poet Mirza Ghalib translated into Urdu.

Keywords: S. R Faruqi, foreign colleagues, contacts, Urdu Language, Literature and Culture, traditions, Progressive Movement and modernism in Urdu Literature, translations, Mirza Ghalib, Prof. N. Prigarina.

For citation: Ludmila A. Vasilyeva. The outstanding philologist of India S. R. Faruqi. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 2. Pp. 95–105. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-095-105

Предлагаемая статья созвучна словам нового главного редактора журнала «Вестник Института востоковедения РАН» Е. Ю. Ваниной, с которыми она обратилась к коллегам и читателям журнала: «Никто не отлучит нас от мирового востоковедения, если мы сами не замкнемся в себе, если сохраним контакты с зарубежными коллегами» [Ванина, 2022, с. 9]. Понятие «контакты» весьма широкое, и одной из составляющих его является осведомленность о состоянии соответствующей области науки изучаемого региона и об ее наиболее известных представителях. Эта статья посвящена памяти одного из крупнейших ученых-филологов современной Индии — Ш. Р. Фаруки.

Имя сравнительно недавно ушедшего из жизни Шамсур Рахмана Фаруки (1935–2020)² известно у нас лишь крайне ограниченному числу индологов — специалистов по языку и литературе урду. Но его хорошо знают в странах Южной Азии и во всех регионах урдуязычной диаспоры как выдающегося литературного критика, лексиколога, историографа языка и литературы урду, крупнейшего знатока и исследователя просодии и грамматики языка урду. Вместе с тем он был столь же известным поэтом, прозаиком, переводчиком, редактором, издателем и страстным библиофилом в одном лице.

Ш. Р. Фаруки писал на урду и на английском языках. Среди огромного числа его работ немалое место занимают переводы — Фаруки переводил с урду на английский (и наоборот) как собственные произведения, так и произведения классиков и менее известных поэтов и писателей урду. Эти переводы расцениваются как большой вклад в процесс внедрения творчества индийских авторов в историю мировой литературы и в современный литературный процесс.

Стихи Ш. Р. Фаруки пользовались неизменным успехом у поклонников новых стихотворных форм, сборникам его рассказов и романам присуждались высокие литературные награды, включая четвертую из высших гражданских наград Индии — орден «Падма Шри» (2009). Трудно отдать приоритет какой-либо из перечисленных областей многогранной и плодотворной деятельности Ш. Р. Фаруки, в которой бы он преуспел больше, чем в других, но все его устремления определяло одно — безмерная любовь к родному языку урду и литературе на нем.

Коллеги называли Ш. Р. Фаруки «яркой звездой» (*roshan sitāra*) и считали звеном, соединяющим старое и новое, культуру и историю. Его труд «Литературная культура и история раннего урду»³ не просто пролил свет на возникновение и эволюцию языка урду, но и коренным

² Ш. Р. Фаруки скончался 25 декабря 2020 г. от осложнений, вызванных covid-19.

³ «*Urdū kā ibtidāī zamāna*» — монография написана на урду и издана самим Фаруки в Дели в 1999 г., но за рубежом Индии известностью пользуется ее версия на английском языке: S. R. Faruqi. *Early Urdu Culture and History*. New Delhi: Oxford University Press, 2001.

образом изменил представления современных индийцев о природе урду. Поэтому его вклад в лингвистическую историографию языка урду признается в Индии исключительным.

Ш. Р. Фаруки был носителем поистине энциклопедических знаний во многих гуманитарных областях, которым он нашел практическое применение в своих научных работах и художественных произведениях. Объем проделанной им работы трудно измерить. Кроме Ш. Р. Фаруки вряд ли найдется на Индо-Пакистанском субконтиненте другой современный интеллигент, кто мог бы говорить с такими глубокими знаниями предмета о любых проблемах литературы и языка урду, а прежде всего — о многовековых социокультурных традициях, связанных с ним, — говорить столь увлеченно и вместе с тем со щемящей болью за них, видя упадок культурного феномена, который известен как «культура урду» (*udri tabẓīb*).

Об этой «культуре урду» повествуют романы и большинство повестей и рассказов Фаруки. Художественное время и пространство в прозе Фаруки помещены в культурное и литературное прошлое индо-мусульманского общества XVIII–XIX вв. Это прошлое он никогда не считал «мертвым» и писал о нем так, что современные читатели воспринимали его как лишь недавно минувшее время, и картины былых времен восхищали всех своими яркими, ничуть не потускневшими красками. «Я не пишу историческую фантастику. Я пишу о поэзии, любви, смерти, о том, что значило быть поэтом, любовником или просто индийцем в то время. Это был очень богатый и значительный период нашей истории, и я стараюсь, чтобы он не стерся из нашей памяти», — не раз повторял он в своих интервью.

С ранних лет жизнь ученого оказалась тесно связанной с миром книг. Ш. Р. Фаруки принадлежал к почтенному мусульманскому роду. Вся атмосфера в его отцовской семье казалась пронизанной религиозным благочестием. Его дед и отец были людьми образованными, активными по жизни, строгими приверженцами дисциплины, что передалось и Шамсур Рахману. Оба всю жизнь проработали в системе образования: дед долгое время преподавал в педагогическом колледже в Горакхпуре, древнем городе штата Уттар Прадеш, а отец вышел на пенсию в должности инспектора мусульманских школ округа. Мать Фаруки происходила из богатой семьи с древними персидскими и арабскими корнями, издавна поселившейся в Бенаресе. Дед и отец по материнской линии прекрасно знали персидский и арабский языки и были известны в Бенаресе своей ученостью. Таким образом, любовь к языкам, поэзии и к литературе Шамсур Рахман унаследовал с обеих сторон — отца и матери.

Начальное и среднее образование Шамсур Рахман получил в Горакхпуре. Здесь он страстился к чтению, здесь же написал первые стихи, которые читал на школьных мушаирах⁴ — это были традиционные газели, но уже отмеченные индивидуальностью юного поэта. Отец Шамсура Рахмана Маульви Халилур Рахман вспоминал в своих мемуарах, что сын так любил читать, что до позднего вечера просиживал в переплетной мастерской, находившейся по соседству с их домом, чтобы читать книги, поступавшие в мастерскую для переплета. Даже в школу он часто ходил с книгой в руке, глядя в нее на ходу. По-видимому, «запойное чтение» с детства, требовавшее немало напряжения глаз ребенка, привело к тому, что уже с четырнадцати лет он вынужден был носить очки, а впоследствии имел серьезные проблемы со зрением.

В Горакхпуре же в 1951 г. Шамсур Рахман получил степень бакалавра, а в 1955 г. в Аллахабадском университете — степень магистра. Под руководством Хариванша Рая Баччана (1907–2003) — одного из крупнейших поэтов хинди XX в., преподававшего в то время в Аллахабадском университете, Фаруки начал трудиться над кандидатской диссертацией по английскому символизму, но оставил работу незаконченной из-за разногласий с руководителем — уже тогда

⁴ Мушаира — традиционное публичное чтение стихов, своеобразное поэтическое состязание выступающих поэтов.

проявились его горячий темперамент и бескомпромиссность в вопросах, связанных с его научным видением и литературным вкусом. Несколько лет Фаруки преподавал литературу (английскую и урду) в разных колледжах Уттар Прадеша, а затем решил поступить на государственную службу. Он блестяще выдержал экзамены в системе Гражданских служб Индии и избрал для своей деятельности область почтового ведомства. Впоследствии в одном из интервью он объяснял свой выбор тем, что эта работа по сравнению с другими была более легкой и оставляла больше свободного времени для того, чтобы писать. В 1958 г. Шамсур Рахман Фаруки получил свою первую должность начальника почтового отделения в Гаухати, самом большом городе на северо-востоке Индии, в штате Ассам. Он быстро продвигался по службе, сделал довольно успешную карьеру, которая завершилась в 1994 г. с его выходом на пенсию в престижной должности члена Совета почтовых служб Дели. После этого он, поселившись в Аллахабаде, полностью погрузился в мир литературы, посвятив ей всю оставшуюся жизнь.

Поддержкой и опорой в жизни Ш. Р. Фаруки считал свою супругу Джамилу, которая тоже была весьма незаурядной личностью. Она имела степень магистра английской литературы, на свои средства основала школу для девочек, ориентированную на экономически отсталые слои населения, и до последнего дня своей жизни оставалась ее бессменным спонсором и директором. Воспитание двух дочерей, ставших впоследствии профессорами литературы урду, также легло в основном на ее плечи, поскольку Джамила всеми силами старалась обеспечить максимально благоприятную обстановку для работы мужа. Фаруки всегда подчеркивал, что без Джамилы он никогда не смог бы стать тем, кем он стал в литературе и в науке. Джамила скончалась в 2007 г., но память о ней жила в каждом уголке их аллахабадского дома до последнего дня Ш. Р. Фаруки.

В Аллахабаде просторный особняк Фаруки пользовался широкой известностью, и его двери были гостеприимно открыты как для близких друзей и литературной элиты, так и для просто знакомых, включая студентов и преподавателей Аллахабадского университета, учителей средних школ и любителей поэзии, жаждущих пообщаться с ученым.

Примечательностью не только дома Фаруки, но и города считается уникальная библиотека ученого, которую он начал собирать в ранней молодости. Она является, вероятно, одним из самых впечатляющих книгохранилищ в Аллахабаде: в ней собрано более 10 000 книг, большинство — на урду и английском, но в числе их есть и издания на персидском и арабском языках, на которых Ш. Р. Фаруки свободно читал. Особую гордость его библиотеки составляли сорок шесть томов дастана об Амуре Хамзе⁵, а также все выпуски *New York Review of Books* (NYRB)⁶, начиная с первого, вышедшего в феврале 1963 г.

В кабинете Фаруки, большая часть которого занята книжными стеллажами от пола до потолка, обычно находился кто-либо из знакомых, зашедших повидаться с хозяином. Они, рассматривая и перелистывая книги, ожидали, когда у их ученого друга наступит время «передышки» и он выйдет к ним поговорить за чашкой чая. Но нередко кабинет посещали малознакомые или вовсе посторонние люди, потому что библиотека ученого оставалась открытой для посетителей — если он сам в это время не работал за своим письменным столом, стоящим в кабинете. Ученый часто менял место работы, «переселяясь» со своим ноутбуком из кабинета

⁵ «Сказание об Амуре Хамзе» (*Dāstān-e Amīr Ḥamza*) повествует о легендарных подвигах дяди Пророка, отважного Амира Хамзы и о его фантастических приключениях, когда Хамза и его сподвижники сражаются с врагами ислама. История Хамзы распространилась во всем исламском мире, самая длинная версия дастана существует на языке урду и содержит 46 томов примерно на 45 000 страниц.

⁶ NYRB — периодический журнал, выходящий в Нью-Йорке обычно 20 раз в год и неоднократно названный «ведущим литературно-интеллектуальным журналом на английском языке».

то на диван в гостиную, то на широкую кровать в просторную спальню (он любил работать полусидя, опершись на подушки), то в тенистый двор, устроившись в большом удобном кресле рядом с огромным вольером, в котором жили около ста попугаев разных пород. Здесь же они откладывали яйца и выводили птенцов. Фаруки обожал своих пернатых питомцев. За ними ухаживала женщина-орнитолог, и в ее служебные обязанности входил не только уход за птицами, но и наблюдение за ними. В этом же флигеле рядом с вольером попугаев жили в «своей» комнате (вместо конуры) две собаки — также любимцы Фаруки. Пока он сам работал в гостиную или на открытом воздухе, его секретарь, всегда находившийся в кабинете, оказывал помощь в поиске нужного издания учителю, студенту или просто книголюбу — каждому, кто заходил в гостеприимный дом и получал разрешения хозяина воспользоваться его библиотекой.

Литературной деятельностью Шамсур Рахман начал серьезно заниматься сразу после окончания университета. Его увлечению не помешали ни преподавательская работа, ни служба в почтовом ведомстве. Свой творческий путь он начал как автор коротких рассказов и как поэт. Но появившийся интерес к литературной критике на некоторое время уменьшил его влечение к поэзии и художественной прозе. Ш. Р. Фаруки стал изучать западные литературные тенденции и попробовал рассматривать литературу урду в новом, западном ключе. Однако он очень скоро убедился, что исследование классической восточной литературы и, в частности, поэзии на родном языке невозможно без обращения к традиционной поэтике, основанной на арабо-персидской науке о поэзии и приспособленной к нормам языка урду. В конце концов им был выработан новый метод исследования родной литературы, сочетающий современные литературные нормы западных теорий и традиционную классическую поэтику.

Ш. Р. Фаруки называют «хранителем классики», «мостом» между богатым внутренним миром его соотечественников и огромной аудиторией англоязычного мира. И еще — «Т. С. Элиотом литературы на урду» (так именовал его известный критик Калимуддин Ахмад), поскольку именно Ш. Р. Фаруки внес в литературу и в литературную критику урду дух модернизма. Правда, сам Ш. Р. Фаруки не признавал этот «ярлык», как отзывался он о словах К. Ахмада. В 1966 г. в Аллахабаде он основал и редактировал журнал «Шабхун» (*Shabkhoon*), вскоре ставший одним из наиболее влиятельных литературных журналов Индии. Журнал издавался до 2006 г. В этом журнале Ш. Р. Фаруки представил свои идеи относительно современной теории литературы. По всеобщему мнению, «Шабхун» существенно изменил представления о природе литературной критики и в определенной мере направил критику на урду в новое русло. Этот журнал практически произвел на свет целую плеяду поэтов и прозаиков, пытавшихся нащупать новые пути развития литературы.

Журнал «Шабхун» стал выходить в то время, когда заметно ослабло Движение прогрессивных писателей во главе с Ассоциацией прогрессивных писателей Индии (АППИ), долгие годы лидировавшее в литературной жизни Индии⁷. Стали очевидными перегибы руководства АППИ, в том числе «суровое осуждение» и последовавшее исключение из рядов прогрессивистов талантливых писателей, попытавшихся отойти от директив АППИ. Особенно усилилось противостояние прогрессивистов и писателей, входивших в круг литераторов формалистического направления, в число которых входил и Ш. Р. Фаруки, хотя некоторые принципы и устремления прогрессивистов были ему совсем не чужды. Например, прогрессивисты считали своей задачей «дать жизнь критике, которая смогла бы разбить реакционные и консервативные

⁷ Подробнее о Движении прогрессивных писателей см.: [Jafri, 1901; Глебов Н., Сухочев А. Литература урду. М.: Главная редакция восточной литературы, 1967, с. 155–156; Елизарова Р., Сухочев А. Прогрессивные писатели Пакистана. Ташкент: ФАН, 1978, с. 7–10].

взгляды на проблемы семьи, религии, пола, войны и общества. Наша цель — не дать развиваться в литературе таким течениям, которые поддерживают общинную замкнутость, кастовые предрассудки и эксплуатацию человека человеком» [Jafri, 1901, p. 12–13]. Такие же задачи и цели ставили перед собой многие писатели, публиковавшие свои произведения в журнале «Шабхун».

Ш. Р. Фаруки, будучи бунтарем по натуре, не признавал никакие «инструкции» и «доктрины», касающиеся творчества, и поэтому находился в оппозиции к прогрессивистам. Индийские прогрессивисты, многие из которых были коммунистами или «сочувствовавшими», стояли на марксистских позициях (в своем понимании). Притом что писатели прогрессивистского толка внесли огромный вклад в литературу, прежде всего в области тематики, ввели в него нового героя, обогатили поэзию и прозу новыми художественными образами, их методологические рамки ограничивали творческую фантазию художников слова. Они считали, что литература обязана быть одной из действенных сил социальных перемен, отражать социальные проблемы с марксистской точки зрения и руководствоваться «методом соцреализма». Бывали случаи, когда, допуская перегибы, руководство АППИ доходило до исключения из своих рядов писателей, нарушавших уставные положения организации и обращавшихся к тематике, далекой от социальных проблем. Слова Маяковского «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо» могли бы стать девизом их деятельности во всех областях литературы. В основе их творчества лежало убеждение в том, что литература должна служить обществу, обличать и исправлять социальные пороки, беспощадно бороться с ними.

Но Ш. Р. Фаруки и его единомышленники не желали, чтобы штык и перо уравнивались и чтобы перо стало «одним из смертельных оружий, угрожающих человечеству своим острым лезвием» — так они воспринимали устремления прогрессивистов. Оппозиционеры выступали против любого «утилитарного» подхода к искусству, руководствуясь убеждением, что литература и искусство самодостаточны и независимы, а художник волен свободно выбирать темы своих произведений и творческий метод, без каких-либо указаний и предписаний. По сути дела, это было «классическое» противостояние сторонников «искусства для искусства» и демократичного «искусства для жизни». Обсуждение обеих эстетических концепций, их сильных и слабых сторон не входит в задачи этой статьи. Скажем только, что Ш. Р. Фаруки весьма критически относился к прогрессивистам и с помощью своего журнала создал «контрапункт» тому литературному корпусу, который продвигала АППИ. Но при том, что он постоянно полемизировал с писателями, входившими в АППИ, на страницах прессы и в своих статьях, в жизни среди его лучших друзей были и литераторы прогрессивистского направления. Часто они собирались за чашкой чая и уже в домашней обстановке продолжали свои споры о задачах и целях творческой личности.

Ш. Р. Фаруки был обаятельным человеком, воспитанным в правилах мусульманского этикета, однако по натуре — темпераментным, страстным полемистом. Он мог категорично и прямолинейно отзываться о любом поэте и литераторе. От него нередко можно было слышать: «Не мой тип писателя!» Кто-то даже готов был порвать с ним дружеские отношения, когда он открыто выступил против обожаемого многими Фаиза Ахмада Фаиза, обвинив его в «идеологической ангажированности». Но это не мешало ему объективно относиться к художественным достоинствам лирики Фаиза, и многие стихотворения Фаиза он считал «высокой поэзией». Фаруки высоко ценил творчество «Поэта Востока» Мухаммада Икбала, и его не смущала «исламская ангажированность» Икбала, никогда не критиковал он и панегиристов «Поэта Востока».

Определенные противоречия проявлялись порой как в суждениях, так и в поступках Фаруки, и он часто сам признавался в этом. «Я не ангел, и достоинства и недостатки живут

во мне, как и в любом человеке», — часто повторял он, когда видел правоту своего оппонента, и нередко сам подсмеивался над собой.

«Любовью жизни» Ш. Р. Фаруки была поэзия Мира Таки Мира (1724–1810). Неординарная личность великого лирика урду, его взрывной характер, его печали и радости, его стремление внести в газель урду свой собственный вклад — все это очень импонировало натуре Ш. Р. Фаруки. В его научных изысканиях жизнь и творчество великого мастера газели XVIII в. заняли особое место. Большинство своих работ о Мире Таки Мире Фаруки обычно начинал с критики исследователей творчества Мира и с опровержения хрестоматийного образа поэта как личности угрюмой, полной драматизма, а его поэзии — как поэзии, полной печали и страданий. Он доказывал неправильное представление о Мире Таки, объяснял истоки этого заблуждения, приводил множество примеров из газелей Мира, воспевающих любовь и ее радости, творческую энергию жизни. И вместе с тем среди посвященных Миру Таки Миру стихов Фаруки есть и такие строки:

Мы слышали о многих грустных людях,
Но кто же может быть печальнее, чем Мир?
Кто, слово «радость» услышав,
Сказать бы мог: «Должно быть, это чье-то имя!»⁸

Перу ученого принадлежат несколько крупных работ о Мире Таки Мире, включая его четырехтомный труд «Стихи, исторгающие смятение»⁹, за которую ученый получил в 1996 г. одну из наиболее престижных литературных премий Индии — «Сарасвати самман».

Мирза Галиб (1797–1869) — один из столпов поэзии урду, литературный оппонент Мира Таки Мира, также не остался без внимания Фаруки. Перу ученого принадлежит ряд серьезных работ о поэзии Мирзы Галиба, посвященных различным аспектам его газельного творчества. Кроме художественных особенностей газелей Галиба, Ш. Р. Фаруки интересовало восприятие поэзии Мирзы Галиба в Западном мире, чуждом поэтическим традициям Востока. Но прежде всего индийский ученый рассмотрел под новым углом зрения основополагающий труд своего соотечественника — первого биографа Галиба, мусульманского просветителя Алтафа Хусейна Хали (1837–1914) — «Памятник Галибу» (*Yādgār-e Ghālīb*, 1897). Ведя разговор об этом труде, Фаруки особо подчеркнул, что огромная заслуга Хали не столько в том, что он «открыл» величие Галиба для своих соотечественников, сколько в том, что он вывел Галиба за пределы урдуязычного мира: впервые в истории индийской поэзии стихи поэта урду сравнивались с творениями Вордсворта, Шекспира, Гете. Вслед за Хали Абдуррахман Биджнори¹⁰ в своем сочинении «Достоинства поэзии Галиба» (*Mahasin-e kalām-e Ghālīb*) не только сравнивал поэзию Галиба с творчеством западных поэтов, но даже ставил его выше таких корифеев пера, как, например, Генрих Гейне. Ш. Р. Фаруки убедительно доказал, что именно Хали и Биджнори первыми увидели в поэзии Мирзы Галиба «черты нового разума — разума грядущего века», что и позволило сопоставить с западными поэтами и вписать в ряд крупнейших поэтов мира индийского стихотворца — представителя «страны рабов с отсталой, оскверненной культурой и попорванными традициями, благонравный народ которой раздавлен комплексом неполноценности» [Faruqi, 2001, p. 25].

⁸ Цит по: [Rani George. The last Ustad. Oct., 2014. Доступ: openthemagazine.com/lounge/books/the-last-ustad/].

⁹ Shamsur Rahman Faruqi. *She'r-e shorāngēz*. Jild 1–4 («Стихи, исторгающие смятение». Т. 1–4). Delhi, 1990–1994.

¹⁰ Абдур Рахман Биджнори (1885–1918) — поэт, филолог, эссеист, автор одного из самых известных предисловий к *Дивану* Галиба «Достоинства поэзии Галиба» (*Mahasin-e Kalam-e Ghalib*), которое вскоре вышло отдельной книгой и обрело широкую известность как самостоятельное исследование творчества великого поэта «Достоинства поэзии Галиба».

Отношение к родной культуре за рубежами Индии всегда было небезразлично большинству индийских деятелей литературы и культуры. Они проявляли интерес к тому, как воспринимают их литературу и культуру в европейских странах, старались следить за публикациями, касающимися литературы и искусства Индии. Но, как правило, в поле зрения литераторов Южной Азии оказывался англоязычный регион. Что же касается Ш. Р. Фаруки, то он, благодаря своей широчайшей эрудиции, знал и труды российских ученых — практически все труды, переведенные на английский язык (а в новом столетии — и на язык урду). Ш. Р. Фаруки можно назвать не только большим почитателем, но и в определенной степени пропагандистом российской науки. Он остается, пожалуй, единственным среди литературных критиков на Индо-Пакистанском субконтиненте, в чьих теоретических трудах постоянно мелькают имена и цитаты из М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, А. К. Жолковского, Р. О. Якобсона и других российских ученых. Фаруки интересовала русская поэзия XX в., он был знаком по переводам с творчеством А. Ахматовой, А. Блока, Е. Евтушенко, упоминания о которых также встречаются в его работах.

Имена наших индологов давно известны за рубежом, и прежде всего в странах, которые касаются их исследований. Это относится и к специалистам по литературе урду. Пусть численность их невелика, но проделанную ими работу за сравнительно небольшой период (начиная с конца пятидесятих годов прошлого столетия) трудно переоценить. Было приложено немало усилий, чтобы стать вровень с коллегами, изучающими западные литературы. Фактически была создана отечественная школа изучения индийских литератур. Знакомство с нашими специалистами по индийским литературам и широкое признание их успехов в странах Южной Азии относятся к тому времени, когда для советских индологов открылись возможности принимать активное участие в международных конференциях и некоторые наши публикации стали доступны восточным читателям. «Некоторые публикации» — это работы, переведенные на английский язык и на местные языки стран Индо-Пакистанского субконтинента (в данном случае речь идет об урду). Надо признаться, что переведенных работ ничтожно мало по сравнению с корпусом научной литературы на русском языке. Тем не менее эти работы явились предметом внимания и обсуждения индийских и пакистанских ученых. К сожалению, даже до самих авторов статей и монографий не всегда доходили и доходят сведения о реакции на них наших восточных коллег. Основная причина в том, что их мнения часто выражены в публикациях и выступлениях на местных индийских языках, и при отсутствии взаимных личных контактов эти публикации остаются вне поля зрения отечественных востоковедов. В качестве малой толики восполнения такой информации предлагается перевод отрывка из монографии Ш. Р. Фаруки «Четыре очерка о Галибе». Эта монография состоит из четырех частей, и одна из них посвящена обзору научно-критических работ о Мирзе Галибе. Особое внимание в этом обзоре автор уделил монографии Н. И. Пригариной «Мирза Галиб», переведенной на язык урду и выпущенной в Индии¹¹.

ПЕРЕВОД ОТРЫВКА¹²

До издания отдельной книгой работа российской исследовательницы Натальи Пригариной публиковалась в ежемесячном журнале «Сабрас» (Хайдерабад). Там я и прочел ее в отличном переводе на урду Осамы Фаруки. Эта работа очень интересна со многих точек зрения. Прежде всего, это — первая подробная биография Мирзы Галиба на русском языке. Во-вторых, другие биографические исследования на иностранных языках (например, Ральфа Рассела и Хуршидул

¹¹ Перевод выполнен по: [Prigarina, 1997].

¹² Отрывок из монографии: [S. R. Faruqi, 2001, p. 28–37].

Ислама на английском языке) несравнимы с «русской» биографией Галиба по охвату материала и глубине исследования, поскольку Н. Пригарина в своей книге задействовала психологическую, политическую, историческую, а также и культурную канву.

Российский ученый испытывает такую же любовь к Галибу, как и Рассел и Хуршидул Ислам (а возможно, ее вера в Галиба даже превосходит их чувства!), но при этом Н. Пригарина не старалась скрыть какие-то недостатки Галиба или подчеркнуть их, но все события его жизни она излагает просто и открыто, соответственно собственной точке зрения на ту или иную ситуацию.

Очень важно, что Н. Пригарина знакома с персидской поэтикой. И еще то, что она прекрасно понимает и, более того, тонко чувствует, что поэзия — выражение культуры, а не механическое отражение некоего общественного состояния (в чем убеждены некоторые наши критики-прогрессивисты). Н. Пригарина прекрасно осознает, что в нашем традиционном социуме поэт всегда занимал определенное место в обществе, всегда был его полезным членом, и стихотворчество было его делом, его работой. Иными словами, поэзия была «промыслом», ремеслом, профессией, а поэт — мастером, умельцем. Поскольку рабочим материалом поэта были слова, поэтому в его мастерстве и умении всегда были задействованы знание и разум. Если поэт писал хвалебную оду (*касыду*), то он ни в коей мере не лицемерил и не лгал и уж никак не уподоблял поэзию «выгребной яме», как писал о газели наш досточтимый просветитель Алтаф Хусейн Хали¹³. Поэт на своем поприще демонстрировал свое умение, свои «знания предмета». Таким образом он зарабатывал на хлеб и одновременно удостоверял свое право на звание поэта, на свое место под солнцем. Об этом очень хорошо пишет Н. Пригарина в своей книге. Полемизируя с одним из своих советских коллег, утверждавших, что Галиб писал касыды недостойным лицам, потому что либо «пресмыкался» перед ними ради хлеба насущного, либо желал превзойти в этом жанре своих предшественников, либо то и другое вместе, Н. Пригарина аргументированно возражает:

«Нет, это было ни то и ни другое! Это был прежде всего другой взгляд на литературу и функцию ее отдельных жанров, <...>, взгляд, диктовавший совершенно определенное отношение к литературному заработку. <...>. Традиционно приемлемым считалось и добывание денег панегириками как вид литературного мастерства. С таким же основанием можно обвинять в низком приспособленчестве ювелиров, изготавливавших короны владык, и портных, расшивавших золотом мантии, на которые мы теперь ходим смотреть в музеи» [с. 308].

Впервые попытка вразумительно говорить о поэтике газели урду также не кто-то из наших «защитников» или «наследников» газели, а иностранец — итальянец Алессандро Баузани (1921–1988) (его статьи о газели урду нетрудно найти в журналах и сборниках). Точно таким же образом «правду о касыде» впервые поведали нам не носители языка урду, а ученый из России Наталья Пригарина. Именно она первая объяснила, что *касыда* — это не составление букета из живых слов, не демонстрация умственной и духовной несостоятельности панегириста, а вид искусства, особый вид квалифицированной профессиональной деятельности, имеющий свои принципы, свои правила и свой этикет.

<...>

В книге Н. Пригариной о Мирзе Галибе мне особенно понравились те страницы, на которых российская исследовательница проводит подробный поэтологический анализ стихов, рассматривая такие важные понятия и категории традиционной поэтики как *сабк-е хинди* («индийский стиль»), *халлбанди* («увязывание мысли»), *таджриди исти'афа* (абстрактная метафора), *пекар*

¹³ Ш. Р. Фаруки имеет в виду строку из поэмы Хали: «Этот гнилой архив *шефов* и касыд! Он зловоннее, чем выгребная яма!» [Хали, б. г., с. 78].

(образ) и многие другие. Н. Пригарина обосновывает свои мысли ссылками на таких современных исследователей творчества Галиба как Хуршидул Ислам, Ральф Рассел, а также на нашего классика Алтафа Хусейна Хали. С большим интересом я читал рассуждения Н. Пригариной о ранней поэзии Мирзы Галиба как о «продукте исторического развития нескольких литературных эпох», о преемственности поэтических поколений — «отцов и детей», «дядьев и племянников», с яркой цитатой из О. Мандельштама: «И не одно сокровище, быть может, минув внуков, к правнукам уйдет» [с. 70–71].

Н. Пригарина с удивительной прозорливостью вписала в «поэтическое древо» Галиба имена Инши, Сауды и Насиха. Стих Мандельштама и заимствованный из Шкловского образ «дядьев и племянников», которые свидетельствуют о том, что исследовательнице не чужды и принципы русского формализма, изящным образом объединили наши литературы. К сказанному Н. Пригариной мне хотелось бы добавить лишь одно: не только в ранней поэзии Галиба, но и на протяжении всего творчества Галиба прослеживаются влияния, о которых упомянула исследовательница.

В своем обзоре изучения Галиба я намеревался, говоря о зарубежных исследованиях, коротко упомянуть о работе Н. Пригариной и быстро двигаться дальше, перейдя к другим европейским работам на эту тему. Но когда я начал писать эту часть своей книги, то понял, что в монографии Н. Пригариной затронуто столько проблем, рассмотрены такие разнообразные и неожиданные для меня стороны творчества нашего великого поэта, что я на время забыл обо всех других работах. Рассуждения российского ученого словно «пришпорили» мои собственные мысли, и они невольно устремились в дальние дали поэтических просторов...

Наталья Пригарина, рассматривая творчество Галиба, отнюдь не ограничилась традиционными рамками индо-персидской поэтики, которые в наш век оказались тесными. Успех ее культурного и литературного видения заключается, на мой взгляд, также в полном соответствии заинтересованного обдумывания стиха и удивительной внутренней связи исследовательницы с поэзией индийского стиля. Эта связь обусловлена, конечно, глубокими и всесторонними знаниями предмета. И еще — нельзя забывать, что ее работа была впервые опубликована на русском языке в 1986 г., т. е. в то время, когда в Советском Союзе были ограничены связи с зарубежными странами, доступ к источникам и, насколько мне известно, свобода выражения мыслей, не совпадающих полностью с официальными нормами. Это, возможно, касалось и тех литературных теорий, которые могли не вписываться в установки соцреализма. Но об этом я знаю только понаслышке и не могу рассуждать на эту тему.

Возвращаясь непосредственно к Галибу, следует сказать, что его жизнь была в общем-то довольно бесцветной. Кроме событий 1857 г.,¹⁴ других столь же сильных потрясений и столь же масштабных трагедий ему переживать не пришлось. Да, были, конечно, и пенсионная тяжба, и в связи с ней долгое путешествие в Калькутту. Но после этих перипетий русло ручья его жизни уже не знало крутых и извилистых поворотов. И эту относительно неинтересную биографию Галиба Н. Пригарина сумела превратить в захватывающее повествование о поэте, его жизни и творчестве.

Перевод на урду, выполненный Осамой Фаруки, сделал это повествование, к тому же, и легко читаемым. Он и раньше сотрудничал с советскими литературоведами. Так, благодаря его же переводу с русского языка нам стала доступна книга Алексея Сухочева о Махдуме, изданная в Хайдарабаде в 1993 г., которая познакомила соотечественников автора с жизнью и творчеством незаурядного современного поэта урду. Отрадно было очередной раз убедиться, что

¹⁴ Имеется в виду восстание сипаев 1857–1859 гг.

наша литература и культура вызывает интерес российских читателей. Что же касается перевода книги А. Сухочева, то по сравнению с ней перевод монографии о Галибе стал для О. Фаруки несопоставимо сложным делом. И все же, тесно сотрудничая с Натальей Пригариной, переводчик с честью справился с этим, с точки зрения сложности текста, настоящим испытанием. Немаловажным было и то, что автор сама предоставила переводчику все цитаты на урду и персидском, содержащиеся в книге, и последнему не пришлось тратить время на длительные поиски оригиналов. Таким образом, перед нами, помимо всего, еще и пример плодотворного сотрудничества переводчика и автора.

Я с полным правом могу сказать, что исследования творчества Мирзы Галиба обогатились очень ценным российским вкладом.

Литература /References

Ванина Е. Ю. Слово главного редактора. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 2 (20). С. 9 [Vanina E. Yu. Editorial. *Vestnik. Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2022. No. 2 (20). P. 9 (in Russian)].

Глебов Н., Сухочев А. *Литература урду*. М., 1967 [Glebov N., Sukhochov A. *Urdu Literature*. М., 1967 (in Russian)].

Елизарова Р. А., Сухочев А. С. *Прогрессивные писатели Пакистана*. Ташкент, 1978 [Elizarova R. A., Suchochov A. S. *Progressive Writers of Pakistan*. Tashkent, 1978 (in Russian)].

Faruqi, Shamsur Rahman. *Muṭāl'āt-e Ghālib. Ghālib par chār taḥrīrēñ*. Delhi, 2001 [Faruqi Shamsur Rahman. *Studies of Ghalib. Four articles on Ghalib*. Delhi, 2001 (in Urdu)].

Jafri, Ali Sardar. *Taraqīqasand adab*. Aligarh, 1951 [Jafri Ali Sardar. *Progressive Literature*. Aligarh, 1951 (in Urdu)].

Hali, Altaf Husain. *Madd-o-jazr-e islām* [Altaf Husain Hali. *Ebb and flow of Islam*. Delhi. n. d. (in Urdu)].

Prigarina Natalya. *Mirza Ghalib*. Hyderabad, 1997 (in Urdu).

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-106-116

«НЕСТАНДАРТНЫЕ» ЯПОНЦЫ

© 2023

И. П. Лебедева¹

Япония — одна из наиболее благополучных и богатых стран мира. Уровень жизни японцев примерно соответствует стандартам развитых европейских государств, и при этом здесь не наблюдается значительного расслоения населения по доходам. Такие явления, как нищета, безработица, массовые забастовки, остались далеко в прошлом. Японию отличают также точная работа транспорта, высокий уровень санитарии и гигиены, безупречный сервис, низкий уровень преступности и т. д. Иными словами, здесь есть все базовые условия для достойной и комфортной жизни. Однако на фоне общего благополучия выделяются группы населения, чей образ жизни не соответствует стандартам и нормам поведения, в соответствии с которыми выстраивает свою жизнь абсолютное большинство японцев. В силу этих отклонений мы и называем входящих в эти группы людей «нестандартными» японцами. Эти группы можно обнаружить и в молодежной среде, и среди взрослого населения. В статье приведены основные их характеристики, показаны причины, побудившие людей изменить обычный образ жизни на «нестандартный», отражены меры, предпринимаемые государством для поддержки таких граждан. В статье также показано, что людей, которых общество по тем или иным причинам не воспринимает как обычных, «нормальных» граждан, можно обнаружить и за пределами групп «нестандартных» японцев. Автор приходит к выводу, что, характеризуя Японию как благополучную страну, следует в то же время иметь в виду, что в ней проживает немало граждан, которые не вписываются в представления общества о «нормальности». При этом многие из них хорошо осознают свою «особость» и уязвимость своего положения в обществе, где принято «быть как все».

Ключевые слова: Япония, девиантные группы молодежи, «нестандартные» взрослые японцы, отношение общества, политика государств

Для цитирования: Лебедева И. П. «Нестандартные» японцы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 2. С. 106–116. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-106-116

THE «NON-STANDARD» JAPANESE

Irina P. Lebedeva

Japan is one of the most prosperous and richest countries in the world. The standard of living of the Japanese roughly corresponds to the standards of developed European countries, and at the same time there is no significant stratification of the population by income. Such phenomena as poverty, unemployment, mass strikes are far in the past. Japan is also distinguished by the punctual operation of transport, high level of

¹ Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; iplebedeva2019@mail.ru
Irina P. Lebedeva, Doctor of Economics, Chief Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; iplebedeva2019@mail.ru
ORCID: 0000–0003–0273–2689

sanitation and hygiene, very good service, low crime rate, etc. In other words, there are all the basic conditions for a decent and comfortable life. However, against the background of general well-being, there are groups of the population whose lifestyle does not meet the standards and norms of behavior in accordance with which the absolute majority of Japanese people build their lives. Because of these deviations, we call the people in these groups «non-standard» Japanese. These groups can be found both among young people and among the adult population. The article presents the main characteristics of these groups, shows the reasons that prompted these people to change their usual way of life to a «non-standard», describes the measures taken by the state to support such citizens. The article also shows that people whom society for one reason or another does not perceive as ordinary, «normal» citizens can be found outside the groups of «non-standard» Japanese. The author comes to the conclusion that describing Japan as a prosperous country, at the same time it should be borne in mind that there are many citizens who do not fit into society's ideas of «normality». At the same time, many of them are well aware of their «specialness» and the vulnerability of their position in society, where it is customary to «be like everyone else».

Keywords: Japan, deviant groups of youth, «non-standard» Japanese adults, attitude of society, state policy

For citation: Lebedeva I. P. The «Non-Standard» Japanese. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 2. Pp. 106–116. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-106-116

ВВЕДЕНИЕ

Япония — одна из наиболее благополучных стран мира. По размерам ВВП на душу населения, в 2021 г. составившему 39,3 тыс. долл. по текущему курсу и 42,9 тыс. долл. по паритету покупательной способности валют, она находится на уровне высокоразвитых европейских государств². В Японии не наблюдается сколько-нибудь заметного расслоения населения по доходам, о чем свидетельствует относительно невысокий коэффициент Джини (0,32–0,33). Помимо целенаправленной политики государства, стремящегося смягчить социальное неравенство через перераспределение доходов в пользу наименее обеспеченных слоев населения, этому способствует и высокое положение, которое труд (включая и тяжелый физический) занимает в системе жизненных ценностей японцев. Это проявляется, в частности, в том, что различия в заработной плате между работниками низкой квалификации (грузчиками, упаковщиками, уборщиками) и лицами, обладающими наиболее престижными профессиями (профессорами, учеными, менеджерами, инженерами и т. д.), здесь весьма умеренны (разрыв в среднем двух- — трехкратный). Неудивительно, что при таком положении дел более 90% японцев считают, что по уровню жизни их семьи относятся к среднему классу³.

О благополучном положении страны свидетельствует и ряд других моментов. Будучи одной из наиболее крупных стран мира по численности населения (125,7 млн человек в 2021 г.), Япония практически не знает религиозных и этнических конфликтов, так как абсолютное большинство ее граждан (порядка 97–98%) являются японцами. Это связано с жесткой миграционной политикой, проводившейся на протяжении всего послевоенного периода. И хотя старение населения вынуждает правительство в последнее время смягчать миграционное законодательство, существенных изменений ожидать не стоит, в том числе и из-за традиционно настороженного отношения населения к пришельцам извне.

² World Development Indicators. Country Profile. Japan. World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/country/japan?view=chart> (дата обращения: 02.01.2023).

³ Подробно см.: [Лебедева, с. 32–60].

В отличие от многих высокоразвитых стран, в Японии уже на протяжении многих лет нет массовых забастовок. Вопросы повышения заработной платы и улучшения условий труда решаются главным образом на уровне компаний, в рамках работы консультационных комитетов, в которые входят представители менеджмента и работников и которые, по сути, заменили собой профсоюзы. Отличают страну и весьма низкие показатели безработицы (2,6% на конец 2022 г.), и что особенно важно — невысокие показатели молодежной безработицы (4,1% в группе 15–24-летних, 3,6% в группе 24–35-летних японцев)⁴. Сохранению стабильной социально-политической ситуации в стране способствует и то, что порядка 90% японских мужчин работоспособного возраста (основных добытчиков средств в японских семьях) — постоянные работники. Это означает, что они имеют возможность не только обеспечивать своим семьям достаточно высокий уровень жизни, но и строить планы на будущее.

Японцы также и одна из наиболее образованных наций в мире. Сейчас 98–99% выпускников средних школ, получающих обязательное 9-летнее образование, продолжают обучение в школах высшей ступени (где обучаются еще три года), а среди выпускников последних более половины поступают в университеты. Основным направлением сдвигов в профессионально-квалификационном составе занятых в японской экономике является повышение доли и значительный рост численности лиц, обладающих более высоким образованием и профессией более высокого статуса при одновременном сокращении доли и числа лиц, занятых физическим трудом.

Если добавить к сказанному выше низкий уровень преступности, практически полный охват населения системой пенсионного страхования и медицинского обслуживания, чистоту японских городов, высокий уровень санитарии и гигиены, безупречный сервис и т. д., то можно заключить, что в стране существуют весьма благоприятные условия для комфортной и достойной жизни. Но проблема состоит в том, что на фоне общего благополучия выделяются группы населения, чей образ жизни не соответствует стандартам, по которым выстраивает свою жизнь абсолютное большинство японцев, и нормам поведения, принятым в японском обществе. Именно в силу этих отклонений от общепринятых норм и стандартов мы и называем входящих в эти группы людей «нестандартными» японцами.

ФРИТЕРЫ, НИТТО, ХИКИКОМОРИ

Японские социологи особое внимание уделяют девиантным группам, сформировавшимся в молодежной среде. Если исходить из расширительного подхода, в соответствии с которым идеальной карьерой для молодых японцев считается трудоустройство на работу сразу по окончании учебного заведения на условиях «пожизненного» (долговременного) найма, то тех, кто отклоняется от этого идеала, насчитывается в стране довольно много. Это так называемые *фритеры* (Freeters — от английского Free и немецкого Arbeiter). *Фритерами* в Японии называют молодых людей обоих полов в возрасте от 15 до 34 лет, не являющихся школьниками или студентами, работающих на непостоянной основе и часто меняющих место работы. Их число стало быстро нарастать с начала 1990-х годов, по мере все большего погружения японской экономики в депрессию, одним из следствий которой стало сокращение компаниями найма на постоянную работу и расширение применения различных форм непостоянной занятости. Это затронуло

⁴ Labor Force Survey Monthly Results. October 2022, Table 17. Statistics Bureau of Japan URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/roudou/results/month/index.html> (дата обращения: 12.10.2022).

и выпускников учебных заведений, и в конце 2022 г. среди японцев в возрасте от 25 до 34 лет непостоянно занятыми были около 15% мужчин (870 тыс.) и почти 1/3 женщин (165 тыс.)⁵.

Однако, на наш взгляд, эту группу молодых людей можно назвать девиантной лишь условно, поскольку выбор ими формы занятости теперь в основном определяется объективными потребностями экономики, которая по мере углубления процессов сервисизации стала предъявлять все больший спрос на различные гибкие формы найма. Кроме того, многие молодые люди, не желая опутывать свою жизнь ограничениями и обязательствами, связанными с постоянной работой, сознательно выбирают непостоянную занятость, но стремятся при этом реализовать себя в профессии и сделать карьеру. Но, конечно, в этой группе есть и те, кто, живя совместно с родителями, целиком полагаются на них в удовлетворении своих повседневных потребностей, а работают лишь время от времени, зарабатывая на карманные расходы и развлечения. В Японии их называют *парасайто сингуру* (parasite singles), т. е. паразитирующие одиночки.

Гораздо большую социальную проблему представляют две другие группы — так называемые NEETs и *хикикомори*.

NEETs (nor in Education, Employment or Training), или *нитто* — это молодые люди, которые не учатся, не работают, не заняты профессиональной переподготовкой или ведением домашнего хозяйства (последнее касается замужних женщин). Вначале в эту категорию включали молодых людей в возрасте от 15 до 34 лет, но несколько лет назад в связи с «постарением» *нитто* верхняя граница была поднята до 39 лет. По данным канцелярии премьер-министра, в 2021 г. общее число *нитто* составило 750 тыс. или 2,8% от общего числа японцев в возрасте от 15 до 39 лет (в 2017 г. их было 710 тыс., т. е. на 40 тыс. меньше)⁶.

По возрастным группам *нитто* распределяются следующим образом (тыс. человек):

15–19 лет	20–24 года	25–29 лет	30–34 года	35–39 лет
110	160	140	170	170

Обеспокоенность японских специалистов и общественности появлением *нитто* и ростом их числа вполне объяснима. Во-первых, их праздный образ жизни представляет собой явное отклонение от общепринятых норм и тем самым нарушает *ва* (гармонию) — философско-этический принцип, в соответствии с которым японцы стремятся организовывать жизнь общества. Во-вторых, существование этой группы нерационально с экономической точки зрения, так как усугубляет проблему нехватки молодой рабочей силы, возникшую вследствие старения населения и снижения рождаемости.

Понятно, что меры воздействия на *нитто* со стороны государства могут быть лишь побудительными. В настоящее время в стране функционируют около 180 «Местных станций поддержки молодежи», где на индивидуальной основе (и это самый важный момент в их деятельности) молодым людям предоставляются разного рода консультационные услуги с целью побудить их вернуться к учебе или работе, а также оказывается помощь в трудоустройстве и получении квалификации. Эти организации продолжают поддерживать и тех, кто вернулся к нормальной жизни, помогая им преодолевать связанные с этим трудности. Здесь также регулярно проводятся лекции и семинары для родителей и членов семей *нитто*.

Еще более сложную социальную проблему представляют собой *хикикомори*, или затворники. *Хикикомори* — это молодые люди, которые избегают контактов с внешним миром,

⁵ Labor Force Survey Monthly Results. October 2022, Table 20. Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/roudou/results/month/index.html> (дата обращения: 12.10.2022).

⁶ Kodomo wakamono hakushyo. Reiwa 4 nen [White Paper on Children and Young People 2022], p. 78. Cabinet Office URL: https://www8.cao.go.jp/youth/whitepaper/r04honpen/pdf_index.html (дата обращения: 05.01.2023).

предпочитают проводить время дома, погружаясь в виртуальный мир *манга*, *анимэ*, компьютерных игр и т. д.

Главной характеристикой этой группы является исключение из жизни общества (в отличие от *нитто*, которые весьма общительны). Японские специалисты относят к этой группе молодых людей, которые:

- 1) выходят из дома, только если есть какие-то неотложные дела;
- 2) выходят только в ближайший магазин, избегая общения;
- 3) выходят из своей комнаты, но не из дома;
- 4) не выходят даже из своей комнаты⁷.

При этом тех, чей образ жизни соответствует первому критерию, называют квази-*хикикомори*, а тех, чью жизнь описывают критерии со второго по четвертый, — *хикикомори* в узком смысле слова. Поскольку в критической жизненной ситуации, ведущей к разрыву социальных связей, могут оказаться самые разные люди, специалисты считают, что к *хикикомори* следует относить тех, кто пребывает в таком положении более полутора.

Так же как и в случае с *нитто*, верхняя возрастная граница *хикикомори* была несколько лет назад повышена, и сейчас к ним причисляют молодых людей в возрасте от 15 до 39 лет. По данным масштабного обследования, проведенного в 2015 г., в стране насчитывалось 541 тыс. *хикикомори* (2% от общего числа японцев этого возраста), в том числе 365 тыс. квази-*хикикомори* и 176 тыс. *хикикомори* в узком смысле слова⁸.

По мнению японских специалистов, затворничество, разрыв связей с обществом являются результатом действия многих факторов и не должны рассматриваться как симптом чисто психического заболевания, хотя наличие такого заболевания также не исключается. В частности, обследование 2015 г. показало, что 18% *хикикомори* обращались к врачам по поводу душевного заболевания, 20% считали себя не совсем психически здоровыми, а еще 20% сомневались в том, что здоровы⁹. Но все же в качестве основных причин, подтолкнувших их к затворничеству, молодые люди назвали вполне конкретные — «прогулы занятий» и «неспособность прийти на работу».

Проблема прогулов школьных занятий действительно обострилась в последние годы. Так, по данным за 2020 г., в начальной и средней школе прогуливали занятия более 190 тыс. учеников (1% и 4% соответственно), а в школе высшей ступени — 41 тыс. (1,4%)¹⁰. При этом, если проанализировать причины прогулов, то становится очевидно, что они имеют прямое отношение к нежеланию или неумению детей и подростков выстраивать отношения с людьми, соответствовать общепринятым нормам социального поведения. Так, 47% учеников начальной и средней школы и 38% учеников школы высшей ступени в качестве основных причин прогулов назвали «нежелание что-либо делать», а 12% и 15,4% соответственно — «беспорядочный режим дня». Кроме того, 12% учеников начальной и средней школы и 9,3% учащихся школы

⁷ White Paper on Children and Young People 2019, p. 20–21. Cabinet Office. URL: https://www8.cao.go.jp/youth/english/policy_2019.html (дата обращения: 07.01.2023).

⁸ Wakamono-no seikatsu ni kansuru chyosa hokokushyo. Heisei28 nen [Survey on the Life of Young People 2016], p.15. Cabinet Office URL: <https://www8.cao.go.jp/youth/kenkyu/hikikomori/h27/pdf/kekka.pdf> (дата обращения: 18.11.2022).

⁹ Как отмечает Долин А. А., проводившиеся в конце 2000-х годов обследования показали, что 22–28% хикикомори имели те или иные психические отклонения. См.: [Долин, с. 10].

¹⁰ Kodomo wakamono hakushyo. Reiwa 4 nen [White Paper on Children and Young People 2022], p. 80. Cabinet Office URL: https://www8.cao.go.jp/youth/whitepaper/r04honpen/pdf_index.html (дата обращения: 05.01.2023). К прогульщикам относят тех, кто не посещает школу более 30 дней, но не по причине болезни или по объективным обстоятельствам (например, из-за переезда семьи в другой город).

высшей ступени отметили такие причины, как «конфликты с товарищами и учителями», а 13,6% и 7% соответственно — «разного рода проблемы в семье»¹¹.

Школьные годы — это время, когда не только формируются предпосылки превращения молодых людей в *хикикомори* в будущем, но и начинается само затворничество. Так, среди 15–39-летних *хикикомори* 12% стали затворниками еще до 14 лет, а 31% — в возрасте 15–19 лет¹².

В отличие от беззаботной жизни *нитто* и *нарасайто сингуру*, жизнь *хикикомори* непроста и печальна, не говоря уже о тех из них, у кого диагностированы психические отклонения. Большинство из них осознают, что их образ жизни не соответствует ни ожиданиям их семей, ни общепринятым нормам социального поведения. Так, 70% *хикикомори* угнетает осознание «своей неблагодарности по отношению к семье», более 40% чувствуют «бессмысленность своего существования» и понимают, что «тратят время на пустяки», а почти 80% тревожит будущее. Несколько скрашивает картину отношение к ним со стороны членов семьи: половина *хикикомори* ответили, что в семье к ним относятся тепло и что именно с родителями они делятся своими переживаниями. Разумеется, семья обеспечивает их и средствами существования, при этом с точки зрения уровня материального достатка структура семей с детьми-затворниками примерно соответствует составу обычных японских семей. Так, у 10% этих семей уровень жизни «высокий», у 2/3 — средний, у 22% — «низкий»¹³.

В конце 2000-х годов на проблему затворничества обратило внимание и государство. С 2009 г. начали функционировать региональные консультационные центры помощи *хикикомори* и членам их семей, но поскольку проблема продолжала усугубляться, в 2018 г. такие центры были открыты практически в каждом городе. Государство взяло на себя также подготовку специалистов для работы в этой области (медицинских работников, психологов, педагогов и т. д.). Кроме того, для того, чтобы общество лучше уяснило, что собой представляет феномен *хикикомори*, через средства массовой информации регулярно проводятся информационно-разъяснительные кампании.

ДЕВИАНТНЫЕ ГРУППЫ СРЕДИ ВЗРОСЛЫХ ЯПОНЦЕВ

Очевидно, что оказаться в положении, в результате которого меняется тип социального поведения человека, можно в любом возрасте, и причины такого поворота могут быть самыми разными. В данном разделе речь пойдет о двух девиантных группах, существующих среди взрослых японцев, т. е. среди лиц старше 40 лет.

Первая из них — это те же *хикикомори*, или затворники. В 2018 г. было проведено масштабное обследование затворников в возрасте 40–64 лет, имевшее целью не только понять, что представляет собой эта группа, но и через изучение их опыта определить, как можно было бы помочь молодым *хикикомори*.

Критерии отнесения к этой группе те же, что и в отношении молодых затворников. По данным Министерства внутренних дел, в 2018 г. в стране насчитывалось 613 тыс. взрослых *хикикомори*, что составляет 1,4% от общей численности населения в возрасте от 40 до 64 лет

¹¹ Kodomo wakamono hakushyo. Reiwa 4 nen [White Paper on Children and Young People 2022], p. 80. Cabinet Office URL: https://www8.cao.go.jp/youth/whitepaper/r04honpen/pdf_index.html (дата обращения: 05.01.2023).

¹² White Paper on Children and Young People 2019, p. 25. Cabinet Office URL: https://www8.cao.go.jp/youth/english/policy_2019.html (дата обращения: 07.01.2023).

¹³ Wakamono-no seikatsu ni kansuru chiyosa hokokushyo. Heisei28 nen [Survey on the Life of Young People 2016], p. 21, 74, 90–93. Cabinet Office URL: <https://www8.cao.go.jp/youth/kenkyu/hikikomori/h27/pdf/kekka.pdf> (дата обращения: 18.11.2022).

(42 млн 350 тыс.). Среди них есть как те, кто стал *хикикомори* еще в молодые годы, так и те, кого такая участь постигла уже в зрелые годы. Об этом можно судить по возрастной структуре ответивших на вопрос: «В каком возрасте вы впервые стали *хикикомори*?» (%)¹⁴:

15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64
2,1	12,8	14,9	6,4	2,1	12,8	8,5	8,5	10,6	17,0

Как показывают эти данные, среди взрослых *хикикомори* почти 40% — это те, кто «перекочевал» в эту категорию, перешагнув верхнюю границу (39 лет) молодежных когорт. Неудивительно поэтому, что значительная часть из них имеет весьма продолжительный «стаж» затворничества. Так, у 11% он составляет от 7 до 10 лет, у 17% — от 10 до 20 лет, у 11% — от 20 до 25 лет, у 2% — от 25 до 30 лет, у 6,4% — свыше 30 лет¹⁵.

Поскольку речь идет о взрослых людях, очевидно, что причины разрыва их связей с обществом отличаются от тех, что приводят к затворничеству в молодые годы. Чаще всего поводом становятся увольнения, невозможность наладить отношения на работе, неспособность хорошо выполнять работу, болезнь. При этом среди них достаточно много хорошо образованных людей. Так, почти четверть из них (23,4%) имеют высшее образование, 15% закончили высшие профессиональные училища (техникумы) или *танки дайгаку* (трехгодичные университеты), а половина имеют полное (12-летнее) среднее образование или окончили средние профессиональные школы.

Если в отношении молодых *хикикомори* существование за счет родителей может иметь хоть какое-то оправдание в глазах общества, то иждивенчество взрослых затворников воспринимается гораздо острее. Лишь 30% из них живут за счет собственных средств, остальные находятся на иждивении родственников (21% содержат отцы, 12,5% — матери, 17,5% — мужья/жены, остальных — другие родственники). При этом немногим менее 1/3 считают, что уровень жизни их семей можно охарактеризовать как «низкий», а 2/3 полагают, что он соответствует стандартам среднего класса¹⁶.

Отношение к жизни и к своему образу жизни у взрослых *хикикомори* в целом более мрачное, чем у молодых затворников. Около половины из них «ощущают свою вину перед семьей» и столько же считают свою жизнь «мучительной», еще порядка 30% испытывают «безнадежность, отчаяние», «хотели бы умереть». У значительной части помимо осознания «ненормальности» своего образа жизни общее состояние отягчает наличие психических отклонений. Около 1/3 из них обращались в медицинские учреждения по поводу психических заболеваний, а немногим более половины считают себя не совсем здоровыми¹⁷.

Разумеется, взрослые *хикикомори* также могут пользоваться услугами консультационных центров, о которых говорилось выше. Но, по мнению специалистов, чем длиннее период затворничества, тем сложнее человеку вырваться из этого состояния. И если вспомнить, что у половины взрослых *хикикомори* стаж затворничества составляет более 5 лет, то очевидно, что этой группе помочь гораздо сложнее.

¹⁴ Seikatsu dzyoko ni kansuru chyosa. Heisei 30 nen [Survey on Life Situation 2018], p. 52. Cabinet Office URL: <https://www8.cao.go.jp/youth/kenkyu/life/h30/pdf/s3.pdf> (дата обращения: 18.11.2022).

¹⁵ Seikatsu dzyoko ni kansuru chyosa. Heisei 30 nen [Survey on Life Situation 2018], p. 50. Cabinet Office URL: <https://www8.cao.go.jp/youth/kenkyu/life/h30/pdf/s3.pdf> (дата обращения: 18.11.2022).

¹⁶ Seikatsu dzyoko ni kansuru chyosa. Heisei 30 nen [Survey on Life Situation 2018], p. 19, 21, 27. Cabinet Office URL: <https://www8.cao.go.jp/youth/kenkyu/life/h30/pdf/s3.pdf> (дата обращения: 18.11.2022).

¹⁷ Seikatsu dzyoko ni kansuru chyosa. Heisei 30 nen [Survey on Life Situation 2018], p. 92, 105. Cabinet Office URL: <https://www8.cao.go.jp/youth/kenkyu/life/h30/pdf/s3.pdf> (дата обращения: 18.11.2022).

Название еще одной группе «нестандартных» японцев — *корицу мугё*, или неработающие одиночки — дал известный японский социолог, профессор Токийского университета Гэнда Юдзи, который в 2013 г. опубликовал книгу под названием «Корицу мугё (SNEP)»¹⁸.

Согласно определению Ю. Гэнда, *корицу мугё* — это лица в возрасте от 20 до 60 лет, неработающие, не состоящие и никогда прежде не состоявшие в браке, проживающие одиноко или в семье (с родителями или другими родственниками) и не имеющие близких людей вне семьи. Как видно из этого определения, эта группа в плане ограничения социальных связей близка к *хикикомори*, а с точки зрения отношения к работе — к *нитто*. Но профессор Гэнда полагает, что сочетание двух признаков — безбрачия и нежелания работать — отличает этих людей не только от обычных японцев, но и от других «нестандартных» групп.

Поскольку в данном разделе речь идет о взрослых японцах, нас будет интересовать возрастная группа от 35 до 60 лет. По подсчетам Ю. Гэнда, число *корицу мугё* в возрасте от 35 до 60 лет за период с 1996 по 2011 г. возросло с 262 тыс. человек до 794 тыс. человек, т. е. в 3 раза [Genda, p. 48]. При этом следует иметь в виду, что далеко не все неработающие и не состоящие в браке японки и японцы этих возрастных групп могут быть причислены к *корицу мугё*. Так, например, среди них есть те, кто имеет возлюбленных и планирует вступление в брак, а также безработные, которые, в отличие от *корицу мугё*, ищут работу.

Ю. Гэнда не обнаружил каких-либо черт, отличающих эту группу с точки зрения ее социального состава. Шансы попасть в нее не зависят ни от уровня образования, ни от уровня материального благосостояния семьи. Среди *корицу мугё* можно встретить как тех, кто бросил учебу еще в средней школе, так и обладателей университетских дипломов и даже людей, окончивших аспирантуру. И хотя доли *корицу мугё* среди неработающих и не состоящих в браке японок и японцев тех же возрастных групп различаются в зависимости от уровня образования, линейной зависимости здесь не прослеживается. Так, по расчетам Ю. Гэнда, среди лиц со средним образованием доля *корицу мугё* составляет 68,6%, среди получивших полное среднее образование — 62,5%, среди окончивших техникумы и трехгодичные университеты — 52,7%, а среди выпускников университетов — 69,3% [Genda, p. 52].

Схожую картину представляют и доли *корицу мугё* в соответствующих категориях японцев в зависимости от уровня материального благосостояния семей. Так, при доходе менее 3 млн иен эта доля составляет 63,8%, от 3 до 5 млн иен — 64,1%, от 6 до 8 млн иен — 61,3%, свыше 9 млн иен — 59,7% [Genda, p. 63]. При этом около 80% *корицу мугё* проживают в семьях, что существенно облегчает их существование и в плане общения, и в плане материального обеспечения, а 20% живут отдельно.

В своем исследовании Ю. Гэнда пытался выяснить, какие жизненные обстоятельства способствуют попаданию людей в категорию *корицу мугё*. Он пришел к выводу, что заметное влияние на их судьбы оказали условия, в которых проходило их детство. Например, среди *корицу мугё* заметно больше, чем в близкой к ним социальной группе — не состоящих в браке и неработающих японцев — тех, кто в школьные годы подвергался разного рода *идзимэ*, т. е. издевательствам со стороны сверстников. По сравнению с той же социальной группой среди *корицу мугё* значительно больше тех, кто не имел или почти не имел в детстве друзей и не встретил среди взрослых тех, с кем можно было бы поделиться своими переживаниями. Иными словами, и в этой группе «нестандартное» социальное поведение в той или иной степени обусловлено особенностями характера, особым складом личности человека.

¹⁸ SNEP — аббревиатура английского Solitary No-Employed Persons.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существование рассмотренных выше групп «нестандартных» японцев, безусловно, представляет определенный вызов японскому обществу, где принято следовать принципу *хитонами* — «быть как все». Осознание самими этими людьми ненормальности своего образа жизни лишь усугубляет проблему их одиночества и оторванности от общества. Но нельзя сказать, что японское общество бездействует. Как отмечалось выше, в стране созданы консультационные центры, в которых «нестандартным» японцам и членам их семей оказывают разного рода помощь. В этой области активно работают и местные волонтерские организации, которые, будучи хорошо осведомлены обо всем, что происходит в местном сообществе, стараются подключиться к решению проблемы как можно раньше, когда шансов на успех больше.

Пандемия COVID-19, приведшая к изменению характера социального общения и стиля работы миллионов японцев, еще больше усугубила проблему одиночества и оторванности от жизни общества. О том, насколько обострилась эта проблема, можно судить по тому, что в феврале 2020 г. был назначен министр по делам одиночества и социальной изоляции, а при секретариате кабинета министров был учрежден специальный орган, ответственный за политику в этой области. В том же году была разработана программа действий и начал работу комитет, в который вошли представители всех заинтересованных ведомств. Волонтерским организациям, оказывающим помощь разным категориям граждан, оказавшимся в трудном положении, на 2021 и 2022 гг. было выделено 6 млрд иен. С целью обмена опытом регулярно проводятся форумы для специалистов, работающих в этой области, а с февраля 2022 г. заработала интернет-платформа, созданная для усиления взаимодействия между центральными и местными органами власти и волонтерскими организациями. Что же касается самих граждан, то для них тогда же был создан вэб-сайт «Вы не одиноки», название которого говорит само за себя¹⁹.

Время покажет, насколько эффективной окажется эта работа и сколько «нестандартных» японцев смогут изменить свой образ жизни и начать жить, не ощущая стыда из-за ненормальности своего положения.

Разумеется, и за границами групп «нестандартных» японцев насчитывается немало людей, понимающих, что по тем или иным причинам общество не воспринимает их как обычных, «нормальных» граждан. В силу ограниченных рамок статьи мы лишь вкратце коснемся этой темы.

Одной из таких категорий являются женщины, решившиеся на рождение детей вне брака. Хотя японское общество нельзя назвать пуританским, к таким женщинам оно относится если и не с порицанием, то, по меньшей мере, с неодобрением — ведь это явное отклонение от установки *хитонами* (быть как все). В отличие от западных стран, в Японии это явление не получило широкого распространения: лишь 1% детей рождается здесь вне брака, а число женщин, решившихся на такой шаг, составляет порядка 100 тысяч²⁰. Тем острее они, а также и их дети ощущают свою «необычность», не говоря уже о том, что и живут такие семьи на доходы, как правило, сильно уступающие доходам обычных японских семей.

Как ни странно, но в такой передовой стране, какой знает Японию весь мир, есть особая социальная каста — *буракумин* (буквально: человек из поселения). В основе дискриминации *буракумин* лежат представления о нечистоте их предков. В течение многих веков эти люди

¹⁹ Kodomo wakamono hakushyo. Reiwa 4 nen [White Paper on Children and Young People 2022], p. 82–83. Cabinet Office URL: https://www8.cao.go.jp/youth/whitepaper/r04honpen/pdf_index.html (дата обращения: 05.01.2023).

²⁰ Handbook of Health and Welfare Statistics 2021, table 3–20. Ministry of Health, Labor and Welfare. URL: <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hh/3–2.html> (дата обращения: 02.01.2023):

занимались «грязной» работой (разделкой туш животных, чисткой выгребных ям и проч.) и жили отдельно от остальных японцев. Поскольку существование какой-либо дискриминируемой группы в послевоенной Японии стало считаться недопустимым, начиная с 1953 г. правительство стало принимать меры по улучшению жизни *буракумин*. Особенно активизировалась эта работа после 1969 г., когда был принят Закон о специальных мерах по развитию районов проживания *буракумин*. За время действия закона — с 1969 по 2002 г. — на эти цели было направлено примерно 2 трлн иен, и в нескольких сотнях поселений *буракумин* были построены современные дома, школы, проведены дороги, созданы системы водоснабжения и канализации, организовано медицинское обслуживание и т. д. [Gordon, p. 292]. Жизнь в этих поселениях действительно преобразилась, и в 2002 г. действие Специальных мер было приостановлено. Было также запрещено в официальных документах идентифицировать *буракумин* как отдельную социальную группу. Но социальное положение этих людей мало изменилось. И хотя внешне современные *буракумин* ничем не отличаются от других японцев, их легко идентифицировать по известным всем местам их проживания (*бураку*). Дело в том, что при поступлении в вуз, при найме на работу, при вступлении в брак и в ряде других случаев необходимо предъявлять *косэки* — свидетельство о рождении, в котором указано и место рождения. И если при поступлении в вуз эта информация может и не иметь решающего значения, то заключение брака с обычной японкой/японцем или получение хорошей работы практически невозможны. Трудно сказать, как много *буракумин* насчитывается сейчас в Японии, поскольку с 2002 г. такой статистики не существует, но в начале 2000-х гг. к этой группе относились порядка 1 млн человек [Gordon, p. 272].

На наш взгляд, еще одной группой граждан, заслуживающей упоминания в контексте рассматриваемой темы, являются одинокие старики. Прежде в традиционной японской семье заботу о старых людях брали на себя молодые поколения. Но сейчас, когда основной формой семьи стала нуклеарная, проблема одинокой старости приобрела особое звучание. В Японии эта проблема становится все более острой в связи с быстрым старением населения, а также ростом среди пожилых людей тех, кто не состоял в браке и не имеет детей. Так, если в США доля последних составляет 6,1%, в Германии — 14,6%, то в Японии — 43%. Больше в Японии и тех, кто утвердительно отвечает на вопрос о том, испытывают ли они трудности в повседневной жизни: соответственно 25,6%, 28,3% и 45,2%²¹.

Японцы, как известно, являются долгожителями. Но для одиноких стариков, особенно мужчин (а среди японцев старше 75 лет их больше половины), долгая жизнь не всегда является «даром божьим». Нередко они (прежде всего те, кто страдает какими-либо ментальными заболеваниями) становятся жертвами мошенников разного рода, в результате чего лишаются всех своих сбережений. Но в наиболее острой форме проблема одинокой старости проявляет себя в *кодokusи* — смерти в одиночестве, когда о смерти одинокого человека узнают случайно, иногда даже по прошествии нескольких дней. Разумеется, помощь одиноким старикам оказывают и социальные службы, и волонтерские организации, но в основном они вынуждены полагаться на свои силы.

Таким образом, характеризуя Японию как безопасную, благополучную страну, следует в то же время иметь в виду, что в ней проживает немало граждан, чей образ жизни по тем или иным параметрам является неким отклонением от нормы. При этом многие из них хорошо осознают свою «особость» и уязвимость своего положения в обществе, где принято «быть как все».

²¹ Dai 9 kai koreishya — no seikatsu to ishiki ni kansuru kokusai hiko chyosa. Reiwa 3 nen [The 9th International Comparison of Life and Perceptions of Elderly People 2021]. P. 223. Cabinet Office. URL: https://www8.cao.go.jp/kourei/ishiki/r02/zentai/pdf_index.html (дата обращения: 18.11. 2022).

Литература/ References

Долин А. А. Проблема социального отчуждения в японском обществе XXI века. Научный электронный журнал «Японские исследования». 2022. № 1. С. 6–19 [Dolin A. A. The problem of Social Exclusion in Japanese Society of XXI Century. Scientific Electronic Journal *Japanese Studies*. 2022. No. 1. Pp. 6–19 (in Russian)].

Лебедева И. П. О бедности и неравенстве в Японии. Ежегодник «Япония 2021». М., 2021. С. 32–60 [Lebedeva I. P. About Poverty and Inequality in Japan. Yearbook «*Japan2021*». Moscow, 2021. Pp. 32–60 (in Russian)].

Genda Yuji. *Koritsu mugyo (SNEP)*. Tokyo, 2013 [Genda Yuji. *Solitary No-Employed Persons (SNEP)*. Tokyo, 2013 (in Japanese)].

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Dai 9 kai koreishya -no seikatsu to ishiki ni kansuru kokusai hiko chyosa.Reiwa 3 nen [The 9th International Comparison of Life and Perceptions of Elderly People 2021]. *Cabinet Office* URL: https://www8.cao.go.jp/kourei/ishiki/r02/zentai/pdf_index.html (дата обращения: 18.11.2022).

Gordon June A. Caste in Japan: Burakumin. *Biography*. Vol. 40. No. 1. Winter 2017. URL: <https://www.jstor.org/stable/26405020> (дата обращения: 18.11.2022).

Handbook of Health and Welfare Statistics 2021. *Ministry of Health, Labor and Welfare*. URL: <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hh/3-2.html> (дата обращения: 02.01.2023).

Kodomo wakamono hakushyo.Reiwa 4 nen [White Paper on Children and Young People 2022]. *Cabinet Office* URL: https://www8.cao.go.jp/youth/whitepaper/r04honpen/pdf_index.html (дата обращения: 05.01.2023).

Labor Force Survey Monthly Results. October 2022. *Statistics Bureau of Japan* URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/roudou/results/month/index.html> (дата обращения: 12.10.2022).

Seikatsu dzyoko ni kansuru chyosa. Heisei 30 nen [Survey on Life Situation 2018]. *Cabinet Office* URL: <https://www8.cao.go.jp/youth/kenkyu/life/h30/pdf/s3.pdf> (дата обращения: 18.11.2022).

Wakamono-no seikatsu ni kansuru chyosa hokokushyo.Heisei28 nen [Survey on the Life of Young People 2016]. *Cabinet Office* URL: <https://www8.cao.go.jp/youth/kenkyu/hikikomori/h27/pdf/kekka.pdf> (дата обращения: 18.11. 2022).

White Paper on Children and Young People 2019. *Cabinet Office*. URL: https://www8.cao.go.jp/youth/english/policy_2019.html (дата обращения: 07.01 2023).

World Development Indicators.Country Profile. Japan. *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/country/japan?view=chart> (дата обращения: 02.01. 2023).

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-117-130

ТРИПУРА: ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ШТАТЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ

© 2023

А. Р. Зарипова¹

В сентябре-октябре 2022 г. состоялся полевой выезд автора в штат Трипура в рамках работы российско-индийской антропологической экспедиции Центра палеоэтнологических исследований и Государственного биологического музея им. К. А. Тимирязева. Главная цель заключалась в уточнении и дополнении материалов, собранных во время комплексного биолого-антропологического исследования народа трипури в 2019 г. В результате автору удалось провести анкетирование среди студентов нескольких учебных заведений г. Агарталы и г. Кхумулынга, всего собрано 405 анкет. В статье дан обзор работы, проведенной для подготовки анкеты, и описан процесс проведения анкетирования в аудитории с индийскими студентами. Данный материал написан на основе доклада, прочитанного 28 ноября 2022 г. на заседании Центра индийских исследований ИВ РАН.

Ключевые слова: Северо-Восточная Индия, Трипура, зарегистрированные племена, трипури, социальная антропология, полевые исследования в Индии

Для цитирования: Зарипова А. Р. Трипура: полевые исследования в штате Северо-Восточной Индии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 2. С. 117–130. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-117-130

FIELDWORK IN NORTHEAST INDIA: THE STATE OF TRIPURA

Liliia R. Zaripova

The author went on a fieldwork to the state of Tripura in September–October 2022. It was done as part of the Russian-Indian Anthropological Expedition of Paleoethnology Research Center and Timiryazev State Biology Museum. The main goal was to clarify and add to the data that had been collected during a bio-anthropological research of the Tripuri people in 2019. As a result, the author was able to conduct a questionnaire survey at various educational institutions in Agartala and Khumulwng, collecting a total of 405 questionnaires. The article gives a general summary of the work done to create the questionnaire and details how it was given to Indian students in a classroom environment. This article is based on a presentation given at a meeting of the Center for Indian Studies, RAS, on November 28, 2022.

Keywords: North-East India, Tripura, scheduled tribes, Tripuri, social anthropology, fieldwork in India

For citation: Zaripova L. R. Fieldwork in Northeast India: the State of Tripura. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2023. 2. Pp. 117–130. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-117-130

¹ Зарипова Лилия Рафисовна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; старший научный сотрудник Центра палеоэтнологических исследований, Москва; zlr-zlr@mail.ru
Liliia R. Zaripova, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; Senior Research Fellow, Paleoethnology Research Center, Moscow; zlr-zlr@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8272-1754

В марте 2019 г., возвращаясь из отпуска, я случайно в очереди на регистрацию в аэропорту Дели встретила старого знакомого, однокурсника с истфака СПбГУ. К тому моменту я несколько лет работала в школе, очень увлекалась историей Южной Азии и в качестве хобби учила хинди, а мой университетский товарищ уже заканчивал аспирантуру Института археологии РАН и готовился защищать диссертацию. Мы, конечно же, разговорились, выяснилось, что в Индии он по работе — ездил изучать традиционное гончарство Махараштры. В ответ я вслух позавидовала: «Как же здорово заниматься Индией!» Оказалось, что мой товарищ является сотрудником российско-индийской антропологической экспедиции, в рамках которой в июне 2019 г. планировался полевой выезд в штат Трипура, и команде физических антропологов требовался человек для сбора анкет, владеющий разговорным английским языком и «каким-нибудь индийским»...

Российско-индийская антропологическая экспедиция была организована в 2018 г. по инициативе Центра палеоэтнологических исследований (далее ЦПИ) совместно с Государственным биологическим музеем им. К. А. Тимирязева (далее ГБМТ). Целью экспедиции стало изучение народов Южной Азии как макрорегиона, обладающего огромным этнокультурным и биологическим разнообразием. В середине 1960-х — начале 1980-х годов советские ученые (сотрудники Института этнографии АН СССР и НИИ и музея антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова) исследовали население полуострова Индостан в меридиональном направлении. В те годы удалось собрать огромный фактический материал, который был лишь частично опубликован. Таким образом, перспективы работы российско-индийской экспедиции ЦПИ — ГБМТ видятся в продолжении изучения народов Индостана по российским антропологическим методикам [Российско-Индийская..., 2022, с. 9]. На данный момент экспедицией было проведено четыре полевых сезона: организовано биолого-антропологическое исследование санталов Западной Бенгалии (2018 г.), трипури штата Трипура (2019 г., 2022 г.), корку Махараштры (2020 г.), также изучались погребальные практики индуистской культурной традиции в Агре (2018 г., 2019 г., 2022 г.).

Программа комплексного антропологического исследования состоит из нескольких этапов: измерение головы и тела, специальное антропологическое фото, сбор слепков зубов и отпечатков пальцев. Предваряет работу физических антропологов всегда социальное анкетирование. Индийские коллеги, как правило, ограничиваются получением только элементарных сведений об индивиде: это полное имя, пол, возраст, каста или племя, место проживания или рождения. Отличительной чертой российской науки является использование в биолого-антропологических исследованиях расширенной анкеты, что позволяет реконструировать круг брачных связей, оценить демографическое состояние выборки, выяснить воздействие на природу человека социально-экономических факторов, а также получить этнографическую информацию. Методика составления таких анкет была разработана Б. Н. Казаченко еще в 1980-е гг. [Казаченко, 1990].

Особенности каждого региона не позволяют сразу взяться за составление вопросов. Вначале необходимо подробно изучить его этническую характеристику, социально-экономическую и политическую ситуацию в нем. К сожалению, те материалы по Индии, которые доступны на подготовительном этапе, часто не дают полной картины или являются устаревшими, поэтому только непосредственно «в полевых условиях» становится очевидно, каких вопросов не хватает.

Исследования в Трипуре в 2019 г. проводились совместно с кафедрой антропологии Калькуттского университета при поддержке специалистов из университета Трипуры. Были обследованы жители нескольких деревень дистриктов Сепайджала (Sepahijala) и Западная Трипура (West Tripura), а также студенты университета Трипуры.

За две недели работы проявилось несколько недостатков анкеты. Во-первых, в ней отсутствовал вопрос о религиозной принадлежности. На подготовительном этапе казалось, что бенгалцы, проживающие на этой территории в результате раздела Индии, в большинстве своем будут индусами, а племена, подвергшиеся интенсивной санскритизации, едва ли сохранили до наших дней следы прежних анимистических культов. Однако не был учтен важный аспект развития Северо-Востока Индии — проникновение миссионеров, которые на протяжении десятилетий вели активную работу среди местного населения. Трипура здесь не стала исключением. Мы увидели, что многие представители племен исповедуют христианство. Наша анкета не позволяла выяснить, могут ли вступать в брак трипури-индусы и трипури-христиане, а также в каком примерно соотношении они представлены в нашей выборке. Влияние религиозных и этнических факторов при выборе брачного партнера позволяют зафиксировать процессы ассимиляции или обособления этнической группы.

Во-вторых, важным маркером самоидентификации индивида является родной язык. Возможности его использования в разных сферах также показывают степень ассимиляции этнической группы. К тому же система родства, характерная для традиционных обществ и долгое время сохранявшаяся у племенных групп Индии, на сегодняшний день фактически исчезла. Ее следы еще можно найти в фольклоре, также ключом к пониманию кланов могут стать диалекты языка. В 2019 г. вопрос о родном языке ставился только взрослым респондентам. В 2020 г. во время работы с представителями племени корку в Махараштре вопрос о родном языке наравне с вопросом о вероисповедании был включен в блок с элементарными сведениями об индивиде.

По возвращении из Индии в мои обязанности входило вводить в базу данные из анкет и обрабатывать полученную информацию. Почти сразу стало понятно, что главная задача — реконструкция кругов брачных связей на основе собранных материалов — едва ли выполнима. Прежде всего, в результате раздела Индии Трипура оказалась с трех сторон окружена государственной границей сначала с Восточным Пакистаном, а затем — с Бангладеш. Благодаря нескольким волнам миграции беженцев-бенгалцев коренное население Трипуры — племена — превратилось в меньшинство и было согнано с традиционных мест проживания [Зарипова, 2022, с. 131]. Во-вторых, в 2012 г. в штате Трипура проводилась масштабная административная реформа, в результате которой значительно изменились границы дистриктов и увеличилось их количество. Во время нашего анкетирования 2019 г., отвечая на вопрос о месте рождения родителей и бабушек-дедушек, респонденты постоянно путались в названиях населенных пунктов и их административной принадлежности: кто-то называл по старому стилю, а кто-то — по новому.

После первичной обработки анкет и антропологических бланков [Бандиопадхьяй, 2022] стала очевидна необходимость нового выезда в Трипуру для проведения расширенного анкетирования представителей племен, так как понимание системы брачных связей крайне важно для адекватной интерпретации полученной физическими антропологами информации. К тому же последствия коронавирусных ограничений не позволяли организовать новую полноценную биолого-антропологическую экспедицию, поэтому было принято решение в 2022 г. провести только анкетирование.

В 2019 г. неоценимую помощь экспедиции оказали магистранты университета Трипуры: Биной Джаматия, Бина Рьянг и Бхаскар Деббарма. Помимо перевода на кокборок, общий язык племен штата, они выступили посредниками в общении с деревенскими жителями. Дело в том, что биолого-антропологическое исследование очень напоминает медицинское обследование и этим вызывает недоверие местного населения. Нам очень повезло, что ребята прониклись нашей работой и даже гордились тем, что из России приехали изучать их народ. Спустя три

года, снова вернувшись в Трипуру, я встретила со старыми друзьями: Бина и Биной стали школьными учителями и преподавали родной язык в отдаленных деревнях штата; Бхаскар работал в Мемориальном колледже им. Бир Бикрама (Bir Bikram Memorial College) в Агартале, где также преподавал кокборок. Он согласился мне помочь.

Изначально я планировала провести анкетирование только среди студентов кафедры кокборока в университете Трипуры — это приблизительно 50–60 человек, так как по опыту 2019 г. нам казалось, что это единственное место, где учатся преимущественно ребята из племен. Общение с индийскими коллегами показало, что наше представление было ошибочным. Доктор Аробиндо Махато из университета Трипуры порекомендовал начать работу с Государственного колледжа в г. Кхумулынге (Khumulwng Government Degree College), который находится в 25 км от Агарталы. Сегодня это столица Совета автономного дистрикта племенных районов Трипуры, где большая часть населения представлена племенами [Зарипова, 2022].

Подготовка анкеты заняла почти три недели. Первым делом я отправилась в библиотеки Агарталы, где просмотрела всю доступную литературу по племенам. У индийских авторов в главах по методологии исследования часто можно найти всевозможные опросники и интервью. Именно этот подготовительный этап сыграл решающую роль в формировании блоков вопросов и помог мне глубже разобраться в специфике предстоящей работы. Далее я показала вопросы Бхаскару и объяснила, какого рода информацию я надеюсь с их помощью получить. Меня интересовало, насколько хорошо мои вопросы передают смысл, который в них заложен, и смогут ли студенты правильно их интерпретировать. По совету Бхаскара часть формулировок была изменена, а главное — он предложил сделать перевод всей анкеты на кокборок, так как, откровенно говоря, далеко не все студенты колледжа понимают английский.

Первая поездка в Кхумулынг была ознакомительной: туда я отправилась в компании коллег-бенгальцев из университетов Трипуры и Калькутты. Вышеупомянутый доктор Махато оказал неоценимую организационную помощь. Мы выступили перед студентами в огромной аудитории, навскидку присутствовало человек двести, из них подавляющее большинство — ребята из племен, студентов-бенгальцев было всего десять-пятнадцать. Как я позже выяснила, в колледже учатся примерно две тысячи человек, из которых, по оценкам учителей, 95% — племена, а преподаватели — почти все бенгальцы. Профессор Аруп Бандиопадхьяй прочитал лекцию об особенностях питания племенного населения и о том, как диета влияет на здоровье; я подарила директору колледжа альбом [Российско-Индийская..., 2022] и рассказала о российских антропологических исследованиях в Индии, о коренных народах нашей страны и о своем анкетировании, в котором прошу поучаствовать студентов. Профессор Бандиопадхьяй выступал на бенгальском языке, периодически вставляя несколько предложений по-английски. Я начала свою речь на хинди, чем вызвала бурные одобрительные аплодисменты, рассказывая о научных достижениях, перешла на английский. Я с большим интересом наблюдала за реакцией аудитории на многоязычие и пыталась оценить, насколько хорошо воспринимается информация, поданная в такой форме. Мне показалось, что английская речь на слух совсем не воспринимается ни от меня, ни от индийских коллег. Выступавшие иногда переходили с бенгальского на хинди, чтобы я тоже понимала, о чем говорят. Я не заметила какой-либо разницы в их восприятии аудиторией — сложилось впечатление, что оба языка были понятны в равной степени. Переговаривались студенты между собой на кокбороке, но никто из выступавших гостей и преподавателей колледжа не использовал его. У меня сразу же возник вопрос: каким образом бенгальское меньшинство студентов интегрировано в общую племенную массу? Например, знают ли бенгальцы кокборок? Каким образом общаются между собой? Как относятся

к смешанным бракам с трипури? Стало очевидно, что для работы в Кхумулынге стоит подготовить вариант анкеты и для бенгальцев.

В ее основу легла анкета, составленная ранее, были изменены блоки вопросов, которые касались непосредственно кокборока и специфических реалий племенной культуры. В бенгальскую анкету добавились вопросы о знании и понимании кокборока, о кастах и выборе брачного партнера. Раз племенная анкета переведена на кокборок, то второй вариант нужно переводить на бенгальский. В мое распоряжение предоставили аспиранта кафедры исследований сельской местности университета Трипуры, бенгальца-мусульманина. Он очень проникся целями и задачами моей работы и сделал несколько ценных замечаний. Его высказывание о том, что, будучи иностранкой, я могу включить в анкету вопросы, которые сами представители разных этнических групп или конфессий не могут задавать друг другу, придало мне уверенности и развеяло многие сомнения. Когда дело дошло до перевода, меня ждало разочарование. Мой помощник использовал Google Translate и получившийся бенгальский текст проверял на благозвучие и понятность. Видя мое недоумение, он объяснил, что умеет печатать по-бенгальски, но требуется это крайне редко, поэтому с гуглом будет проще и быстрее.

В Государственном колледже в Кхумулынге мы с Бхаскаром работали два дня. Ребята, прослушав вводные инструкции, заполняли все сами. Я обратила внимание, что объяснение на кокбороке было заметно длиннее и подробнее, в то время как для бенгальцев Бхаскар ограничился несколькими предложениями. Студенты задавали много вопросов по поводу заполнения, и нам вызвался помочь один из учителей-трипури. С моей стороны здесь было важно обозначить, что при объяснении вопроса нельзя прямым текстом диктовать ответ или наталкивать на него, анкетированный должен был отвечать максимально самостоятельно без навязанного выбора. К сожалению, в первый день приходилось одергивать моих помощников, так как, честно говоря, ответы на некоторые вопросы им, как местным жителям, казались очевидными. Например, в анкете спрашивается: «Сколько языков вы знаете? Перечислите их». Еще на этапе создания анкеты Бхаскар предсказывал, что подавляющее большинство трипури будет отвечать — кокборок, бенгальский, английский и хинди. Именно так сначала и «подсказывали» мои помощники, однако я настояла, что хочу получить ответы именно такие, какими их напишут сами ребята. Во время сбора заполненных анкет я обратила внимание, что многие указывают, что владеют только кокбороком. Я очень удивилась: ведь недавно я выступала на мероприятии в этом колледже и слышала, как со студентами говорили на других языках. Я спросила одного юношу: «Ты написал, что знаешь только кокборок, но как такое может быть? Ты же сейчас понимаешь, что я тебе говорю на хинди?» На что получила такой ответ, также прозвучавший на хинди: «Да, мэм, я вас понимаю, но по-настоящему хорошо я знаю только свой родной язык».

Еще неожиданное открытие я сделала тогда в Кхумулынге. Проходя между рядов и наблюдая за заполнением анкет, вдруг поймала себя на мысли, что индийские первокурсники колледжа ведут себя очень похоже с моими бывшими одиннадцатиклассниками. Дело в том, что я имею пятилетний опыт работы школьной учительницей. Одна из серьезных проблем современного школьника — это неумение дочитать до конца текст или длинное предложение, так называемое «клиповое мышление». Я заметила, что индийских студентов приводила в замешательство в основном не проблема понимания языка, а то, что многие из них не могли с первого раза до конца прочитать предложение и вникнуть в его смысл.

В следующие дни с помощью Бхаскара удалось связаться с кафедрой кокборока университета Трипуры. Мой спутник был очень взволнован и горд, что мы будем работать в его

альма-матер. Кафедра кокборока набирает студентов только на магистерскую программу, и во время анкетирования чувствовалось, что теперь на вопросы отвечают взрослые и более образованные ребята. Было несколько молодых людей, которые прилично говорили по-английски и помогали наладить коммуникацию с остальными студентами. Мой хинди как-то здесь не прижился, все старались обращаться ко мне по-английски, а в случае тотального непонимания — к Бхаскару или однокурсникам с хорошим английским. После анкетирования преподаватели кокборока пригласили нас пить чай, там я им подробно рассказала о работе российско-индийской антропологической экспедиции в Трипуре, о моих задачах на данный момент и поблагодарила за возможность пообщаться со студентами. Доктор Биман Деббарма, лингвист по специальности, сказал, что мне обязательно стоит побывать снова в Кхумулынге и посетить Колледж народной музыки Трипуры (Tripura Tribal Folk Music College, Khumulwng), тем более что его хороший друг там сейчас директор. Конечно, я не могла отказаться от такого приглашения, и мы договорились о дне визита.

Бхаскар также предложил встретиться с его студентами. Оказалось, что он проводит дополнительные занятия у себя дома, для чего даже оборудовал специальную классную комнату. Тогда же я познакомилась с его родителями: папа — банковский служащий, мама — домохозяйка. Пришла и невеста Бхаскара, она врач. Здесь я подробнее узнала о выборе брачного партнера у трипури. Бхаскар и все члены его семьи исповедуют индуизм, а невеста — из семьи христиан-баптистов. Конфессиональная принадлежность никого не смущает, главное условие — быть из одного племени. Еще меня впечатлило обилие книг в доме. Мама угощала запеченным молодым бамбуком и рисом со свининой. А на прощание, вопреки всем стереотипам о традициях Индии, она расцеловала меня в обе щеки, что является необычным даже для племенной культуры. Бхаскар потом стеснялся и очень переживал, как я расценю такой поступок его мамы.

На запланированную встречу со студентами пришло пятнадцать человек, после завершения анкетирования ребята завалили меня вопросами, и мы общались несколько часов. Они все приехали из деревень учиться в Агарталу и никогда не видели иностранцев. А я получила уникальную возможность в неформальной обстановке задать волнующие меня вопросы. Среди студентов был молодой человек с бенгальской фамилией Чоудхури, хотя выглядел как типичный трипури. Оказалось, что в давние времена его семье за какие-то заслуги пожаловали земли в наследственное держание. К сожалению, подробностей парень не знал. В литературе мне не доводилось встречать информацию о таких случаях, но даже если что-то попадалось, без специального пояснения невозможно понять, что за бенгальской фамилией *заминдафа* (помещика) скрывается трипури.

Важным итогом нашей встречи стало предложение Бхаскара и его студентов самостоятельно провести анкетирование в их Мемориальном колледже им. Бир Бикрама. Я, к сожалению, в намеченный день не могла к ним присоединиться: у меня уже были планы в университете Трипуры. Помощники Бхаскара произвели на меня положительное впечатление, поэтому я несколько не сомневалась в успехе мероприятия и легко согласилась.

Пожалуй, самым ярким впечатлением стала поездка в Колледж народной музыки Трипуры. В этот раз в Кхумулынг мы отправились втроем: к нам с Бхаскаром присоединился доктор Биман Деббарма. В колледже нас ждали и подготовили концерт. Я очень волновалась, что после песен и плясок все забудут про мое анкетирование. Меня услышали и решили начать с торжественной части в актовом зале: с речью на кокбороке выступили доктор Сурат Деббарма, директор колледжа, и доктор Биман Деббарма. Когда настала моя очередь, меня предупредили, что говорить много по-английски не имеет смысла — студенты не поймут, если только для

преподавателей. Хинди тоже как-то сразу отвергли. Действительно, мои несколько слов на этих языках не вызвали никакой реакции зала. Мне вручили цветы и повесили на шею *рису* — красный платок с традиционным орнаментом трипури.

Отдельно стоит сказать про форму одежды, принятую в колледже. Девушки одеты в красно-белые полосатые *курты*, на рукавах красные манжеты с традиционным орнаментом, таким же, как на подаренной мне *риге*, на плечах белоснежные воздушные *дупатты* (шарфы), а на ногах — белые, с крупными складками шальвары. Внешний вид молодых людей соответствовал девушкам: черные брюки и красно-белые полосатые рубашки с традиционным орнаментом вдоль пуговиц, но в отличие от женской *курты* полосы — вертикальные, а не горизонтальные. Заполняли анкеты, сидя на полу. Меня удивили близкие отношения между преподавателями и студентами, не ощущалось привычной академической дистанции и чинопочитания. Учителя расположились рядом с ребятами и пытались помочь. Мне, конечно же, пришлось вмешаться и просить не диктовать ответы, а только объяснять смысл вопроса. Хотя все говорили лишь на кокбороке и ко мне почти никто не обращался, в такой дружеской атмосфере с шутками и улыбками время пролетело незаметно. У меня впервые появился шанс самой спокойно собрать анкеты. Дело в том, что когда их сдают, обязательно нужно проверять, на все ли вопросы даны ответы. Мне кажется, это не какая-то индийская специфика — забывчивость и невнимательность вообще свойственны многим людям, особенно тем, кто учится. Среди студентов колледжа были парни 30–35 лет, в других учебных заведениях, где прежде проводилось анкетирование, я ровесников не встречала. Директор колледжа пояснил, что это ребята из отдаленных, часто изолированных деревень, живут крайне бедно, а благодаря государственной программе поддержки у них появилась возможность получить высшее образование. Конечно, знания из деревенской школы не позволяют им поступить на программиста или инженера, но в творческом направлении вполне можно проявить себя. После концерта мне нужно было спешить: это был мой последний день в Трипуре, и вечером я уже улетала в Калькутту.

Сегодня в Трипуре племена составляют всего треть населения, подавляющее большинство представлено бенгальцами. Несмотря на такую статистику, Трипура все-таки — племенной штат. Его культура и история неразрывно связаны с коренными народами и княжеским наследием. Прогуливаясь по широким проспектам Кхумулынга, можно встретить на пересечении дорог огромный монумент: высоко подняв голову, стоит медный махараджа Бир Бикрам Кишор Миникья, который считается «архитектором Трипуры». В его честь названы колледж и университет, его имя получил недавно построенный аэропорт Агарталы. Недалеко от махараджи расположилась аллея борцов за свободу и реформаторов Трипуры — среди них только бюсты выходцев из племен. Аллею торжественно открывал в октябре 2022 г. внук Бир Бикрама. Если продолжить прогулку, то по обеим сторонам дороги можно встретить позолоченные скульптуры сельских жителей в традиционной одежде. Зайдя в кафе, я теперь сразу понимаю, кто хозяин: если трипури, то на стенах обязательно висят портреты махараджей. В Трипуре снимаются фильмы, много каналов на ютубе, есть свои музыкальные группы, и все это культурное многообразие — на языке кокборок. Бхаскар играет на бас-гитаре, вместе с друзьями он создал фолк-бэнд Колома. Такое название парни выбрали не случайно: они хотят, чтобы их аудитория интересовалась историей штата, помнила и гордилась достижениями своего народа. Считается, что когда-то в древности народ трипури имел свою письменность колома, которая потом была забыта.

По итогам анкетирования мы собрали 405 анкет студентов из разных учебных заведений Агарталы и Кхумулынга. Впереди — обработка полученных данных и публикация результатов. Однако уже сейчас можно сказать, что предсказания индийских коллег не сбылись. Даже беглый осмотр анкет дает понять, что студенты далеко не всегда отвечали в соответствии с принятыми стереотипами.

Литература / References

Бандиопадхьяй А. Р., Пежемский Д. В., Алексеев Ю. А., Вагнер-Сапухина Е. А., Чиркова А. Х., Зарипова А. Р., Ключникова Т. Е., Лейбова Н. А., Чаттерджи Д., Чаттерджи Р. Антропологические исследования в Северо-Восточной Индии в 2019 г. (Предварительные результаты). *Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология*. 2022. № 2. С. 49–61 [Bandyopadhyay A. R., Pezhemsky D. V., Alexeev Yu. A., Vagner-Sapukhina E. A., Chirkova A. Kh., Zaripova L. R., Klyuchikova T. E., Leybova N. A., Chatterjee D., Chatterjee R. North-East Indian Anthropological Research 2019 (Preliminary Results). *Moscow University Anthropology Bulletin*. 2022. No. 2. Pp. 49–61 (in Russian)].

Зарипова А. Р. Особенности местного самоуправления в штате Трипура. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 2. С. 130–137 [Lilia R. Zaripova. Some Issues of Tripura Tribal Areas Administration. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. No. 2. Pp. 130–137 (in Russian)].

Казаченко Б. Н. Генетико-демографический подход в антропологических исследованиях. Результаты генеалогического изучения. *Вопросы антропологии*. Выпуск 84. 1990. С. 75–86 [Kazachenko B. N. Genetic-demographic approach in anthropological research. Results of genealogical studies. *Voprosy antropologii*. V. 84. 1990. Pp. 75–86 (in Russian)].

Российско-Индийская антропологическая экспедиция. Фотоальбом. 2018–2020 / Под ред. А. В. Пежемского. М., 2022 [Russian-Indian Anthropological Expedition. Photoalbum. 2018–2020 / Ed. by D. Pezhemsky. Moscow, 2022].

Образцы анкет

Socio-Anthropological Research among non-tribal students, Tripura, India, 2022
Paleoethnology Research Center (Moscow, Russia)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science (Moscow, Russia)

For officials

Date: _____

Research Place: _____

Form Number: _____

এই গবেষণাটি মানুষের গোষ্ঠীর বৈচিত্র্য এবং তাদের জনসংখ্যার বৈশিষ্ট্যগুলি অন্বেষণ করার জন্য পরিচালিত হয়। সংগৃহীত তথ্য তারপর জাতিগত ইতিহাস এবং সামাজিক প্রক্রিয়া অধ্যয়ন করতে ব্যবহার করা হয়। একটি পরিবারের পাঁচ পুরুষের জন্য নিকটাত্মীয়দের সম্পর্কে প্রশ্নগুলি প্রয়োজনীয়। প্রমাণগুলিতে লিঙ্গ, বয়স, জাতি, শিক্ষা, ধর্ম, পেশা, ভাষা এবং পরিবার সম্পর্কে প্রশ্ন রয়েছে। ভুল এড়াতে প্রমাণগুলির নামগুলি প্রয়োজনীয়। ব্যক্তিগত তথ্য আইন অনুযায়ী, আমরা সম্পূর্ণ বেনামী গ্যারান্টি। তথ্য শুধুমাত্র গবেষণার একটি ছোট গ্রুপ উপলব্ধ করা হবে। প্রকাশিত ফলাফলগুলি পরিসংখ্যানগত প্রক্রিয়াকরণের মধ্য দিয়ে যাবে এবং সম্পূর্ণরূপে ব্যক্তিগতকৃত হবে।

(This research is conducted in order to study people groups' diversity and their demographic characteristics. Collected data is then used to study ethnic history and social processes. The questionnaire contains questions about sex, age, ethnicity, education, religion, profession, language, and family. The questions about close relatives are necessary to reconstruct a family tree. The names in the questionnaire are necessary to avoid mistakes. In accordance with personal data laws, we guarantee complete anonymity. The data will be available only to a small group of researchers. The published results will have undergone statistical processing and be completely depersonalized.)

আমাদের উপরের বিষয়বস্তু সম্পর্কে অবহিত করা হয়েছে, এবং আমি প্রশ্ন জিজ্ঞাসা করতে সক্ষম হয়েছি এবং গবেষণার উদ্দেশ্যে প্রদত্ত তথ্য সঠিক হয়েছিল। আমি গবেষণার লক্ষ্য বুঝতে পারি, যা সম্প্রদায়ের সেবা করছে এবং আমাদের মানুষের ইতিহাস অধ্যয়ন করছে। আমি আমার সম্মতি দিয়েছি এবং গবেষণায় অংশগ্রহণ করেছি।

I am informed of the content of the text above, and I was able to ask questions and was satisfied by the researchers' answers. I understand the goal of the research, which is serving the community and studying the history of our people. By that, I give my informed and free consent to my participation in the research.

Signature _____ Date _____ 2022

Full name	SC / ST / OBC / General
Sex/Age	State of birth
Education	District of birth
Religion	Block of birth
Community	Town/Village of birth

Father's name	Father's State of birth
Father's community	Father's District of birth
Father's occupation	Father's Block of birth
Father's religion	Father's Town/Village of birth
Name of father's father	State of birth of father's father
Community of father's father	District of birth of father's father
Occupation of father's father	Block of birth of father's father
Religion of father's father	Town/Village of birth of father's father
Name of father's mother	State of birth of father's mother
Community of the father's mother	District of birth of father's mother
Occupation of father's mother	Block of birth of father's mother
Religion of the father's mother	Town/Village of birth of father's mother
Mother's name	Mother's State of birth
Mother's community	Mother's District of birth
Mother's occupation	Mother's Block of birth
Mother's religion	Mother's Town/Village of birth
Name of mother's father	State of birth of mother's father
Community of the mother's father	District of birth of mother's father
Occupation of mother's father	Block of birth of mother's father
Religion of the mother's father	Town/Village of birth of mother's father
Name of mother's mother	State of birth of mother's mother
Community of mother's mother	District of birth of mother's mother
Occupation of mother's mother	Block of birth of mother's mother
Religion of mother's mother	Town/Village of birth of mother's mother

Date: _____		Research Place: _____		Form Number: _____	
<p>You can use your mother tongue to answer the questions</p> <p>1. How many languages can you speak? Please, mention all of them. (আপনি কত ভাষায় কথা বলতে পারেন? অনুগ্রহ করে উল্লেখ করুন।)</p>					
<p>2. What is your mother tongue? (আপনার মাতৃভাষা কি?)</p>					
<p>3. What language do you use with your parents? (আপনি আপনার পিতামাতার সাথে কোন ভাষায় কথা বলেন?)</p>					
<p>4. What language do you use with your friends? (আপনি আপনার বন্ধুদের সাথে কোন ভাষায় কথা বলেন?)</p>					
<p>5. Do you understand kokborok language? (আপনি কি kokborok ভাষা বুঝতে পারেন?) Yes / No</p>					
<p>6. Can you speak kokborok language? (আপনি কি kokborok ভাষায় কথা বলতে পারেন?) Yes / No</p>					
<p>7. Which identity would you put first? (কোন পরিচয়টি আপনি প্রথমে রাখবেন?) 1) I'm Indian; 2) I'm Bengali; 3) Other, please, write your option: _____</p>					
<p>8. What caste do you belong to? 1) My caste is _____ 2) I don't want to tell; 3) I don't know; 4) I don't believe in caste system</p>					
<p>9. Do you think that marriage to another community person is okay? 1) Yes, for everybody; 2) Yes, it is okay for others, but not for our people; 3) No, it is not okay; 4) Other, please, write your option _____</p>					
<p>10. Do you think that Hindu-Christian marriage is acceptable? Yes / No</p>					
<p>11. Do you think that Hindu-Muslim marriage is acceptable? Yes / No</p>					
<p>12. Do you think that Muslim-Christian marriage is acceptable? Yes / No</p>					
<p>13. Do you think that marriage between Tribal and Bengali people is acceptable? Please, explain your choice. Yes / No</p>					

<p>14. Do you think that marriage between upper and lower castes is acceptable? Please, explain your choice. Yes / No</p>	
<p>15. Do you feel that the customs and traditions of your family should have some changes? (আপনি কি মনে করেন যে আপনার পরিবারের রীতিনীতিতে কিছু পরিবর্তন দরকার?) Yes / No If yes, what do you want to change?</p>	
<p>16. Do you think that arranged marriage is better than love marriage? Yes / No</p>	
<p>17. If you have free choice would you like to live in a joint family (যৌথ পরিবার) or in a nuclear family (জোট পরিবার)? 1) Joint (যৌথ পরিবার); 2) Nuclear (জোট পরিবার); 3) No preference (কোন অগ্রাধিকার নেই)</p>	
<p>18. What do you prefer? 1) Rural life; 2) City life 3) Doesn't matter</p>	
<p>19. Where do you prefer to live in case you are given free choice? (আপনি কৈথায় বাস করতে চান, আপনি চান করতে পারেন?) 1) Within own community (নিজ সম্প্রদায়ের মধ্যে); 2) Outside your own community (নিজের সম্প্রদায়ের বাইরে); 3) Mix society</p>	
<p>20. Have your family faced with any of the following migrations: 1) From outside Tripura (ত্রিপুরার বাইরে থেকে) 2) From rural to urban in Tripura 3) From urban to rural in Tripura 4) No</p>	
<p>21. Do you believe in magic and supernatural power? 1) Yes 2) No 3) I don't know</p>	
<p>22. Are you interested in politics? Yes / No</p>	
<p>23. Which political party do you support? 1) I'm not interested in politics; 2) I don't know; 3) BJP; 4) CPI (M); 5) TIPA Motha; 6) INC (Congress); 7) Other (please, write your option) _____</p>	

For officials.		
Date:	Research Place:	Form Number:
24. Which form of government in your opinion is the best? (আপনির মতে কোন ধরনের সরকার সবচেয়ে ভালো?) 1) Monarchy; 2) Democracy; 3) Communist form of government; 4) Dictatorship; 5) Other (please, write your option) _____ 6) I don't know		
25. How can you describe your family category? 1) Higher income group; 2) Middle income group; 3) Lower income group		
26. What Tripura society do you want to see? 1) Mix of your culture with other cultures; 2) Maintaining of uniqueness and purity in your culture; 3) Adoption of cultural items suitable to your culture; 4) I don't know		
27. Do you like to speak in languages other than your mother tongue? (আপনি কি আপনার মাতৃভাষা ছাড়া অন্য ভাষায় কথা বলতে পছন্দ করেন?) Yes / No		
28. What kind of music do you usually listen to? (আপনি সাধারণত কি ধরনের গান শোনেন?) 1) Hindi; 2) English; 3) Bengali; 4) Tribal folk; 5) Different music; 6) I don't like music; 7) Other (please, write your option) _____		
29. What language do you usually watch films and TV shows in? (আপনি সাধারণত কোন ভাষায় সিনেমা এবং টিভি শো দেখেন?) 30. What language do you usually read books? (আপনি সাধারণত কোন ভাষায় বই পড়েন?) 1) English; 2) Hindi; 3) Bengali; 4) Kokborok; 5) Other, please, write your option _____ 6) I don't like reading		
31. What language do you write comments on facebook or instagram? 1) English; 2) Hindi; 3) Bengali; 4) Kokborok; 5) Other, please, write your option _____ 6) I don't use facebook or instagram		

Are you married/engaged?	
Yes	No
Marriage age	Do you have a boyfriend / girlfriend? 1) Yes; 2) No; 3) I don't want to tell you
Is it love or arranged marriage?	If you have a boyfriend/girlfriend, he/she is from your community? 1) Yes; 2) No
Your spouse's name	
Your spouse's marriage age	
Your spouse's place of birth	
Your spouse's community	
Your spouse's religion	
Your spouse's father's name	
Your spouse's mother's family name	
Do you have children? How many?	

Socio-Anthropological Research among tribal students, Tripura, India, 2022
Paleoethnology Research Center (Moscow, Russia)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science (Moscow, Russia)

For officials	
Date:	Form Number:
Research Place:	

Paleoethnology Research Center (Moscow, Russia) bal Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science (Moscow, Russia) bwlhakwi "Socio-Anthropological Research among tribal students, Tripura, 2022" rutukrwk samungni bagwi Tripuri/Tiprasa lukubosongrwk borokni tongdal gwrwingrokno naichermung. Rutukrwk kokthumrok mamnariokno samungo phwangjaknai. Swngmung laini bisingtwi Tripuri/Tiprasa lukubosongni borokrokni nok-nukhungni tei borokni sandai bedekrokno chierwi-khalwi naiphimai. Norokni sinimung tei norokni sak balhangni tei sandairokni sinimung yaphamanino chwing kok mukumu narwkaai. Rutukrwk kokthum mamnariokno chini mothani bising tei rutukrwkphangrokni bising simino tonjaknai.

(This research is conducted in order to study people groups' diversity and their demographic characteristics. Collected data is then used to study ethnic history and social processes. The questionnaire contains questions about sex, age, ethnicity, education, religion, profession, language, and family. The questions about close relatives are necessary to reconstruct a family tree. The names in the questionnaire are necessary to avoid mistakes. In accordance with personal data laws, we guarantee complete anonymity. The data will be available only to a small group of researchers. The published results will have undergone statistical processing and be completely depersonalized).

Sakani sakhwaiamungni bisingtwi o rutukrwk samung bwiangni kokbohomano rutukrwai/rutukrwkphang ano swrai swaiktke sainmariktha tei ang o rutukrwk samungni naharmungno sainankha. Chini Tiprasani laibunanno tei Tiprasa dophani hamkwrai bagwi hinwi. Ang o rutukrwk samungni bagwi ani saimamniswk jorawti khasamung tei chubamung tinal.

I am informed of the content of the text above, and I was able to ask questions and was satisfied by the researchers' answers. I understand the goal of the research, which is serving the community and studying the history of our people. By that, I give my informed and free consent to my participation in the research.

Signature _____ Date _____ 2022

Full name	SC / ST / OBC / General
Sex/Age	State of birth
Education	District of birth
Religion	Block of birth
Community	Town/Village of birth

Father's name	Father's State of birth
Father's community	Father's District of birth
Father's occupation	Father's Block of birth
Father's religion	Father's Town/Village of birth
Name of father's father	State of birth of father's father
Community of father's father	District of birth of father's father
Occupation of father's father	Block of birth of father's father
Religion of father's father	Town/Village of birth of father's father
Name of father's mother	State of birth of father's mother
Community of the father's mother	District of birth of father's mother
Occupation of father's mother	Block of birth of father's mother
Religion of the father's mother	Town/Village of birth of father's mother
Mother's name	Mother's State of birth
Mother's community	Mother's District of birth
Mother's occupation	Mother's Block of birth
Mother's religion	Mother's Town/Village of birth
Name of mother's father	State of birth of mother's father
Community of the mother's father	District of birth of mother's father
Occupation of mother's father	Block of birth of mother's father
Religion of the mother's father	Town/Village of birth of mother's father
Name of mother's mother	State of birth of mother's mother
Community of mother's mother	District of birth of mother's mother
Occupation of mother's mother	Block of birth of mother's mother
Religion of mother's mother	Town/Village of birth of mother's mother

For officials.	
Date:	Form Number:
<p>Khamani swngmungrokni kokphroknung sak baithangni kok ama (mother tongue) bai swidi. (Kaihwswk kok bai nwing kok saiuiam? Aborokno khamao swiwi ridi.)</p>	
<p>2. What is your mother tongue? (Nini kokama tamo?)</p>	
<p>3. What language do you use with your parents? (Nini ma-pha bo kokbai koklam salai?)</p>	
<p>4. What language do you use with your friends? (Nini kiching tei nuresongbai bo kok bai koklam salai?)</p>	
<p>5. Which identity would you put first? (Nini sinimungo bobono swkang/pullao nwing tinai eba toninai?)</p>	
<p>1) I'm Indian; 2) I'm Tripuri; 3) Other, please, write your option: _____</p>	
<p>6. If your native language is Kokborok, please, name the dialect (clan) you speak: (Nini Kokama Kokborok hinkhe, nini kokdek bobo)</p>	
<p>1) I don't know; 2) I'm not sure; 3) My dialect (clan) is _____</p>	
<p>7. Do you think that marriage to a non-your community person is okay? (Kubun dophani borok bai kajakmani rwksau nini gosimung tei naharmung tamo?)</p>	
<p>1) Yes, for everybody; 2) Yes, it is okay for others, but not for our people; 3) No, it is not okay; 4) Other, please, write your option _____</p>	
<p>8. Do you think that Hindu-Christian marriage is acceptable? (Hodia Hindu-Christian tongharni bising kailaimani gosimung mano de?)</p>	
<p>Yes / No</p>	
<p>9. Do you think that Hindu-Muslim marriage is acceptable? (Hodia Hindu-Muslim tongharni bising kailaimani gosimung mano de?)</p>	
<p>Yes / No</p>	
<p>10. Do you think that Muslim-Christian marriage is acceptable? (Hodia Muslim-Christian tongharni bising kailaimani gosimung mano de?)</p>	
<p>Yes / No</p>	
<p>11. Do you think that marriage between Tribal and Bengali people is acceptable? Please, explain your choice. (Tripuri dophai bai wanjwi dophani bising kajaklaimani rwksau nini gosimung tei naharmung tamo sukhunbwi).</p>	
<p>Yes / No</p>	

<p>12. Do you think that marriage between different tribal communities is acceptable? Please, explain your choice. (Tripuri dophai bai tei kubun trabai(mukhuk) dophani bising kajaklaimani rwksau nini gosimung tei naharmung tamo?)</p>	
<p>13. Do you feel that the customs and traditions of your family should have some changes? (Nini khakamanitwi nini nok-nukhungni melatda tei tongraidarokno kksasa swaijaknai tongo ahalde matong?)</p> <p>If yes, what do you want to change?</p> <p>Yes / No</p>	
<p>14. Do you think that arranged marriage is better than love marriage? (Nini wansukmanitwi hamjagwi kajakmaniswai kok swnglaiwi kajakmani de chakhuk?)</p> <p>Yes / No</p>	
<p>15. If you have free choice would you like to live in a joint family or in a nuclear family? (Norokni nukhungo saborokhai tong — ma-pha bai simi de(nuclear) eba ma eba phani sandaisang bai palthe (joint) ?)</p> <p>1) Joint; 2) Nuclear; 3) No preference</p>	
<p>16. What do you prefer? (Bobo ahal tonghaint tongkhorno chajakkuk?)</p> <p>1) Rural life; 2) City life 3) Doesn't matter</p>	
<p>17. Where do you prefer to live in case you are given free choice? (Nini muchungwi saiwi naharnani rijakkhai bobo ahalo tongrani muchung?)</p> <p>1) Within own community; 2) Outside the own community; 3) Multicommunal society</p>	
<p>18. Have your family faced with any of the following migrations: (Norokni Tripura lukubosongo phatar hani teikubun dophani borok tongghaimani de mukjak?)</p> <p>1) From outside Tripura 2) From rural to urban in Tripura 3) From urban to rural in Tripura 4) No</p>	
<p>19. Do you believe in magic and supernatural power? (Muwani tei hamung sinia phammo putu thango de?)</p> <p>1) Yes 2) No 3) I don't know</p>	
<p>20. Are you interested in politics? (Pliticsno nwing chajago de?)</p> <p>Yes / No</p>	
<p>21. Which political party do you support? (Bo mothano nwing chajak?)</p> <p>1) I'm not interested in politics; 2) I don't know; 3) BJP; 4) CPI (M); 5) Tipra Motha; 6) INC (Congress); 7) Other (please, write your option) _____</p>	

For officials.		
Date:	Research Place:	Form Number:
22. Which form of government in your opinion is the best? (Bobhai haplang tongraidano nini khakanungtwi chajakkuk?) 1) Monarchy; 2) Democracy; 3) Communist form of government; 4) Dictatorship; 5) Other (please, write your option) _____ 6) I don't know		
23. How can you describe your family category? Nini Nukhungni rangthong ajimungno khamani bo tonghotosolo kwlai? 1) Higher income group; 2) Middle income group; 3) Lower income group		
24. What Tripura society do you want to see? (Tabuk wngtonglorani hodarwk bo tonghalokno chajakkuk?) 1) Mix of your culture with other cultures; 2) Maintaining of uniqueness and purity in your culture; 3) Adoption of cultural items suitable to your culture; 4) I don't know		
25. Do you like to speak in languages other than your mother tongue? (Sakni Kokamano karwi rei kubun bosongni kok bai kok sana hamjago de?) 1) Yes; 2) No		
26. What kind of music do you usually listen to? (Bo kokni rwchapmungkroknong khwnakuk?) 1) Hindi; 2) English; 3) Bengali; 4) Tribal folk; 5) Different music; 6) I don't like music; 7) Other (please, write your option) _____		
27. What language do you usually watch films and TV shows in? (Awainukkhok rei tokey naphuru bo kok bai najakkuk?)		
28. What language do you usually read books? (Bijaprok porinaphuri bo kokbai swijakno nwing nai?) 1) English; 2) Hindi; 3) Bengali; 4) Kokborok; 5) Other, please, write your option _____ 6) I don't like reading		
29. What language do you write comments on facebook or instagram? (Social mediani Facebook eha Instagramo bo kok bai sathairokno swi?) 1) English; 2) Hindi; 3) Bengali; 4) Kokborok; 5) Other, please, write your option _____ 6) I don't use facebook or instagram		

Are you married/engaged?	
Yes	No
Marriage age	Do you have a boyfriend/girlfriend? 1) Yes; 2) No; 3) I don't want to tell you
Is it love or arranged marriage?	If you have a boyfriend/girlfriend, he/she is from your community? 1) Yes; 2) No;
Your spouse's name	
Your spouse's marriage age	
Your spouse's place of birth	
Your spouse's community	
Your spouse's religion	
Your spouse's father's name	
Your spouse's mother's family name	
Do you have children? How many?	

Иллюстрации к статье:

Н. В. Лаврентьев. Первые царские сыновья Куша и их предшественники

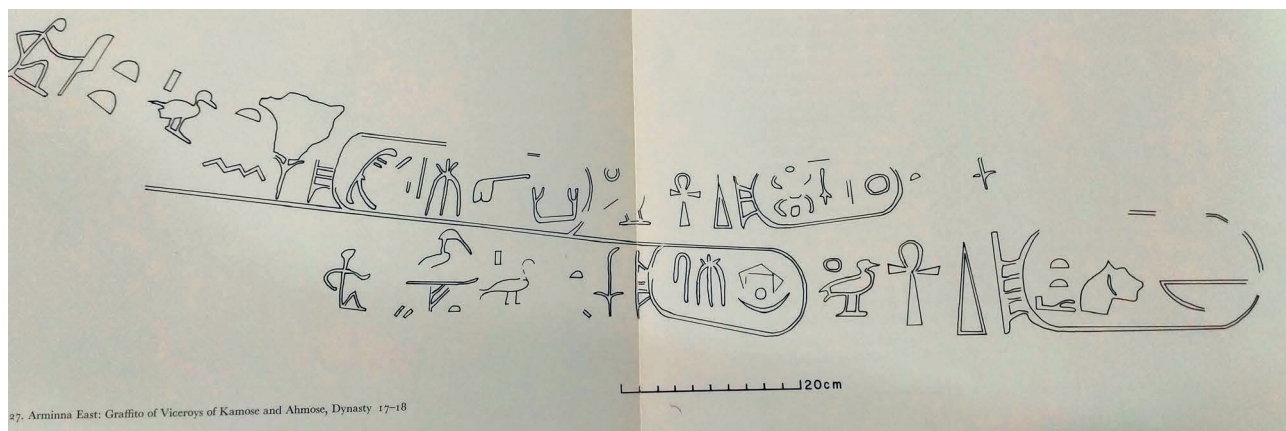

Рис. 1. Надписи царских сыновей. Восточная Арминна [Simpson, 1963, pp. 34-46, fig. 27, pl. XVIIb]

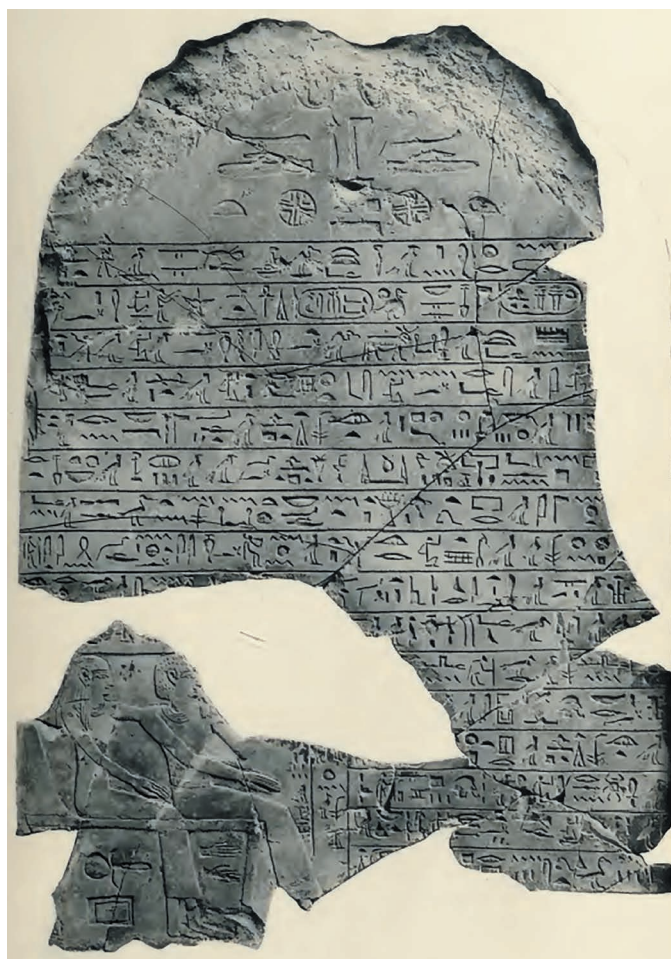
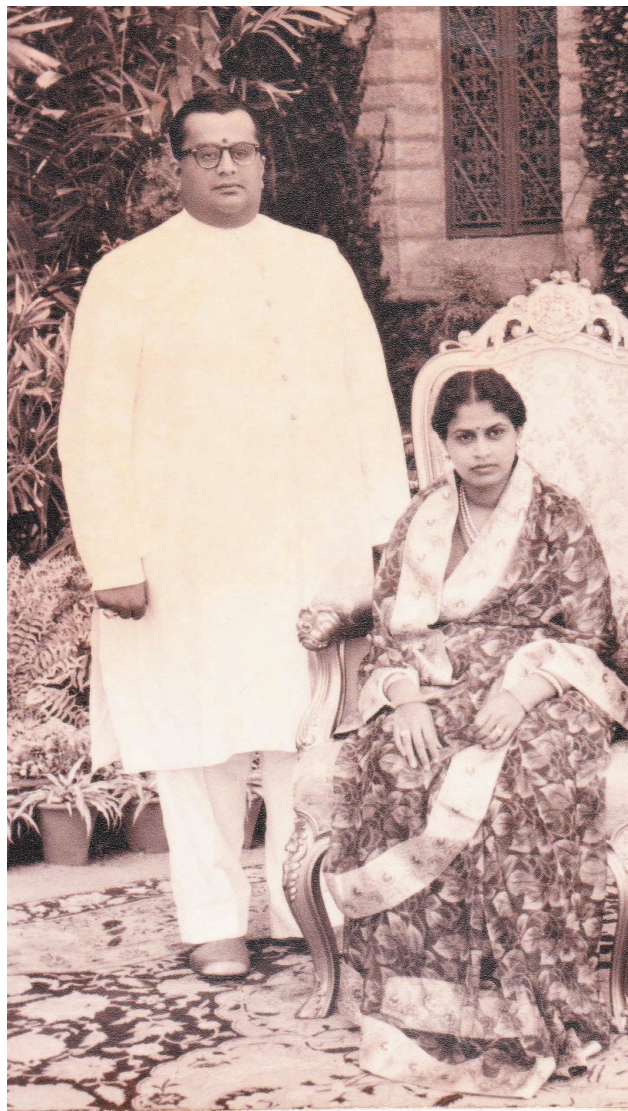

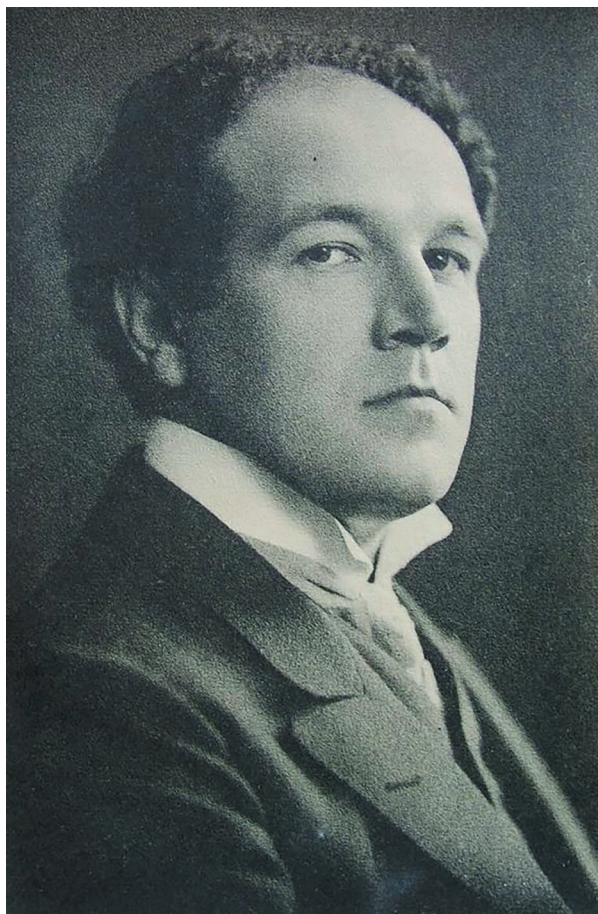
Рис. 2. Стела Хонсумуасета [Stele Kairo J.d'E. 38917]

Иллюстрации к статье:

Т. Н. Загородникова. Русский композитор и индийский махараджа

*Махараджа Джаячамараджendra (1919–1974),
25-й князь Майсура из династии Водеяр
с супругой Трипурой Сундари Амmani*

Николай Карлович Метнер (1879/80–1951)

Иллюстрации к статье:
Л. А. Васильева. Выдающийся филолог Индии Ш. Р. Фаруки

Шамсур Рахман Фаруки (1935–2020)

Иллюстрации к статье:
Л. Р. Зарипова. Трипура: полевые исследования в штате Северо-Восточной Индии

Государственный колледж в г. Кхумулынге

Мемориальный колледж им. Бир Бикрама в г. Агартала

Со студентами кафедры кокборока университета Трипуры

Колледж народной музыки Тринуры в г. Кхумулынге

Колледж народной музыки Трипуры в г. Кхумулынге

Скульптура «деревенские жители» в г. Кхумулынге

Махараджа Бир Бикрам Кишор Маникья, статуя в г. Кхумулынге

Фolk-группа Колома (Колота). Слева направо: Бхаскар Деббарма, Шимуль Деббарма, Румио Деббарма

Портреты махараджей в кафе г. Кхумулынга

Дворец Уджаянта, г. Агартала

**ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕЛЬДЖУКСКИЙ
ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ: ИРАН
(II. ULUSLARARASI SELÇUKLU TARİHİ COĞRAFYASI
İRAN SEMPOZYUMU),
13–15 октября 2022 г.**

© 2023

В. В. Прудников¹

Обзор посвящен «Второму международному сельджукскому историко-географическому симпозиуму: Иран (II. Uluslararası Selçuklu Tarihi Coğrafyası İran Sempozyumu)», который проходил 13–15 октября 2022 г. в г. Конья (Турецкая Республика) на базе Центра исследований сельджукской культуры и цивилизации университета им. Наджметтина Эрбакана (Selçuklu Kültür Ve Medeniyeti Uygulama Ve Araştırma Merkezi Necmettin erbakan üniversitesi) при поддержке Турецкого исторического общества (Türk Tarih Kurumu) и сельджукского муниципалитета г. Конья (Selçuklu Belediyesi Konya). Данное мероприятие проводится регулярно, традиционно получает широкое освещение в турецких средствах массовой информации и всякий раз вызывает большой общественный резонанс. Предыдущий симпозиум (Uluslararası Selçuklu Tarihi Coğrafyası Suriye-Filistin–Irak Sempozyumu) проходил 25–27 октября 2019 г. и был посвящен изучению актуальных вопросов истории сельджуков в регионах Ирака, Сирии и Палестины.

Ключевые слова: Турция, Конья, тюрки-сельджуки, государство Великих Сельджукидов, Иран

Для цитирования: Прудников В. В. Второй международный сельджукский историко-географический симпозиум: Иран (II. Uluslararası Selçuklu Tarihi Coğrafyası İran Sempozyumu), 13–15 октября 2022 г. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 2. С. 131–135. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-131-135

**SECOND INTERNATIONAL SELJUK HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL
SYMPOSIUM: IRAN (II. ULUSLARARASI SELÇUKLU TARİHİ COĞRAFYASI
İRAN SEMPOZYUMU), October 13–15, 2022**

V. V. Prudnikov

The review is devoted to the «Second International Seljuk Historical and Geographical Symposium Iran (II. Uluslararası Selçuklu Tarihi Coğrafyası İran Sempozyumu)», which was held on October 13–15, 2022 in Konya (Republic of Turkey) on the basis of the Center for Research on Seljuk Culture and Civilization of the University of Necmettin Erbakan (Selçuklu Kültür Ve Medeniyeti Uygulama Ve Araştırma Merkezi Necmettin Erbakan Üniversitesi) with the support of the Turkish Historical Society (Türk Tarih Kurumu) and the Seljuk

¹ Прудников Виталий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; gviskar@mail.ru
Vitaly V. Prudnikov, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS; Moscow; gviskar@mail.ru
ORCID: 0000–0002–0355–2324

Municipality of Konya (Selçuklu Belediyesi, Konya). This event is held regularly, traditionally receives wide coverage in the Turkish media and every time causes a great public outcry. The previous Symposium (Uluslararası Selçuklu Tarihi Coğrafyası Suriye-Filistin–İrak Sempozyumu) was held on October 25–27, 2019 and was devoted to the study of topical issues in the history of the Seljuks in the regions of Iraq, Syria and Palestine.

Keywords: Turkey, Konya, Seljuk Turks, Great Seljukid State, Iran

For citation: Prudnikov V. V. Second International Seljuk Historical and Geographical Symposium Iran (II. Uluslararası Selçuklu Tarihi Coğrafyası İran Sempozyumu), October 13–15, 2022. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 2. Pp. 131–135. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-131-135

13 октября 2022 г. был торжественно открыт «Второй международный симпозиум по сельджукской исторической географии: Иран» на базе Центра исследований сельджукской культуры и цивилизации Университета им. Наджметтина Эрбакана (далее — УНЭ) при поддержке Турецкого исторического общества и Сельджукского муниципалитета г. Конья — исторической столицы государства Сельджукидов Рума (Малая Азия).

На церемонии открытия выступили с приветственным словом к участникам симпозиума мэр муниципалитета Сельчуклу Ахмет Пекйатырмаджи, ректор УНЭ профессор Джем Зорлу, декан факультета изобразительных искусств УНЭ профессор Ахмет Чайджи.

В основную тему симпозиума его организаторы включили ряд более конкретных направлений для изучения Ирана в период господства сельджуков, а именно географическое положение региона в сельджукский период; исторический курс региона в период сельджуков; политические движения в регионе и социальная жизнь региона в период сельджуков; экономическое положение региона в сельджукский период; развитие науки и общественной мысли; религиозная жизнь; культура и искусство; города и их развитие.

Были заявлены следующие цели симпозиума: установление связи между фактической историей сельджуков и географией Ирана; определение географических границ государства Великих Сельджукидов, которые берут начало в Центральной Азии и простираются до Средиземноморья; определение хронологических рамок сельджукского периода в истории Ирана и выявление его культурного наследия; рассмотрение процессов миграции кочевых тюркских племен на территорию Ирана и их взаимодействие с местным населением в XI в. Планировалось рассмотреть все аспекты борьбы сельджуков за политическое господство в этом регионе, который занимает важное место в истории формирования государства Великих Сельджукидов и истории их приобщения к исламской культуре.

В данном обзоре мы предлагаем остановиться на некоторых привлечших внимание автора докладах из более чем семидесяти зачитанных на конференции.

В частности, на первой сессии, проходившей под руководством профессора Хайри Эртена, профессор университета Муглы Мурат Кешпик раскрыл важную тему восприятия тюрков-сельджуков в византийской традиции. Профессор Абдулла Кая рассмотрел в своем докладе вопросы управления городом при сельджуках. Преподаватель университета Карабюк Мурат Агари проанализировал данные о регионах Ирана и Кермана, содержащиеся в работах представителей географической школы древнейшего города мира Балха.

Вторая сессия прошла под руководством профессора университета Болу им. Абант Иззета Байсала Ахмета Очака. Профессор Салахаттин Догуз предложил новый взгляд на проблему альянса крестоносцев Запада против сельджуков Ирана. Профессор УНЭ Мустафа Аккуш и его коллега профессор Иззетула Зеки представили совместный доклад о влиянии визиря Саада аль-Мулька на борьбу сельджукского султана Мухаммада Тапара с батинитами, которые

больше известны в западной историографии как исмаилиты или ассасины. В продолжение данной темы Айшенур Юнал взял на себя труд исследовать роль и значение батинитов в Иране на излете господства Сельджукидов. Назмие Акбаш прояснил ситуацию, сложившуюся вокруг одного из основных течений ислама — шиизма в городе Рей при сельджуках.

Третья сессия прошла под председательством профессора Мустафы Йылдырыма. Профессор кафедры истории искусств факультета литературы Университета Ататюрка Ахмет Али Байхан посвятил свой доклад вкладу Великих Сельджуков в развитие архитектуры тюркских гробниц-мавзолеев (тюрбе) в Иране. Профессор университета Сакарья Чандан Немлиоглу совместно с доктором Мерчаном Хусейни представили совместный доклад об исследовании традиций художественной обработки древесины Анатолии и Ирана с XIII по XVII в. на материале убранства соборной мечети в г. Абьянех провинции Исфахан. Доктор Мухаммет Арслан из Университета Кавказ поведал собравшимся участникам симпозиума об архитектурном и культурном наследии сельджуков в Ани, одном из важнейших центров исторической области Закавказья — Аррана. Ведущий эксперт по исламскому декоративно-прикладному искусству доктор Серап Экизлер Сонмез прекрасно продемонстрировала связь известного геометрического узора мавзолея Гунбад-и-Кабуд, также известного как «Голубая башня», построенного турками-сельджуками в 1196–1197 гг. на северо-западе Ирана, с узором медресе Каратай в Конье. Она провела аналогии с орнаментацией известного как «Свиток Топкапы» средневекового тюркского манускрипта, предложив двухуровневую систему рассмотрения композиции его художественного оформления.

На заключительной четвертой сессии, модератором которой выступил профессор университета Сельчук Али Темизель, были заслушаны доклады по сельджукскому периоду истории в Иране. Профессор университета Тебриз Аббас Гадими Гейдари рассмотрел новые подходы и критику современной сельджукской историографии. Профессор Асадолла Вахед рассказал о школах и образовательных центрах в Иране в период господства сельджуков. Необходимо отдельно отметить доклад Хадидже (Зохре) Басери — хранительницы и заведующей отделом печатей и монет Национального музея Ирана в Тегеране, представившей результаты изучения истории монетных дворов в сельджукскую эпоху. Ее доклад позволил существенно уточнить историю государства Великих Сельджукидов как раннефеодальной державы, а также наиболее крупных городов — центров денежной эмиссии, особенности экономической истории и денежного обращения, а также исторических предпосылок возникновения династии сельджукских правителей.

14 октября первую сессию под председательством профессора Абдурахмана Озкана открыл доклад профессора Сейфуллы Коркмаза, посвященный развитию турецкого языка при Великих Сельджукидах. Доцент факультета теологии УНЭ доктор Мурат Тала раскрыл место и значение арабской литературы сельджукского периода. Доцент университета Карабюк доктор Шерифе Агари предложила оригинальную трактовку восхвалений султана Санджара в одах османского поэта и историка XV в. Энвери.

В начале второй сессии доктор Ибтихаль Адель Ибрагим представил результаты исследования географии населения Ирана в сельджукский период. Профессор Мэйсун Танун Аль-Абайджи рассмотрел основной труд арабского историка Ибн ал-Асира «Аль-Камиль фи ат-Тарих» как источник по изучению истории сельджуков на первом этапе их появления в Иране. Профессор Дарвиш Юсеф поведал присутствующим об условиях развития западно-иранских городов во время правления сельджукского султана Тутрула III (571–590 гг. хиджры / 1175–1193 гг. н. э.). Завершил

сессию доклад профессора Хишама Савади Хашема о географическом значении военных вотчин в эпоху сельджукского Ирана.

Третья сессия под председательством профессора университета Кахраманмараш Селахадина Догуша была посвящена вопросам истории городских центров. В этой связи стоит отметить работу доктора Дерьи Копшун и Алейны Дурмуш о борьбе сельджуков и газневидов за власть и политическое господство в Герате. Значительный интерес вызвали доклады по истории иранского города Кашан Явуза Делибалты и Месута Ситака о таких важных элементах городской застройки Хорасана, как пригород (рабат), собственно сам город (шахристан) и замок (кухендиз).

Четвертая сессия под руководством профессора Фикрета Карапынара стала достойным продолжением темы исследований по сельджукскому периоду истории Ирана. Доктор Бетюль Герер в своем докладе уделила основное внимание вопросам развития суфийской поэзии Ирана и Анатолии. Доктор Мустафа Ясин Акбаш сделал сообщение о литературе хадисов сельджукского периода, а его коллега доктор Халиль Ибрагим Доган поведал об эрудиции мудрого визиря Великого Сельджукского Государства Низам уль-Мулька в области хадисов. Марьям Кучаки Шалмани представила на суд собравшихся свои размышления о личности одного из легендарных сельджукских султанов — Тутрул-бея.

В начале пятой сессии был представлен совместный доклад доктора Настарана Делжавана и профессора Керима Чинара, посвященный анализу пространственного расположения иранских и анатолийских караван-сараев сельджукского периода. Доктор Мустафа Айлар поведал о структуре иранского города Рей, а его коллега доктор Исмет Бурак Батыр — о персидских замках в период правления сельджуков согласно «Фарсنامه» Ибн ал-Балхи. В заключение австралийский ученый доктор Ману П. Собти представил доклад на тему «Предшественники сельджукской архитектуры в Центральной Азии — форма и пространство в гробнице султана Санджара в Мерве».

Неменьший интерес представляли заседания сессий в салоне «В» 13 октября 2022 г. Профессор Ахмет Очак в своем выступлении рассказал об основании Нишапурской школы суфизма и ее представителях в период господства сельджуков. Доктор Иззетулла Зеки совместно с доктором Мустафой Аккушем провели идентификацию и оценку артефактов, принадлежавших великим сельджукским султанам. Доктор Али Дадан поделился своими изысканиями о попытках связать нитями предполагаемого родства легендарного короля Афрасиаба и династию Сельджукидов.

Вторая сессия почти целиком была посвящена вопросам экономической составляющей жизни Ирана и проблемам, связанным с историей средневековой морской торговли, а также состоянием портов Ирана в сельджукский период. В частности, профессор Мухаррем Кечик представил данные о существовавших в сельджукскую эпоху рудниках, а Филиз Текер — о торговле в Исфахане.

На третьей сессии были заслушаны доклады по исследованиям в области интеллектуального развития в Иране при сельджуках. Темой доклада профессора Ихсана Аль-Дика стал анализ послания Низам аль-Мулька своему сыну Фахру аль-Мульку, направленный на изучение истоков законотворческих основ первых сельджукских визирей. Профессор Мохаммед Бакр Аль-Буджи поведал об этапах развития арабской поэзии в эпоху сельджуков. Профессор Машур Хабузи представил доклад на тему «Школа и ее влияние на интеллектуальные изменения: имам Аль-Газали и Ибн Аль-Джаузи как модель». Профессор Шавкат Ариф Мохаммед рассказал об особенностях научного подъема в городе Исфахан в период правления сельджукского султана Маликшаха (465–485 гг. хиджры / 1073–1092 гг. н. э.).

В начале четвертой сессии был заслушан доклад профессора Тюркера Уйгура о месте и значении иранской провинции Фарс под властью Великих Сельджукидов. Доктор Мурат Акбаш представил краткий обзор истории города Тус с 1040 по 1161 г. В заключение были заслушаны доклады по истории одного из регионов Западного Ирана — Джибаль. В частности, доктор Ибрагим Гюнеш поведал об утверждении власти сельджуков над одноименной провинцией, а Окан Кюсгюн представил историю важного городского центра Нихавенда в период правления сельджуков.

Первую сессию секции «В» 14 октября 2022 г. открыли доклады профессора Тахира Оручева о социальной, гражданской и религиозной жизни Ирана в период сельджуков, Джахонгира Остонова — о политической ситуации в Мавераннахре и Хорасане накануне установления власти сельджуков и Хусниддина Мамадалиева — о роли «Рахат Ас-Судур» Раванди в освещении событий на территории Узбекистана, связанных с сельджукским периодом.

На второй сессии доктор Мехмет Шимшир и его коллега Зейнеп Сезер сделали доклад о формировании новых военно-политических центров в Иране в период правления султана Алп-Арслана (1063–1073). Доктор Мевлют Гюнлер рассказал о столицах эмиратов, входивших в состав государства Великих Сельджукидов, и их внешней политике. Доктор Пынар Кайа Тан рассмотрела историю Великих Сельджукидов согласно данным средневекового источника «Târihu'l-Vüzerâ». Доктор Мелек Гёксу Эрдегер проследила судьбу сельджукского султана Алаэддина Кейкубада, который был сослан в Исфахан.

На заключительных сессиях были представлены не менее интересные доклады. Так, профессор Али Темизель рассказал о восприятии известным средневековым поэтом Низами Гянджеви правления сельджуков в Хорасане. Доктор Озкан Дайи сделал сообщение о состоянии науки и литературы в сельджукском эмирате Кермана. Доктор Надир Баштюрк описал жизнь суфиев в Нишапуре во времена Великих Сельджукидов.

По итогам двухдневных сессий состоялось общее торжественное заседание, на котором выступили представители организаторов и участников симпозиума. Они высоко оценили уровень проведения конференции и качество заслушанных докладов.

Следует отметить, что не только в г. Конье, но и в г. Москве становится доброй традицией проводить конференции подобного уровня. В 2016 г. благодаря усилиям сотрудников Отдела истории Востока ИВ РАН и поддержке Российско-турецкого УНЦ РГГУ, Посольства Турецкой Республики в Москве, а также Сельджукского муниципалитета г. Конья впервые прошли выставка и симпозиум, посвященные культурному наследию сельджуков. В настоящий момент Отделом истории Востока ИВ РАН ведется подготовка к проведению второго и последующих «сельджукских» симпозиумов.

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-136-156

**К 100-ЛЕТИЮ НАФТУЛЫ АРОНОВИЧА ХАЛФИНА:
(НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1971–1987 гг.)
СТАТЬЯ ВТОРАЯ**

© 2023

Н. З. Мосаки¹

Настоящая работа продолжает серию статей, посвященных 100-летию выдающегося советского историка и востоковеда Нафтулы Ароновича Халфина. В настоящем биобиблиографическом очерке представлен анализ его деятельности за 1971–1987 гг., то есть после назначения заведующим сектором Института востоковедения АН СССР. В статье отражены сведения об Отделе историко-культурных проблем Советского Востока, в который входил Сектор исторических и культурных взаимоотношений советского и зарубежного Востока в новое и новейшее время.

С учетом профиля нового подразделения научные интересы Н. А. Халфина в этот период сдвигаются с проблем колониализма опять на вопросы Средней Азии и Афганистана, которыми он начинал заниматься в Ташкенте. С 1970-х годов он опубликовал ряд монографий и большое количество статей о различных аспектах истории этого региона, продолжал писать рецензии на советские и зарубежные публикации.

Халфин внес существенный вклад в изучение биографии выдающегося русского востоковеда Н. В. Ханыкова.

Афганская тематика, которой были посвящены множество трудов Н. А. Халфина, в том числе и популярного характера, становится особенно актуальной после 1979 года. В этот период Халфин, кроме своей научной деятельности, стал известен и как автор исторических повествований или документальной художественной прозы о борьбе афганского народа против англичан. Многие его работы переводятся на английский язык и языки Афганистана. Им были опубликованы также труды об известном деятеле «британского колониализма» Дж. Керзоне.

Кроме авторских работ, Халфиным проводилась большая работа по изданию трудов серии «Центральная Азия в источниках и материалах XIX — начала XX века», в которых он выступал редактором, автором предисловий, примечаний и оформителем, а также серии «СССР и страны Востока». Будучи одним из наиболее авторитетных исследователей британской политики в Средней Азии и Афганистане, Халфин участвовал в международных научных совместных совещаниях.

Ключевые слова: Халфин, востоковедение, Институт востоковедения, Средняя Азия, Афганистан, Великобритания, Индия

Для цитирования: Мосаки Н. З. К 100-летию Нафтулы Ароновича Халфина (научная деятельность в 1971–1987 гг.). Статья вторая. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 2. С. 136–156. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-136-156

* Настоящая работа является продолжением двух биобиблиографических обзоров, касающихся домосковского (до 1957 г.) периода жизни и научной деятельности Н. А. Халфина [Мосаки, 2023] и времени работы в Институте востоковедения (Института народов Азии) АН СССР до назначения завсектором [Мосаки, 2022].

¹ Мосаки Нодар Зейналович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nodarmossaki@gmail.com
Nodar Z. Mossaki, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nodarmossaki@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8268-006X

ON THE 100TH ANNIVERSARY OF NAFTULA ARONOVICH KHALFIN: (SCIENTIFIC ACTIVITY IN 1971–1987). PART II

Nodar Z. Mossaki

This work continues a series of articles dedicated to the 100th anniversary of the outstanding Soviet historian and orientalist Naftula Aronovich Khalfin. This biobibliographic essay presents an analysis of his activities in 1957–1971, that is, after his appointment as head of the Sector of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. The article shows information about the Department of Historical and Cultural Problems of the Soviet East, which included the Sector of Historical and Cultural Relations between the Soviet and Foreign East in Modern and Contemporary Times.

Taking into account the profile of the new division, the scientific interests of N. A. Khalfin during this period shifted from the problems of colonialism again to the issues of Central Asia and Afghanistan, which he began to deal with in Tashkent. Since the 1970s, he has published a number of monographs and a large number of articles on various aspects of the history of this region, and continued to write reviews on Soviet and foreign publications.

Khalfin made a significant contribution to the study of the biography of the outstanding Russian orientalist N. V. Khanykov.

The Afghan theme, to which many works of N. A. Khalfin, including those of a popular nature, were devoted, becomes especially relevant after 1979. During this period, Khalfin, in addition to his scientific work, became known as the author of historical narratives or documentary fiction about the struggle of the Afghan people against the British. Many of his works are translated into English and the languages of Afghanistan. He also published works on the famous figure of «British colonialism» G. Curzon.

In addition to his works, Khalfin carried out a lot of work on the publication of the works of the series «Central Asia in the Sources and Materials of the 19th and Early 20th Century», in which he acted as an editor, author of prefaces and notes, as well as the series «USSR and the countries of the East». Being one of the most important researchers of British policy in Central Asia and Afghanistan, Khalfin participated in international scientific joint meetings.

Keywords: Khalfin, Oriental Studies, Institute of Oriental Studies, Central Asia, Afghanistan, Great Britain, India

For citation: Mossaki N. Z. On the Centenary of Naftula Aronovich Khalfin (academic activity in 1971–1987). Part II. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 2. Pp. 136–156. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-136-156

Почти 10 лет, до 14.02.1967 г., Н. А. Халфин проработал в «отделе Бондаревского», после чего стал руководителем Группы по изучению Средней Азии (продолжая оставаться в должности старшего научного сотрудника). После перехода в ИВ АН фокус исследований Н. А. Халфина, исходя из потребностей внешней политики СССР и, соответственно, деятельности института, несколько сдвинулся в сторону колониализма в целом, хотя он продолжал изучать различные вопросы истории Средней Азии. С середины второй половины 60-х гг., после создания Группы по Средней Азии, его научные интересы начинают смещаться с темы колониализма и международных отношений опять на Среднюю Азию. Очевидно, создание новой группы было осуществлено с прицелом на формирование в скором будущем специального подразделения (сектора/отдела) по этому региону, представляющему основную часть «Советского Востока» и культурно-географически связанному с важнейшими странами Востока, являющимися к тому же объектами соперничества

СССР и западных держав. Увеличение роли Средней Азии в советском востоковедении было обусловлено и ролью Б. Г. Гафурова.

В мае 1971 г. на базе этой группы был организован Отдел историко-культурных проблем Советского Востока, включивший два сектора: истории Советского Востока и истории культуры Советского Востока [Халфин, 1972а]. 11 мая 1971 г. Н. А. Халфин был назначен исполняющим обязанности завсектором, с 14.03.1972 г. до 05.03.1986 г. являлся заведующим сектором истории Отдела историко-культурных проблем Советского Востока (сектором исторических и культурных взаимоотношений советского и зарубежного Востока в новое и новейшее время). О важнейшем значении этого отдела свидетельствует то обстоятельство, что его руководителем стал директор института — академик Б. Г. Гафуров. После смерти Б. Г. Гафурова ставший директором ИВ Е. М. Примаков заведующим отделом назначил П. Шаститко, а отдел был переименован в «Отдел историко-культурных связей СССР со странами зарубежного Востока» [Шаститко, 2009, с. 316–317].

Н. А. Халфин активно участвовал в публикации различных исторических, мемуарных и иных изданий и материалов. Под его редакторством вышло большое количество книг. За редким исключением я буду касаться лишь текстов, написанных непосредственно им.

Отдел занимался историей Средней Азии (в первую очередь), Казахстана и Кавказа и населяющих их народов, кроме того, на него было возложено научное руководство подготовкой серии «Центральная Азия в источниках и материалах XIX–XX вв.» (издание трудов ученых и путешественников) [Халфин, 1972а]. Председателем редколлегии этой серии являлся Б. Г. Гафуров, заместителем председателя — Н. А. Халфин. Понятно, что основная нагрузка в этой деятельности ложилась на Н. А. Халфина. В состав редколлегии входили также известный советский востоковед-литературовед И. С. Брагинский, руководитель Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» О. К. Дрейер, историк отечественного востоковедения и известный иранист Н. А. Кузнецова, А. В. Станишевский и акад. С. А. Тихвинский. Кроме того, отдел должен был заниматься публикацией архивных документов, в том числе в сотрудничестве с Архивным управлением при Совете Министров УзССР [Халфин, 1972а]. Во всей этой работе, очевидно, важнейшая роль была возложена на Н. А. Халфина. Не случайно сообщение о деятельности отдела и его планах также было написано им [Халфин, 1972а].

Второй сектор возглавил известный историк и археолог Б. А. Литвинский. В отделе под их руководством работали семинары, проводились регулярные научные конференции — «Сенаревские чтения» [Алаев, 2009, с. 17].

В 1972 г. Халфин опубликовал полемическую статью о движущих мотивах политики России в Средней Азии в 60-х–70-х гг. XIX в., в которой, в отличие от ряда других исследователей, в числе причин, обусловивших продвижение Российской империи в Среднюю Азию, отдал приоритет экономическим факторам [Халфин, 1972b]². Более расширенно и глубоко эта тема нашла отражение в монографии о политике России в Средней Азии в первой половине XIX в. (до Крымской войны), в которой рассматривались деятельность многочисленных царских миссий в среднеазиатские ханства и причины, приведшие к активизации России в этом крае

² Один из аспектов этого подхода Н. А. Халфиным отражен также в статье о деятельности одной из крупнейших организаций российских предпринимателей в части «экономического освоения Средней Азии» [Халфин, 1975а]. Краткие сведения об этой статье были даны в [Notices, 1976, p. 717], а широко она была использована в работе известного американского исследователя экономической истории Российской империи Томаса Оуэна [Owen, 1985], справедливо указывавшего, что статья Халфина являлась единственной советской публикацией по этой теме, и отмечавшего его «тщательный анализ».

[Халфин, 1974а³]. Эта монография, насыщенная «большим и хорошо интерпретируемым фактическим материалом литературного и источниковедческого характера» [Лунин, 1976, с. 165⁴], с учетом трех исследований, посвященных политике России в этом крае после Крымской войны [Халфин, 1956; 1960; 1965], закрывала весь XIX в. по этой теме.

Халфин участвовал в подготовке «Региональной истории Средней Азии и Казахстана», одно из совещаний по этому вопросу состоялось в апреле 1975 г. в Андижане⁵.

Б. Г. Гафурова и Н. А. Халфина связывали глубокое взаимное уважение и дружба. Н. А. Халфин с гордостью называл Бободжана Гафуровича своим учителем [Гребнев, 1999, с. 155], хотя вряд ли это касалось академической сферы. Академик Е. П. Челышев, вспоминая о своих дружеских и доверительных отношениях с Б. Г. Гафуровым, отмечал, что «такого рода отношения у Гафурова были» и с некоторыми другими учеными института, в частности, Г. А. Бондаревским, И. С. Брагинским и Н. А. Халфиным [Челышев, 2009, с. 18]. В этом контексте см., например, также фотографию встречи в 1973 г. Б. Г. Гафуровым Нового года с сотрудниками Отдела исторических и культурных взаимоотношений советского и зарубежного Востока, на которой Н. А. Халфин сидит рядом с Б. Г. Гафуровым [Академик, 2009, с. 96]. Б. Г. Гафуров являлся ответственным редактором некоторых книг Н. А. Халфина, который, в свою очередь, был автором нескольких очерков о Б. Г. Гафурове [Халфин, 1972с; 1978а⁶; 1980а] и соавтором (вместе с тремя членами Академии наук СССР) некролога ему [Коростевцев и др., 1977], а также текста о трудах Гафурова в коллективной монографии по историографии внешней политики России [Станиславская, 1981, с. 294–296; Нарочницкий, 1981, с. 7]. Кроме того, Б. Г. Гафуров при отсутствии возможности принять участие в каком-то научном мероприятии поручал зачитывать свой доклад Халфину. Например, в декабре 1969 г. в Ашхабаде состоялось Всесоюзное совещание обществоведов, посвященное 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, в котором приняли участие видные советские ученые, в том числе несколько академиков — вице-президент АН СССР, председатель секции общественных наук АН СССР А. М. Румянцев, Т. С. Хачатуров, А. А. Губер, Ф. В. Константинов, М. Б. Храпченко, М. Б. Митин, чл.-корр. Ю. В. Бромлей и др. Как сообщал журнал «Вопросы истории», «большой интерес у участников секции истории вызвал доклад акад. Б. Г. Гафурова — «Советский опыт решения национального вопроса в Средней Азии», прочитанный Н. А. Халфиным» (см., например [Хроникальные, 1970, с. 158]).

³ См. рецензии на нее [Kappeler, 1976; V. J., 1976], отмеченные, соответственно, в [Рецензии, 1977: 206]. Правда, опубликованная в пражском *Slovanský přehled* больше походит на аннотацию.

Отметим, что автор первой рецензии — Андреас Каппелер (род. в 1943), тогда сотрудник Цюрихского университета, ныне известный специалист по российской истории, профессор Венского университета, член редсовета журнала *Ab Imperio*.

Спустя восемь лет после издания [Халфин, 1974а] в США появилось что-то наподобие авторизованного перевода этой книги, подвергнувшегося, правда, серьезной критике рецензента [Evans, 1982]. Мне не удалось ознакомиться с этим изданием, в связи с чем сведения о нем приводятся исходя из рецензии [Bodger, 1985].

⁴ Следует отметить, что в своей рецензии Б. В. Лунин указывает на недочеты монографии Н. А. Халфина, в частности, не заметившего ряд исследований по отмечаемой им теме, в том числе, как ни странно, изданных в Ташкенте [Лунин, 1976, с. 166–167].

В другой рецензии [Усенбаев, Галицкий, 1975] какая-либо критика отсутствует.

⁵ Сведения об этом совещании и участии в нем Н. А. Халфина почерпнуты из подписи к фотографии, опубликованной Д. В. Дубровской [Михайлов, 2021]. На этой фотографии запечатлены Б. П. Гуревич и Н. А. Халфин. Однако в подписи к фотографии Н. А. Халфин назван директором Центрального государственного исторического архива УзССР, хотя он покинул этот пост в 1952 г., а в 1975 г. являлся завсектором в ИВ АН СССР.

Борис Павлович Гуревич (1919–2004) — известный советский востоковед, д. и. н., проф., с 1961 г. сотрудник ИВ АН СССР.

⁶ Указано в библиографии [Bibliography, 1979, p. 424].

Вместе с Б. Г. Гафуровым и другими учеными Н. А. Халфин незадолго до перехода в Группу Средней Азии участвовал и в написании брошюры «Славяне и Восток», подготовленной в рамках большого проекта, предпринятого Б. Г. Гафуровым по изучению Востока, в частности, Средней Азии во взаимосвязи с другими регионами и цивилизациями и изданной ЮНЕСКО⁷, став автором текста про «Советский Восток» [Тихомиров, Гафуров и др., 1965].

В секторе Б. А. Литвинского, по воспоминаниям Л. Б. Алаева, работали «самостоятельные ученые, не требовавшие какого-либо внешнего руководства», в то время как сектор Н. А. Халфина, работавшего (имеется в виду Халфин, а не сектор) «очень усердно» и выпускавшего «книжку за книжкой», Б. Г. Гафуров заполнил «разного рода личностями, посторонними науке», что наряду с отсутствием у Н. Халфина организационных способностей [Алаев, 2009, с. 16] делало сектор не совсем управляемым со стороны заведующего. В связи с этим следует добавить, что недостаточное внимание к своей работе начальника — тогда начальника Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР — отмечалось в характеристике на него руководством МВД Узбекистана, в ведении которого находились архивы [Котюкова, 2007, с. 173]. В этом контексте можно привести и воспоминания одного из его бывших подчиненных о Халфине как весьма «либеральном» начальнике [Вексельман, 2019, с. 304], что в тех исторических условиях, да еще и в столь централизованном ведомстве, могло приводить к ослаблению контроля и фактически являлось признанием «слабости начальника».

Назначенный в 1978 г. Е. М. Примаковым заведующим отделом Петр Шаститко, уволивший из сектора Н. А. Халфина нескольких далеких от науки сотрудников и принявший новых (А. Н. Хейфец⁸, А. П. Базиянц и др.) [Шаститко, 2009, с. 317–324], позднее вспоминал, что Н. А. Халфин «работал, как вол, дома, а в институте азартно играл в шахматы или нарды, занимая чемберленовскую позицию невмешательства в дела, когда нужно было конфликтовать, даже просто требовать» [Шаститко, 2009, с. 324]. Поэтому, очевидно, слова В. Воловникова, сказанные им впоследствии о Н. А. Халфине, — «наш великий завсектором» [Воловников, Рыженков, 2009, с. 92], очевидно, относятся к его научной, а не организационно-управленческой деятельности.

На сектор Н. А. Халфина была возложена также реализация серии «СССР и страны зарубежного Востока» и «Истории отечественного востоковедения» [Шаститко, 2009, с. 323–327].

В 1970 г. Н. А. Халфин участвовал в состоявшемся в Москве XIII Международном конгрессе исторических наук⁹, в 1973 г. — в XXIX Международном конгрессе востоковедов в Париже¹⁰. Доклад Халфина, с учетом места проведения важнейшего мероприятия ориенталистов, в рамках русско-французских научных связей был посвящен Н. В. Ханькову [Khalfin,

⁷ Б. Г. Гафуров являлся членом советской комиссии по делам ЮНЕСКО [Халфин, 1978а, с. 144], а чуть позже стал инициатором фундаментального проекта «Изучение цивилизаций Центральной Азии», принятого ЮНЕСКО в 1967 г. [Гафуров, 1967; Халфин, 1978а, с. 145].

⁸ Об Александре Наумовиче Хейфеце см. опубликованную в известном сборнике о московских востоковедах 60-х–80-х гг. XX в. статью [Грузин и др., 1994], что символично, следующую за статьей М. С. Лазарева о Н. А. Халфине [Лазарев, 1994].

⁹ Конгресс проходил 16–23 августа 1970 г. в Москве и стал самым представительным за предыдущую историю конгрессов. В нем приняло участие более 3,3 тыс. человек из 50 стран, в т. ч. почти 1,3 тыс. специалистов из СССР (о конгрессе см. [Губер, 1970; 1971]). Отметим, что в сообщении акад. А. А. Губера по итогам работы конгресса отмечалось, что лишь один из докладов вызвал бурную полемику. Речь шла о докладе швейцарского историка Г. Люти, посвященном «проблемам британско-индийской истории». По словам советского академика, «докладчик, явно не разобравшись в ходе развития национально-освободительного движения в Индии и смешивая его с позицией крайних правых буржуазно-помещичьих лидеров, выдвинул положение, будто бы это движение готово было накануне Первой мировой войны пойти на «имперское партнерство» с английскими колонизаторами. Доклад подвергся решительной критике индийского ученого В. Б. Сингха и советских историков Э. Н. Комарова, Г. А. Бондаревского и других» [Губер, 1971, с. 9–10].

¹⁰ XXIX Международный конгресс востоковедов в Париже состоялся 16–22 июля 1973 г.

1973], о котором он готовил книгу. В сообщениях о работе конгресса особо отмечались доклады академика Б. Г. Гафурова, чл.-корр. АН СССР А. Н. Кононова, Н. А. Халфина и В. В. Цыбульского об основных этапах и достижениях отечественного востоковедения, его отдельных направлений, вкладе советских востоковедов в мировую ориенталистику [Игнатов, 1973, с. 200; Ганковский, 1974а, с. 85; Ганковский, 1974b, с. 227].

В том же году (1973) Халфин был утвержден в звании профессора по специальности «История СССР». Он принимал участие в важных научных совещаниях, например, в ноябре 1974 г. в Институте истории СССР АН СССР в крупном совещании историков, посвященном созданию «труда по региональной истории Средней Азии и Казахстана с древнейших времен до наших дней» (среди его участников были академики Б. А. Рыбаков, А. А. Нарочницкий, А. П. Окладников, видные представители исторической науки Казахстана и Средней Азии), обратив в своем выступлении внимание на проблемы, которые мало изучены, «в частности, развитие связей и отношений России с ханствами Средней Азии в первой половине XIX в.» [Емельянов, 1975, с. 227].

Н. А. Халфин, получив филологическое образование, хорошо знал литературу, легко писал различного рода тексты. М. С. Лазарев верно замечал, что тексты Халфина представляют собой своеобразное искусство «описания исторических событий» и «безупречны в стилистическом отношении» [Лазарев, 1987, с. 210].

Еще до переезда в Москву он был опытным редактором, являлся ответственным редактором различных монографий и сборников. После перехода в ИВ АН СССР Н. А. Халфин продолжил редакторскую работу. По моей примерной оценке, он был ответственным редактором нескольких десятков изданий.

С 70-х гг. Н. А. Халфин стал известен еще и как автор исторических повествований или, по словам А. В. Станишевского, документальной художественной прозы [Станишевский, 1980, с. 3], написанной на основе архивных материалов, прессы того периода, мемуаров, переписки и иных документов, но «в беллетризованной форме» [Лазарев, 1994, с. 177]. «Собранный в этих книгах исторический материал облечен в художественную форму» [Лазарев, 1990, с. 620], а «Н. А. Халфин стал одним из создателей нового жанра в востоковедении, стоящего на стыке исторической науки и художественной литературы и способствующего внедрению востоковедных знаний в широкие читательские массы» [Лазарев, 1990, с. 621]. Не случайно издательство аннотировало их в качестве работ «по новой истории» ([Зубков, 1978, с. 155] о предстоящем [Халфин, 1980b]). Из-за достоверности изложенного фактического материала неудивительно, что на эти произведения ссылаются авторитетные исследователи в научных трудах (см., например [Коргун, 2009, с. 42, 82]). В 1973 г. выходит его книга «Возмездие ожидает в Джагдалаке» [Халфин, 1973а¹¹], ответственным редактором которой являлся Б. Г. Гафуров. За его авторством читателю предлагался также небольшой текст («От редактора»), отметивший актуальность произведения Н. А. Халфина в рамках борьбы против империалистов [Гафуров, 1973]. Эта книга, изданная весьма внушительным тиражом (30 тыс. экземпляров) и положившая начало трилогии о трех англо-афганских войнах, посвящена борьбе Афганистана за независимость в 1836–1842 гг.¹²

¹¹ Соавтор Н. Халфина М. Володарский в одной из своих статей, опубликованных уже после эмиграции из СССР, касаясь эпизода с самоубийством Виткевича, отмечал, что наиболее точной и документированной книгой на эту тему является именно она, утверждая, что, несмотря на антибританскую позицию Халфина, его объяснение причин самоубийства Виткевича ближе к истине, чем любая другая работа на эту тему [Volodarsky, 1985, p. 148].

¹² В этом контексте отметим, что еще в 1970 г. акад. А. А. Губер писал, что «все большее развитие получает исторический роман, в котором читатель ищет не измышлений автора на исторические темы, а увлекательного отражения

При этом следует иметь в виду, что афганская тематика в творчестве Н. А. Халфина, учитывая ее антиколониальный и антиимпериалистический контекст, с 1980 г., т. е. после ввода советских войск в Афганистан, получила дополнительную актуальность.

Борьбе афганского народа во второй англо-афганской войне (1878–1880) посвящены «Победные трубы Майванда» [Халфин, 1980b]¹³. Отрывок из этой книги о народном восстании в Бала-Хиссаре, явившемся реакцией на заключение навязанного Англией Гандамакского договора, лишившего Афганистан внешнеполитической самостоятельности, был предварительно опубликован в журнале «Азия и Африка» [Халфин, 1977]. Примечательно, что в кратком предисловии к этому отрывку готовящееся историческое повествование предполагалось под несколько другим названием — «Гордые трубы Майванда» [Халфин, 1977, с. 57].

Отдельно по этой теме, о битве при Майване и в целом второй войне, Н. А. Халфин чуть раньше на основе широкого использования источников опубликовал статью, в которой рассматривал эту войну колониальной [Халфин, 1979a]. Об этой статье в одном из западных обзоров говорилось, что Халфин, отмечая колониализм англичан, преуменьшает российские империалистические амбиции [Notices, 1980, p. 682]. Завершила трилогию «Заря свободы над Кабулом» [Халфин, 1985], небольшой отрывок из которой чуть ранее, в процессе подготовки книги к печати, был также опубликован в журнале «Азия и Африка сегодня» [Халфин, 1984a]. В этой книге были отражены события начала XX в., включая третью войну и поддержку Афганистана Советской Россией, проблематика книги нашла ранее отражение в историческом очерке [Халфин, 1980c], названном в известном западном библиографическом обзоре «популярным, но хорошо задокументированным очерком» об истории Афганистана с 1901 по 1921 г., с указанием на ожидаемое одобрение пророссийской ориентации Амануллы-хана [Notices, 1981, p. 688].

Советские и афганские издательства в рамках информационного противоборства с США и их «младшим партнером» — Великобританией в связи с войной в Афганистане публиковали переводы работ Халфина на английском языке и на языках Афганистана.

Так, Агентство печати «Новости» в 1980 г. опубликовало на языках пушту и дари книгу «Англия против Афганистана: страницы истории» тиражом 20 тыс. экземпляров (обе — 224 стр.)¹⁴. На следующий год она была опубликована тем же издательством на английском языке с огромным заявленным тиражом — 30 000 экземпляров [Khalfin, 1981]. Примечательно, что в характеристике Н. А. Халфина, направленной в Ученый совет ИВ АН руководством института 25.02.1983 в связи с переизбранием его в должности завсектором на новый срок, подчеркивалось, что эта «работа... получила высокую оценку Генерального секретаря компартии Ирландии», что понятно с учетом критики Халфиным Великобританией.

В начале 1980-х гг. «начальником политуправления афганской армии сделаны переводы на язык дари книг «Возмездие ожидает в Джагдалаке» и «Победные трубы Майванда»¹⁵.

действительно имевших место событий, обоснованного раскрытия деятельности и психологии исторических личностей» [Губер, 1970, с. 3].

¹³ Первые две книги трилогии были переизданы в 1990 г., уже после смерти Н. А. Халфина [Халфин, 1990].

¹⁴ Эти книги имеются в Российской государственной библиотеке.

¹⁵ Так было указано в характеристике Н. А. Халфина от 25.02.1983.

Точных сведений об издании этих книг у меня нет, однако, видимо, они были опубликованы в Афганистане. Мне удалось найти на одном из сайтов, на котором размещена информация об издании книг на языках Афганистана, следующие данные о двух книгах:

1. «Author: Khalfin, Naftula. The Bugles of Maiwand's victory [Dari] / Naftula Khalfin translator Gul Aqa, [Kabul], Kabul Publishing Office, 1981 (1360), 486 p.

В популярном политическом еженедельнике «Новое время» в мае 1980 г. вышла статья Н. А. Халфина, в которой автор для широкого читателя предлагал анализ новейшей истории Афганистана, связывал тогдашнюю политику Великобритании, занимавшей «враждебную позицию в отношении революционного Афганистана» и «чрезвычайно недовольной» «дружественной поддержкой Советским Союзом соседней молодой демократической республики», с колониальной экспансией Англии в Афганистане в XIX — начале XX в., рассказывал о поддержке Советской Россией Афганистана. Переходя к современности, Н. А. Халфин указывал на унаследование британской политики Соединенными Штатами Америки. Правительство Великобритании Н. А. Халфин обвинял в лицемерии, считая ироничной «заботу» преемников Дизраэли (вынесенного в заголовок), Керзона¹⁶ и Черчилля, известных своими действиями на Ближнем и Среднем Востоке против политики России, об афганском народе [Халфин, 1980d]. В очень популярном тогда «толстом» литературном журнале «Новый мир» выходит статья Халфина, приуроченная к 60-летию советско-афганского договора [Халфин, 1981], также противопоставляющая политику советского государства и Великобритании по отношению к Афганистану. В сборнике, посвященном прошлому и современности Афганистана, в котором приняли участие известные советские афганисты (М. А. Арунова, Ю. В. Ганковский, Г. Ф. Гирс, В. С. Глуходед, Н. М. Гуревич, В. Г. Коргун, В. М. Массон и др.), и опубликованном, кроме русского, как указано на книге, на основных европейских языках (английском, французском, испанском, немецком и португальском)¹⁷, Н. А. Халфин написал статью о борьбе Афганистана за независимость против английских колонизаторов [Халфин, 1982a]¹⁸. В том же сборнике приведена библиография по Афганистану, в которой отмечены четыре работы Н. Халфина [Библиография, 1982, с. 151; 1973a; 1980b; 1960; 1959]. Критике политики Великобритании посвящена и рецензия на труд индийской исследовательницы [Халфин, 1982b].

При издании трудов серии «Центральная Азия в источниках и материалах XIX — начала XX века» Н. А. Халфин выступал редактором, автором предисловий, примечаний, оформителем и т. д. Издание воспоминаний известного российского военного и дипломата Ивана Осиповича Симонича, записок Николая Владимировича Ханькова о путешествии по Восточному Ирану, журналов командировок капитана Георгия Алексеевича Арендаренко, рассказа о поездке капитана Егора Казимировича Мейендорфа, мемуаров генерала Ивана Федоровича Бларамберга, записок исследователя Средней Азии Петра Ивановича Демезона и прапорщика Ивана Викторовича Виткевича Н. А. Халфин препроводил обстоятельными

2. Author: Gul Aqa (trans.). Jagdalak's revengers [Dari] / translated by Gul Aqa, [Kabul], National Defence Printing Press, 1981 (1360), 240 p.» (<https://www.geocities.ws/mstanikzai/bibliography/Author-a.html>).

Как видно, эти две книги Халфина («Победные трубы Майванда» и «Возмездие ожидает в Джагдалаке»), хотя во втором случае автор — Халфин — не указан, но очевидно, это его «Возмездие ожидает в Джагдалаке», были переведены на дари и изданы в Кабуле, причем вторая — в «Воениздате» Афганистана. Переводчиком обеих книг указан Гюл Ака (Gul Aqa). Предполагаю, что это известный афганский военный деятель Гюль Ака Нахиб, занимавший до 1982 г. пост начальника полуправления армии Афганистана. В начале 2000-х гг. (2002 г.) он являлся одним из высших командиров армии Афганистана.

¹⁶ Используя слова М. С. Лазарева в работе о Н. Халфине, изучавшем их деятельность (об этом — далее) — этих «столпов» «британского колониализма» [Лазарев, 1994, с. 177].

¹⁷ Очевидно, что столь масштабный перевод был обусловлен политическим значением войны в Афганистане.

¹⁸ Статья Н. Халфина в немецком издании [Halfin, 1981].

вступительными статьями [Халфин, 1967; 1973b; 1974b; 1975b¹⁹; 1978b²⁰; Воловников, Халфин, 1983²¹].

Трудно не согласиться с М. С. Лазаревым, написавшим: «Не будет преувеличением утверждать, что во многом благодаря трудам Н. А. Халфина изучение Центральной Азии стало одним из преуспевающих направлений в советском востоковедении» [Лазарев, 1994, с. 176].

В 1975 г. была опубликована монография Н. Халфина, посвященная русско-бухарским отношениям вокруг статуса западнопамирских владений (бекств), с приложением большого количества архивных материалов [Халфин, 1975c]²², которую известный британский историк Средней Азии А. Моррисон считает лучшей его работой [Morrison, 2021, p. 478]. В 1977 г. была опубликована книга Халфина о жизни выдающегося русского востоковеда Н. В. Ханыкова, о его поездках и экспедициях в различные регионы Средней Азии, Закавказья, Среднего Востока, в Египет, о его службе в Петербурге и Тифлисе, научной деятельности в Париже, фактически — его научная биография [Халфин, Рассадина²³, 1977a], отрывок из которой был напечатан в журнале «Азия и Африка сегодня» [Халфин, Рассадина, 1977a, с. 188–196; Халфин, Рассадина, 1977b;]²⁴. Эту книгу справедливо называют лучшим источником сведений о Ханыкове [Seneta, 1998, p. 299]. Она написана на основе огромного количества материалов и источников, многие из которых ранее не использовались, и увенчала интерес Н. А. Халфина к деятельности Н. В. Ханыкова, возникший еще в Ташкенте [Халфин, 1956, с. 35–40] и продолженный уже в связи с изданием работы Ханыкова [Халфин, 1973b]. Н. А. Халфиным была опубликована также статья о Н. В. Ханыкове, приуроченная к 160-летию востоковеда [Халфин, 1979b].

В 70-х гг. Н. А. Халфин публикует статьи о различных вопросах истории Средней Азии. В 1973 г. в сборнике, посвященном известному русскому военачальнику, востоковеду и географу А. Е. Снесареву, выходит статья об анализе его позиции по «среднеазиатскому вопросу» [Халфин, 1973c]. В другой, уже упомянутой статье, Н. А. Халфин весьма подробно изучает деятельность Общества содействия русской промышленности и торговле на среднеазиатском

¹⁹ Примечательно, что в статье американского историка Скотта Леви указано, что перевод книги Мейендорфа на русский язык осуществлен Н. А. Халфиным [Levi, 2002, p. 279], хотя на самом деле перевод с французского выполнен известным ташкентским библиографом и переводчиком Евгением Карловичем Беттером (1887–1956), что указано на контртитule книги, а также во вступительной статье Халфина [Халфин, 1975b, с. 16]. Очевидно, Халфин и Беттер были хорошо знакомы.

²⁰ Отметим, что перевод (совместно с Э. Ф. Шмидтом) и комментарии были подготовлены О. И. Жигалиной (1946–2013), поступившей в августе 1969 г. после окончания Московского университета на работу в Институт востоковедения, в Группу Средней Азии научно-техническим сотрудником. На следующий год она была аттестована младшим научным сотрудником в этом подразделении, начав готовить под руководством Н. А. Халфина к изданию воспоминания И. Ф. Бларамберга [Мосаки, 2012, с. 206; Бларамберг, 1978]. О. И. Жигалина, ставшая впоследствии крупным курдоведом, в беседах с автором настоящей статьи неоднократно подчеркивала большой вклад Н. А. Халфина в ее научную подготовку, с гордостью отмечая, что начала свою научную деятельность с прохождения «школы Халфина» при работе над мемуарами Бларамберга.

К слову, ответственным редактором издания мемуаров Бларамберга являлся М. С. Лазарев, с которым О. И. Жигалина впоследствии продолжила долгое время работать в Секторе курдоведения.

²¹ Также ими были подготовлены комментарии.

²² Указана в списке предстоящих советских изданий по Среднему Востоку, составленном одной из американских востоковедческих ассоциаций на основе сведений еженедельника «Новые книги» [Forthcoming, 1975, p. 59], а также в [Other, 1977, p. 799].

²³ Рассадина Екатерина Федоровна (1922 г. р., жива ли она в настоящее время, мне неизвестно), являвшаяся младшим научным сотрудником ИВ (ИНА) АН СССР, в феврале 1975 г. стала женой Н. А. Халфина. Со своей первой женой Халфин развелся в 1966 г.

Е. Ф. Рассадина перевела с французского две работы Ханыкова и стала автором комментариев к ним [Ханыков, 1973; 1977].

²⁴ Рецензия на эту книгу [Лунин, 1978], как и другие рецензии Б. В. Лунина, была обстоятельной. Также интересную рецензию опубликовал Ибрагимбейли [Ибрагимбейли, 1978].

направлении [Халфин, 1975a]. Он продолжает также рецензировать новинки по истории Средней Азии [Халфин, 1978с]. На важные работы Н. А. Халфин публиковал рецензии и спустя несколько лет, то есть с некоторым запозданием. Обстоятельная его рецензия посвящена фундаментальной диссертации австралийской исследовательницы Х. В. Фицхардинг [Халфин, 1974с]. С учетом всегда особого интереса Н. А. Халфина к библиографии отметим, что, наверное, лишь к этой работе у него не было претензий с точки зрения ее полноты, более того, он указывал даже на перегруженность [Халфин, 1974, с. 194]. Отметим, что в библиографии к этой диссертации приведены и труды Н. Халфина [Fitzhardinge, 1968, p. 486; Халфин, 1959, 1960; Khalfin, 1964].

Выходят рецензии Н. А. Халфина и по другим, более комплексным проблемам. Так, одна из его рецензий о восточных аспектах во внешней политике Российской империи [Халфин, 1978d]. Обзор архивов также продолжает оставаться направлением его научной деятельности [Халфин, 1983a]. Естественно, Н. А. Халфин не мог пройти мимо изданной в Индии книги о взаимоотношениях этой страны со Средней Азией с начала XIX в., написанной в т. ч. с использованием советских архивов (в частности, Архива внешней политики России и ЦГА УзССР) и ташкентских газет [Халфин, 1986a], тем более что автор рецензируемой работы окончил аспирантуру в СССР, причем ответственным редактором его первой монографии [Kaushik, 1970] был именно Н. А. Халфин.

С начала 1980-х гг. Н. А. Халфин, являвшийся автором многих работ по политике Англии в Афганистане в XIX — начале XX в., начинает отдельно изучать деятельность одного из «столпов» «британского колониализма» — Дж. Керзона [Лазарев, 1994, с. 177], в фигуре которого естественным образом соединились английское и афганское направления работы Н. А. Халфина и которая являлась весьма удобной мишенью для критики английской политики. В статье [Халфин, 1982a, с. 63] он называет лорда Керзона «идеологом самых „твердолобых“ из британских политических деятелей». В 1983 г. выходит его статья с громким названием, характерным для холодной войны, — «Лорд Керзон — идеолог и политик британского империализма» [Халфин, 1983b], в которой живо рассказано о жизни и политической деятельности этого английского политика, в том числе о его дипломатических дискуссиях с наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным.

В изданном вскоре одном из сборников по истории отечественного востоковедения, ответственным редактором которого являлся Н. А. Халфин, был опубликован реферат Дж. Керзона — «Место Индии в империи» [Формирование, 1984, с. 257–288], к которому он написал послесловие [Халфин, 1984b, с. 288–290]. В нем, как и в других своих работах, представляя исторические сведения о документе и ситуации, в рамках которой изучается документ, Халфин актуализировал, «осовременивал» историю, отмечая, что позиция Керзона «перекликается с современными теориями колониализма, с попытками развивать колонизаторскую деятельность в новых условиях и новыми методами», деятельностью США и даже Фолклендским кризисом [Халфин, 1984b, с. 290]. Уже после смерти Н. А. Халфина публикуется его очерк о деятельности Дж. Керзона «в российской Средней Азии» [Халфин, 1988] с анализом антироссийской деятельности британца. Эти тексты Н. А. Халфина о Керзоне являлись частью его давно задуманной, но так и не осуществленной «капитальной монографии» о Керзоне [Лазарев, 1994, с. 179]. Насколько известно, эта незавершенная книга является единственным замыслом, который Н. А. Халфину не удалось реализовать [Лазарев, 1994, с. 179].

Халфин — также автор весьма подробной, содержательной и легко читающейся статьи о советской историографии Афганистана в 80-е гг. XX в. [Халфин, 1989a]. В 1989 г. в уже

упомянутой серии «СССР и страны Востока» вышла монография «Россия и Афганистан»²⁵, значительная часть (более половины) которой — о различных аспектах отношений между Россией и Афганистаном в XIX в. — была написана на основе архивных материалов Халфиным²⁶ либо самостоятельно [Халфин, 1989b; Халфин, 1989c], либо в соавторстве (со своим давним ташкентским коллегой А. Я. Соколовым²⁷) [Соколов, Халфин, 1989a; 1989b; 1989c; 1989d]²⁸.

Н. А. Халфин, внесший большой вклад в подготовку студентов-востоковедов в Ташкенте, хотя после перехода в ИВ осуществлял сугубо научную работу, тем не менее живо интересовался подготовкой молодых востоковедов в региональных востоковедческих центрах страны. Так, в 1984 г. в журнале «Народы Азии и Африки» было опубликовано его сообщение о востоковедении в Иркутском пединституте, кафедру всеобщей истории в котором возглавлял Борис Дмитриевич Пак [Халфин, 1984c], начавший заниматься научной деятельностью во время обучения в САГУ в 1951–1956 гг. «под руководством известных востоковедов Г. А. Бондаревского и Н. А. Халфина»²⁹ [Юбилей, 2006, с. 218]. В сообщении рассказывалось об издаваемых трудах, работах аспирантов [Халфин, 1984c] — некоторые из них впоследствии стали известными востоковедами.

Несмотря на ожесточенную взаимную критику историков СССР и Великобритании во время холодной войны, происходили и совместные научные совещания. Так, 3–10 декабря 1984 г. в Институте исторических исследований Лондонского университета состоялся IX коллоквиум советских и английских историков. Советскую делегацию возглавлял чл.-корр. АН СССР В. Г. Трухановский³⁰, а в ее состав входили также сотрудники ИВ АН А. М. Петров (специа-

²⁵ Для того, чтобы подчеркнуть важность книг, выходящих в рамках серии, отметим состав редколлегии при издании этой книги: члены-корреспонденты АН СССР М. С. Капица (тогда — директор ИВ), Г. Ф. Ким, академики — А. Л. Нарочницкий, Е. М. Примаков (директор ИМЭМО АН СССР), С. Л. Тихвинский и доктора наук — д. филос. наук М. Л. Титаренко (директор ИДВ АН СССР, впоследствии — академик РАН), д. и. н. Н. А. Халфин (в траурной рамке — после смерти) и П. М. Шаститко.

²⁶ В небольшом западном обзоре этой книги также верно отмечалось, что «львиная доля текста принадлежит покойному Н. А. Халфину» [Selected, 1991, 265].

²⁷ Алексей Яковлевич Соколов — известный советский и узбекистанский востоковед, род. в 1922 г. (сведений о том, жив ли он в настоящее время, мне получить не удалось). В 1947 г. окончил истфак САГУ, в 1951 г. защитил кандидатскую (по теме второй англо-афганской войны 1878–1880 гг.), в 1975 г. — докторскую диссертацию. Преподавал в Среднеазиатском (Ташкентском) университете.

А. Я. Соколов упоминается (правда, лишь по фамилии) как аспирант востфака САГУ в сообщении Б. А. Бондаревского о деятельности факультета [Б. Г., 1949, с. 156].

²⁸ Также Н. А. Халфиным при участии М. Т. Кожекиной было написано Приложение [Халфин, 1989d].

²⁹ Борис Дмитриевич Пак (1931–2010) в 1956 г. окончил востфак САГУ (по специальности «история», язык — урду), где, как писала его дочь Б. Б. Пак в его биографии, «работали знаменитые впоследствии ученые Г. А. Бондаревский, Н. А. Халфин» [Пак, 2016]. Первая публикация Б. Пака студентом 2-го курса была опубликована в Сборнике студенческих работ САГУ, редактором которого являлся Халфин [Пак, 1954].

Проработав несколько лет учителем и директором в средней школе, Б. Д. Пак в 1962 г. стал аспирантом МГПИ им. Ленина на кафедре новой и новейшей истории, которую, как уже отмечалось, возглавлял А. Л. Нарочницкий и где защитил докторскую диссертацию Н. А. Халфин. Б. Д. Пак под руководством А. Н. Хейфеца в 1965 г. защитил кандидатскую, а в 1974 г. — докторскую диссертацию. А. Н. Хейфец впоследствии работал в секторе Н. А. Халфина. С 1965 г. Б. Д. Пак работал Иркутском пединституте, в 1975–1999 гг. завкафедрой всеобщей (всемирной) истории, после чего перешел в ИВ РАН. Монография Б. Д. Пака [Пак, 1979] стала первой, изданной сектором Н. А. Халфина в рамках серийного издания «СССР и страны зарубежного Востока» [Шаститко, 2009, с. 325–326; Халфин, 1984c, с. 118].

Как отмечала в переписке с автором настоящей статьи дочь Б. Д. Пака Бэлла Пак (12.12.2022), «Халфин сыграл очень большую роль в судьбе моего отца. У папы всегда стоял в кабинете его портрет. Он (Б. Д. Пак. — Н.М.) всегда говорил, что это был замечательный человек и большой ученый».

³⁰ Владимир Григорьевич Трухановский (1914–2000) — известный советский и российский историк и дипломат, с 1964 г. чл.-корр. АН СССР, с 1992 г. — академик РАН, считался «патриархом англоведения» [Капитонова, 2011, с. 287]. В 1960–1987 гг. являлся главным редактором журнала «Вопросы истории», в котором публиковался и Н. А. Халфин.

лист по экономической истории) и Н. А. Халфин, поучаствовавший в прениях по докладу профессора И. Х. Нишпа³¹ на тему «Политика, торговля и коммуникации в Азии. 1870–1907 гг.», в котором большое внимание было уделено политике России на Дальнем Востоке, в частности, строительству железных дорог», при этом рассматривавшего «политику России на Востоке в духе традиционной и зачастую тенденциозной английской буржуазной науки» [Емельянова, 1985, с. 155] и выступивший с докладом на тему «Индийские миссии второй половины XIX в. в России и английская историография международных отношений на Среднем Востоке». Н. А. Халфин в своем выступлении опровергал английских авторов, раздувавших миф об «угрозе Индии» от России для обоснования агрессивных действий «Великобритании против Ирана, Афганистана, Тибета и т. д.» и враждебной позиции «в отношении России в Европе» [Емельянова, 1985, с. 156]. По докладу Халфина выступил профессор М. Е. Япп³², согласившись с ним по некоторым аспектам и подняв ряд вопросов по политике России и Великобритании в отношении Индии и прилегающих районов³³. Во время дискуссии советская делегация отметила, что «Институт востоковедения АН СССР подготовил монографию о русско-индийских отношениях — «Россия и Индия», написанную на индийских, английских и советских архивных материалах», и «многие вопросы, поднятые Яппом, нашли освещение в этом исследовании» [Емельянова, 1985, с. 156].

Спустя почти три года после проведения этого мероприятия в издаваемом Кембриджским университетом авторитетном журнале *Modern Asian Studies* были опубликованы статьи, основанные на выступлениях основных докладчиков коллоквиума по Азии [Petrov, 1987; Khalfin, 1987; Yapp, 1987; Nish, 1987], что, очевидно, означало признание британской стороной высокого уровня советских визави.

Упомянутая советской делегацией коллективная монография была издана в уже отмеченной серии «СССР и страны Востока» в 1986 г. [Россия и Индия, 1986] и посвящена связям между Россией (включая Среднюю Азию) и Индией. Авторами книги, кроме ее ответственных редакторов — Н. А. Халфина и П. М. Шаститко — являлись известные советские востоковеды Борис Анатольевич Литвинский, Кока Александровна Антонова (ИВ АН), Ева Яковлевна Люстерник (Ленинградский госуниверситет), Ильяс Гулямович Низамутдинов (Музей истории народов Узбекистана АН УзССР, Ташкент) и др. Халфиным были написаны введение [Халфин, 1986b] и два раздела — о мифической «русской угрозе» Индии (в соавторстве) [Кожекина, Халфин, Шаститко, 1986] и об индийских миссиях в России [Халфин, 1986b], связанные с коронной темой Н. А. Халфина — вопросами англо-русского соперничества, точнее, использования Англией для оправдания своих колониалистских действий т. н. «русской угрозы» Индии. Кроме того, его материал был использован еще в одной главе [Халфин, 1986b, с. 9].

³¹ Ian Hill Nish (1926–2022) — известный британский историк, японовед, специалист по англо-японским отношениям, профессор Лондонской школы экономики.

³² Malcolm Edward Yapp (род. в 1931) — известный британский историк, профессор лондонской Школы восточных и африканских исследований.

³³ Отметим, что в одной из своих небольших рецензий на работу индийского автора К. Варнику об англо-русском соперничестве в Центральной Азии и Кашмире М. Япп указывал на некритический подход при использовании работ Халфина и уже упоминаемого Девендры Каушика, причем, по мнению Яппа, оправданный скептицизм Халфина в отношении реальности российской военной угрозы Индии должен быть смягчен пониманием меньшего опасения Британией военного вторжения, чем внутренней подрывной деятельности; в то время как Каушик-де, как и советские ученые, преувеличивал масштабы британского участия в Центральной Азии в период после большевистской революции [Yapp, 1991, p. 307]. Таким образом, понимая правоту Халфина в опровержении распространяемой англичанами «русской угрозы», Япп тем не менее пытался смягчить аргументы советского историка второстепенными факторами, что было характерно для него и на упомянутом коллоквиуме.

Под руководством Халфина были защищены 4 докторские и 15 кандидатских диссертаций³⁴, причем, как отмечалось ранее, еще до переезда в Москву его «багаж» подготовленных кандидатов наук составлял уже несколько человек. Кроме того, он часто выступал оппонентом при защите диссертаций³⁵ как по различным вопросам истории Средней Азии (в широком смысле), так и по курдской проблеме³⁶. Он был также членом Научно-организационного и Ученого советов ИВ АН СССР, лектором Куйбышевского райкома КПСС (ныне — Восточный административный округ г. Москвы), руководил научно-теоретическим семинаром в отделе, выступал с лекциями по поручению ЦК КПСС и Московского комитета КПСС.

В марте 1986 г. в связи с болезнью Н. А. Халфин был освобожден от должности заведующего сектором и до 1 сентября того же года исполнял обязанности старшего научного сотрудника, после чего его перевели на должность ведущего научного сотрудника. 3 декабря 1986 г. Халфин был уволен из ИВ АН СССР в связи с выходом на пенсию.

Нафтула Аронович Халфин скончался «4 августа 1987 г. после тяжелой и длительной болезни» [Лазарев, 1987, с. 209]. Трудно закончить настоящую статью о Халфине лучше, чем словами Лазарева в некрологе ему: он был «талантливый, удивительно работоспособный и так много сделавший для востоковедения человек... При жизни он далеко не всеми... был должным образом оценен. Сделаем это теперь» [Лазарев, 1987, с. 209].

Литература / References

Академик Бободжан Гафуров: к 100-летию со дня рождения / ред. коллегия: Е. П. Челышев (пред.) и др.; Ин-т востоковедения РАН. М., 2009 [*Academician Bobodzhan Gafurov: on the occasion of the 100th anniversary of his birth*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Алаев А. Б. «Имел он счастливый талант...» [В кн.:] Шаститко П. М. *Век ушёл: сцены из истории отечественного востоковедения*. М., 2009. С. 3–18 [Alaev L. B. «He had a lucky talent ...» In: Shastitko P. M. *The century is gone: scenes from the history of Russian oriental studies*. Moscow, 2009. Pp. 3–18 (in Russian)].

Б. Г. [Бондаревский Г.] Работа востоковедов Узбекской Академии наук и Среднеазиатского государственного университета. *Вопросы истории*. 1949. № 7. С. 156–158 [B. G. [Bondarevsky G.] The work of orientalists at the Uzbek Academy of Sciences and the Central Asian State University. *Voprosy istorii*. 1949. No. 7. Pp. 156–158 (in Russian)].

Библиография. *Афганистан: прошлое и настоящее*. М., 1982. С. 149–151 [Bibliography. *Afghanistan: past and present*. Moscow, 1982. Pp. 149–151 (in Russian)].

Бларамберг И. *Воспоминания*. Пер. с нем. О. И. Жигалиной и Э. Ф. Шмидта. М., 1978 [Blaramberg I. *Memories*. Transl. from German by O. I. Zhigalina and E. F. Schmidt. Moscow, 1978 (in Russian)].

³⁴ По состоянию на начало 1983 г. Взято из уже упомянутой характеристики Халфина от 23.02.1983.

³⁵ См., например, воспоминания одного из его учеников, на защите диссертации которого Халфин являлся оппонентом [Вексельман, 2019, с. 305].

³⁶ Добавлю, что в журнале «Вопросы истории» какое-то время даже публиковались сведения о защищенных докторских диссертациях с указанием диссовета и оппонентов, среди которых можно обнаружить и Халфина. Так, например, в первой половине 1984 г. он оппонировал на защитах диссертаций А. Абдулхамидова (Фергана) на тему «Народная ирригационная практика в зоне предгорий Узбекистана XIX — начала XX вв. (Историко-этнографическое исследование)» (Институт этнографии АН СССР), Ю. А. Пономарева (Ташкент) — «История Мусульманской лиги Пакистана» (ИВ АН УзССР) [Кожурин, 1985, с. 149–150], в 1985 г. — И. Мухиддинова (Душанбе) на тему «Этнографические аспекты высокогорного земледелия Западного Памира и сопредельных областей (XIX — начало XX века)» (защищена в Институте этнографии АН СССР) и В. А. Золотарева (Москва) на тему «Россия и Турция: война 1877–1878 гг. (проблемы историографии и источниковедения)» (Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР) [Погодин, 1986, с. 144, 146].

Вексельман М. Эвакуированные евреи в архивных учреждениях Узбекистана. *История. Память. Люди: Материалы IX Международной научно-практической конференции. 27 сентября 2018 г., Алматы*. Алматы, 2019. С. 300–309 [Vekselman M. Evacuated Jews in archival institutions of Uzbekistan. *History. Memory. People: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. September 27, 2018, Almaty*. Almaty, 2019. Pp. 300–309 (in Russian)].

Воловников В. Г., Рыженков М. Р. Памяти Петра Михайловича Шаститко (1923–2009). *Восточный архив*. 2009. № 2. С. 91–94 [Volovnikov V. G., Ryzhenkov M. R. In memory of Pyotr Mikhailovich Shastitko (1923–2009). *Vostochnyj arkhiv*. 2009. No. 2. Pp. 91–94 (in Russian)].

Воловников В. Г., Халфин Н. А. Предисловие. *Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича)*. Отв. ред. Н. А. Халфин. М., 1983. С. 5–16 [Volovnikov V. G., Khalfin N. A. Preface. *Notes about the Bukhara Khanate (Reports by P. I. Demezón and I. V. Vitkevich)*. Ed. By N. A. Khalfin. Moscow, 1983. Pp. 5–16 (in Russian)].

Ганковский Ю. В. Встреча востоковедов мира. *Вестник Академии наук СССР*. 1974а. № 1. С. 85–88 [Gankovsky Yu. V. Meeting of Orientalists of the world. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1974а. No. 1. Pp. 85–88 (in Russian)].

Ганковский Ю. В. XXIX Международный конгресс востоковедов. *Народы Азии и Африки*. 1974b. № 1. С. 226–229 [Gankovsky Yu. V. XXIX International Congress of Orientalists. *Narody Azii i Afriki*. 1974b. No. 1. Pp. 226–229 (in Russian)].

Гафуров Б. Г. Восток, история, цивилизация. *Азия и Африка сегодня*. 1967. № 12. С. 42–43 [Gafurov B. G. East, History, Civilization. *Aziya i Afrika segodnya*. 1967. No. 12. Pp. 42–43].

Гафуров Б. Г. От редактора [В кн.:] Халфин Н. А. *Возмездие ожидает в Джагдалаке (историческое повествование)*. М., 1973. С. 317 [Gafurov B. G. From the editor. In: Khalfin N. A. *Vengeance Waits in Jagdalak (historical narrative)*. Moscow, 1973. P. 317 (in Russian)].

Гребнев А. М. О руководителе и учителе. *В масштабе века. Сборник воспоминаний о Б. Г. Гафурове — ученом, политике, гражданине*. М., 1999. С. 150–159 [Grebnev A. M. *About the leader and teacher. On the scale of the century. Collection of memoirs about B. G. Gafurov — a scholar, politician, citizen*. Moscow, 1999. Pp. 150–159 (in Russian)].

Грузин А. С., Пак Б. Д., Райков А. В., Юнелъ А. И. Александр Наумович Хейфец (1917–1985) — ученый и педагог. *О коллегах и товарищах: Московские востоковеды 60–80-х годов*. М., 1994. С. 185–192 [Gruzin A. S., Pak B. D., Raikov A. V., Yunel A. I. Alexander Naumovich Kheifets (1917–1985) — scholar and teacher *About colleagues and comrades: Moscow Orientalists of the 60–80s*. Moscow, 1994. Pp. 185–192 (in Russian)].

Губер А. А. Московский конгресс историков (Москва, 16–23 августа 1970 г.). *Вопросы истории*. 1970. № 3. С. 3–11 [Guber A. A. Moscow Congress of Historians (Moscow, August 16–23, 1970). *Voprosy istorii*. 1970. No. 3. Pp. 3–11 (in Russian)].

Губер А. А. XIII Международный конгресс исторических наук в Москве (некоторые итоги и перспективы). *Вопросы истории*. 1971. № 6. С. 3–16 [Guber A. A. XIII International Congress of Historical Sciences in Moscow (some results and prospects). *Voprosy istorii*. 1971. No. 6. Pp. 3–16 (in Russian)].

Емельянов В. Г. Совещание, посвященное созданию труда по региональной истории Средней Азии и Казахстана. *История СССР*. 1975. № 4. С. 225–228 [Emelyanov V. G. Meeting dedicated to the creation of a work on the regional history of Central Asia and Kazakhstan. *Istoriya SSSR*. 1975. No. 4. Pp. 225–228 (in Russian)].

Емельянова Н. В. IX colloquium советских и английских историков. *Вопросы истории*. 1985. № 5. С. 155–157 [Emelyanova N. V. IX colloquium of Soviet and English historians. *Voprosy istorii*. 1985. No. 5. S. 155–157 (in Russian)].

Зубков Н. Б. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» в 1979 году. *Народы Азии и Африки*. 1978. № 6. С. 152–157 [Zubkov N. B. The main editorial office of oriental literature of the Nauka publishing house in 1979. *Narody Azii i Afriki*. 1978. No. 6. Pp. 152–157 (in Russian)].

Ибрагимбейли Х. И. [Рец. на:] Н. А. Халфин, Е. Ф. Рассадина. *Н. В. Ханьков — востоковед и дипломат*. М., 1977. *Вопросы истории*. 1978. № 11. С. 159–162 [Ibragimbeyli Kh. I. [Rev. on:] N. A. Khalfin, E. F. Rassadina. N. V. Khanykov is an orientalist and diplomat. Moscow, 1977. *Voprosy istorii*. 1978. No. 11. Pp. 159–162 (in Russian)].

Игнатов В. Н. XXIX Международный конгресс востоковедов. *Проблемы Дальнего Востока*. 1973. № 4. С. 198–200 [Ignatov V. N. XXIX International Congress of Orientalists. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 1973. No. 4. Pp. 198–200 (in Russian)].

Капитонова Н. К. Академик Владимир Григорьевич Трухановский в МГИМО. *Вестник МГИМО-Университета*. 2011. № 4 (19). С. 287–294. [Kapitonova N. K. Academician Vladimir Grigorievich Truchanovsky at MGIMO. *MGIMO Review of International Relations*. 2011. No. 4 (19). Pp. 287–294 (in Russian)].

Кожекина М. Т., Халфин Н. А., Шаститко П. М. О мифической «русской угрозе» Индии. *Россия и Индия / АН СССР, Институт востоковедения*. Отв. ред. Н. А. Халфин и П. М. Шаститко. М., 1986. С. 132–140 [Kozhekina M. T., Khalfin N. A., Shastitko P. M. About the mythical «Russian threat» to India. *Russia and India*. Moscow, 1986. Pp. 132–140 (in Russian)].

Кожурин С. В. Докторские диссертации по истории (первое полугодие 1984 г.). *Вопросы истории*. 1985. № 5. С. 149–151 [Kozhurin S. V. Doctoral dissertations in history (first half of 1984). *Voprosy istorii*. 1985. No. 5. Pp. 149–151 (in Russian)].

Коргун В. Г. Россия и Афганистан: Исторические пути формирования образа России в Афганистане. М., 2009 [Korgun V. G. Russia and Afghanistan: Historical ways of forming the image of Russia in Afghanistan. Moscow, 2009 (in Russian)].

Коростовцев М. А., Нарочницкий А. Л., Ким Г. Ф., Халфин Н. А. Академик Бободжан Гафурович Гафуров. *История СССР*. 1977. № 6. С. 242–243 [Korostovtsev M. A., Narochnitsky A. L., Kim G. F., Khalfin N. A. Academician Bobodzhan Gafurovich Gafurov. *Istoriya SSSR*. 1977. No. 6. Pp. 242–243 (in Russian)].

Котюкова Т. В. Востоковед Н. А. Халфин как историк-архивист. *Труды историко-архивного института*. М., 2007. Т. 37. Отв. ред. А. Б. Безбородов. С. 170–175 [Kotyukova T. V. Orientalist N. A. Khalfin as a historian-archivist. *Trudy istoriko-arkhivnogo instituta*. Moscow, 2007. Vol. 37. Pp. 170–175 (in Russian)].

Лазарев М. С. Памяти Нафтуллы Ароновича Халфина. *Народы Азии и Африки*. 1987. № 6. С. 209–210 [Lazarev M. S. In memory of Naftulla Aronovich Khalfin. *Narody Azii i Afriki*. 1987. No. 6. Pp. 209–210 (in Russian)].

Лазарев М. С. Вместо послесловия. [В кн.:] Халфин Н. А. *Возмездие ожидает в Джагдалаке. Победные трубы Майванда (Историческое повествование)*. 2-е изд. Послеса М. С. Лазарева. М., 1990. С. 619–621 [Lazarev M. S. Instead of an afterword. In: Khalfin N. A. *Vengeance Waits in Jagdalak. Victory trumpets of Mainwand (Historical narrative)*. 2nd ed. Moscow, 1990. Pp. 619–621 (in Russian)].

Лазарев М. С. Путь в востоковедение. Н. А. Халфин (1921–1987). *О коллегах и товарищах: Московские востоковеды 60–80-х годов*. М., 1994. С. 169–184 [Lazarev M. S. Path to Oriental studies. N. A. Khalfin (1921–1987). *About colleagues and comrades: Moscow Orientalists of the 60–80s*. Moscow, 1994. Pp. 169–184 (in Russian)].

Лунин Б. В. [Рец. на:] Н. А. Халфин. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974. *Вопросы истории*. 1976. № 2. С. 165–167 [Lunin B. V. [Rev. at:] N. A. Khalfin. Russia and the Khanates of Central Asia (the first half of the 19th century). М., 1974. *Voprosy istorii*. 1976. No. 2. Pp. 165–167 (in Russian)].

Лунин Б. В. Востоковедение в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны. *Общественные науки в Узбекистане*. 1978. № 7. С. 57–67 [Lunin B. V. Oriental studies in Uzbekistan during the Great Patriotic War. *Obshchestvennyye nauki v Uzbekistane*. 1978. No. 7. Pp. 57–67 (in Russian)].

Михайлов С. В. Динара Дубровская: сорок лет в востоковедении. Часть I. *Восточный курьер*. 2021. № 3–4. С. 39–56 [Mikhailov S. V. Dinara Dubravskaya: Forty Years in Oriental Studies. Part I. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 39–56 (in Russian)].

Мосаки Н. З. К юбилею Ольги Ивановны Жигалиной. *Восток (Oriens)*. 2012. № 1. С. 206–209 [Mossaki N. Z. To the anniversary of Olga Ivanovna Zhigalina. *Vostok (Oriens)*. 2012. No. 1. Pp. 206–209 (in Russian)].

Мосаки Н. З. К 100-летию Нафтулы Ароновича Халфина (научная деятельность в 1957–1971 гг.). Статья первая. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 4. С. 120–146 [Mossaki N. Z. On the Centenary of Naftula Aronovich Khalfin (academic activity in 1957–1971). Part I. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. No. 4. Pp. 120–146 (in Russian)].

Мосаки Н. З. К 100-летию Нафтулы Ароновича Халфина — архивиста, историка и востоковеда: биобиблиографический обзор. *Восточный архив*. 2023. № 1 (47). С. 55–70 [Mossaki N. Z. To the 100th anniversary of Naftula Aronovich Khalfin — archivist, historian and orientalist: bio-bibliographic review. *Vostochnyj arkhiv*. 2023. No. 1 (47). Pp. 55–70 (in Russian)].

Нарочницкий А. Л. Предисловие. *Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография*. Отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий. М., 1981. С. 3–7 [Narochnitsky A. L. Preface. *Results and tasks of studying Russia's foreign policy. Soviet historiography*. Ed. by Acad. A. L. Narochnitsky. Moscow, 1981. Pp. 3–7 (in Russian)].

Пак Б. Б. Пак Борис Дмитриевич — кореевед и просветитель. URL: <http://koresaram.kz/pak-boris-dmitrievich-koreeved-i-prosvetitel/>, 2016. 11 марта [Pak B. B. Pak Boris Dmitrievich — Scholar of Korean Studies and educator. URL: <http://koresaram.kz/pak-boris-dmitrievich-koreeved-i-prosvetitel/>, 2016. 11 марта] (дата обращения: 14.09.2022).

Пак Б. Борьба коммунистической партии Японии и независимость японского народа. *Сборник студенческих работ Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина*. Выпуск VII. Востоковедение. Отв. ред. доц. Н. А. Халфин. Ташкент, 1954. С. 3–14 [Pak B. The struggle of the Communist Party of Japan and the independence of the Japanese people. *Collection of student works of the Central Asian State University*. Issue VII. Oriental studies. Ed. by Assoc. Professor N. A. Khalfin. Tashkent, 1954. Pp. 3–14 (in Russian)].

Пак Б. Д. Россия и Корея. М., 1979 [Pak B. D. Russia and Korea. Moscow, 1979 (in Russian)].

Погодин С. А. Докторские диссертации по истории (1985 г.). *Вопросы истории*. 1986. № 7. С. 143–148 [Pogodin S. A. Doctoral dissertations in history (1985). *Voprosy istorii*. 1986. No. 7. Pp. 143–148 (in Russian)].

Рецензии на советские издания. *Вопросы истории*. 1977. № 11. С. 205–207 [Reviews on Soviet publications. *Voprosy istorii*. 1977. No. 11. Pp. 205–207 (in Russian)].

Россия и Индия / АН СССР, Институт востоковедения. Отв. ред. Н. А. Халфин и П. М. Шаститко. М., 1986 [Russia and India. Moscow, 1986. 354 p. (in Russian)].

Соколов А. Я., Халфин Н. А. Отношения между Россией и Афганистаном в 60-х — первой половине 70-х годов XIX в. Афганские эмигранты и купцы в русских владениях. *Россия и Афганистан*. М., 1989а. С. 63–91 [Sokolov A. Ya., Khalfin N. A. Relations between Russia and Afghanistan in the 60s — the first half of the 70s of the XIX century. Afghan emigrants and merchants in Russian possessions. *Russia and Afghanistan*. Moscow, 1989а. Pp. 63–91 (in Russian)].

Соколов А. Я., Халфин Н. А. Россия и Афганистан в 80-е годы XIX в. *Россия и Афганистан*. М., 1989b. С. 102–120 [Sokolov A. Ya., Khalfin N. A. Russia and Afghanistan in the 80s of the XIX century. *Russia and Afghanistan*. Moscow, 1989b. Pp. 102–120 (in Russian)].

Соколов А. Я., Халфин Н. А. Экономика и политика в русско-афганских отношениях (90-е годы XIX в.). *Россия и Афганистан*. М., 1989с. С. 134–153 [Sokolov A. Ya., Khalfin N. A. Economy and politics in Russian-Afghan relations (90s of the XIX century). *Russia and Afghanistan*. Moscow, 1989с. Pp. 134–153 (in Russian)].

Соколов А. Я., Халфин Н. А. Россия и Афганистан в начале XX в. *Россия и Афганистан*. М., 1989d. С. 154–171 [Sokolov A. Ya., Khalfin N. A. Russia and Afghanistan at the beginning of the 20th century. *Russia and Afghanistan*. Moscow, 1989d. Pp. 154–171 (in Russian)].

Станиславская А. М. Труды по внешней политике России периода домонополистического капитализма. Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография / Отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий. М., 1981. С. 248–307 [Stanislavskaya A. M. Works on the foreign policy of Russia in the period of pre-monopoly capitalism. *Results and tasks of studying Russia's foreign policy. Soviet historiography*. Ed. by Acad. A. L. Narochnitsky. Moscow, 1981. Pp. 248–307 (in Russian)].

Станишевский А. В. (Азиз Ниялло) Об этой книге [В кн.]: Халфин Н. А. *Победные трубы Майванды. Историческое повествование*. Предисл. А. В. Станишевского. М., 1980. С. 3–5 [Stanishevsky A. V. (Aziz Niallo) About this book. In: Khalfin N. A. *Victory trumpets of Mainvand (Historical narrative)*. Moscow, 1980. Pp. 3–5 (in Russian)].

Тихомиров М., Гафуров Б., Васильев Л., Завадовский Ю., Королук В., Насенко Ю., Новосельцев А., Тверитинова А., Халфин Н., Шастина Н. *Славяне и Восток* / Отв. ред. акад. М. Тихомиров и чл.-корр. АН СССР Б. Гафуров. Paris, 1965 [Tikhomirov M., Gafurov B., Vasiliev L., Zavadovsky Yu., Korolyuk V., Nasenko Yu., Novoseltsev A., Tveritinova A., Khalfin N., Shastina N. *Slavs and the East* / Ed. by M. Tikhomirov and B. Gafurov. Paris, 1965 (in Russian)].

Усенбаев К., Галицкий В. Россия и ханства Средней Азии. *Известия Академии наук Киргизской ССР*. 1975. № 4. С. 78–79 [Usenbaev K., Galitsky V. Russia and the khanates of Central Asia. *Proceedings of the Academy of Sciences of the Kirghiz SSR*. 1975. No. 4. Pp. 78–79 (in Russian)].

Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года) / АН СССР, Ин-т востоковедения. Отв. ред. Н. А. Халфин. М., 1984 [Formation of humanistic traditions of domestic oriental studies (until 1917). Ed. by N. A. Khalfin. Moscow, 1984 (in Russian)].

Халфин Н. А. в: *Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов XIX в.* Ташкент, 1956 (Труды САГУ. Новая серия. Вып. 87. Кн. 13) [Khalfin N. A. *Three Russian missions. From the history of Russian foreign policy in the Middle East in the second half of the 60s of the XIX century*. Tashkent, 1956 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.)*. М., 1959. [Khalfin N. A. *The failure of British aggression in Afghanistan. (XIX century — the beginning of the XX century)*. Moscow, 1959 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Политика России в Средней Азии (1857–1868)*. М., 1960 [Khalfin N. A. *Russian policy in Central Asia (1857–1868)*. Moscow, 1960 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.)*. М., 1965 [Khalfin N. A. *Accession of Central Asia to Russia (60–90s of the XIX century)*. Moscow, 1965 (in Russian)].

Халфин Н. А. [Вступительная статья] [В кн.]: Симонич И. О. *Воспоминания полномочного министра. 1832–1838 гг.* [Пер. с фр.] / АН СССР. Ин-т народов Азии. М., 1967. С. 3–24 [Khalfin N. A. [Introductory article] In: Simonich I. O. *Memoirs of the Plenipotentiary Minister. 1832–1838* [Trans. from French]. Moscow, 1967. Pp. 3–24 (in Russian)].

Халфин Н. А. Перспективы работы отдела историко-культурных проблем Советского Востока ИВ АН СССР. *Народы Азии и Африки*. 1972а. № 6. С. 224–226 [Khalfin N. A. Prospects for the work of the Department of Historical and Cultural Problems of the Soviet East of the Institute of Economics of the Academy of Sciences of the USSR. *Narody Azii i Afriki*. 1972а. No. 6. Pp. 224–226 (in Russian)].

Халфин Н. А. О движущих мотивах политики России в Средней Азии (60–70-е годы XIX в.). *История СССР*. 1972b. № 4. С. 128–135 [Khalfin N. A. On the driving motives of Russia's policy in Central Asia (60–70s of the XIX century). *Istoriya SSSR*. 1972b. No. 4. Pp. 128–135 (in Russian)].

Халфин Н. А. Академик Бободжан Гафурович Гафуров. *Новая и новейшая история*. 1972с. № 5. С. 179–186 [Khalfin N. A. Academician Bobodzhan Gafurovich Gafurov. *Novaya i Novejshaya Istoriya*. 1972с. No. 5. Pp. 179–186 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Возмездие ожидает в Джагдалаке (историческое повествование)*. М., 1973а. [Khalfin N. A. *Vengeance Waits in Jagdalak (historical narrative)*. Moscow, 1973а. (in Russian)].

Халфин Н. А. Николай Владимирович Ханыков. Вступит. статья к: Ханыков Н. В. *Экспедиция в Хорасан*. Пер. с франц. Е. Ф. Рассадной. М., 1973b. С. 5–23 [Khalfin N. A. Nikolai Vladimirovich Khanykov. Introductory article: Khanykov N. [Nicolas de Khanikoff]. *Expedition to Khorasan*. Transl. from French by E. F. Rassadina. Moscow, 1973b. Pp. 5–23 (in Russian)].

Халфин Н. А. А. Е. Снесарев и «среднеазиатский вопрос». *Андрей Евгеньевич Снесарев (жизнь и научная деятельность)* [Сборник статей] / [Ред. коллегия: В. В. Балабушевич и Г. Г. Котовский]. М., 1973с. С. 97–109 [Khalfin N. A. A. E. Snesarev and the «Central Asian Issue». *Andrei Evgenievich Snesarev (life and scientific activity)* [Collected articles] / [Ed. by V. V. Balabushevich and G. G. Kotovsky]. Moscow, 1973с. Pp. 97–109 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века)*. М., 1974а [Khalfin N. A. *Russia and the Khanates of Central Asia (the first half of the 19th century)*. Moscow, 1974а (in Russian)].

Халфин Н. А. Важный источник по истории Средней Азии и Афганистана. Вступит. статья к: *Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в. (Журналы командировок Г. А. Арендаренко)*. М., 1974b. С. 5–17 [Khalfin N. A. An important source on the history of Central Asia and Afghanistan. Introductory article: *Bukhara and Afghanistan in the early 80s of the XIX century. (Journals of business trips by G. A. Arendarenko)*. Moscow, 1974b. Pp. 5–17 (in Russian)].

Халфин Н. А. Австралийский труд по истории Афганистана и международных отношений. *Вопросы истории*. 1974с. № 7. С. 194–199 [Khalfin N. A. Australian work on the history of Afghanistan and international relations. *Voprosy istorii*. 1974с. No. 7. Pp. 194–199 (in Russian)].

Халфин Н. А. Общество для содействия русской промышленности и торговле в Средней Азии. *Вопросы истории*. 1975а. № 8. С. 45–63 [Khalfin N. A. Society for the Promotion of Russian Industry and Trade and Central Asia. *Voprosy istorii*. 1975а. No. 8. Pp. 45–63 (in Russian)].

Халфин Н. А. Егор Казимирович Мейендорф и его путешествие в Бухару. Вступит. статья к: Мейендорф Е. К. *Путешествие из Оренбурга в Бухару*. М., 1975b. С. 5–17 [Khalfin N. A. Yegor Kazimirovich Meyendorff and his journey to Bukhara. Introductory article: Meyendorff E. K. *Journey from Orenburg to Bukhara*. Moscow, 1975b. Pp. 5–17 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX — начало XX в.)*. М., 1975с. [Khalfin N. A. *Russia and the Emirate of Bukhara in the Western Pamirs (late 19th — early 20th century)*. Moscow, 1975с. (in Russian)].

Халфин Н. А. Восстание в Бала-Хиссар. *Азия и Африка сегодня*. 1977. № 11. С. 57–61 [Khalfin N. A. Uprising in Bala Hissar. *Aziya i Afrika segodnya*. 1977. No. 11. Pp. 57–61 (in Russian)].

Халфин Н. А. Академик Бободжан Гафурович Гафуров (к семидесятилетию со дня рождения). *Народы Азии и Африки*. 1978а. № 6. С. 140–147 [Khalfin N. A. Academician Bobodzhan Gafurovich Gafurov (on his seventieth birthday). *Narody Azii i Afriki*. 1978а. No. 6. Pp. 140–147 (in Russian)].

Халфин Н. А. Жизнь и труды Ивана Федоровича Бларамберга. Вступит. статья к: Бларамберг И. Ф. *Воспоминания*. Пер. с нем. О. И. Жигалиной и Э. Ф. Шмидта. М., 1978b. С. 5–24 [Khalfin N. A. Life and Works of Ivan Fedorovich Blaramberg. Introductory article: Blaramberg I. *Memories*. Transl. from German by O. I. Zhigalina and E. F. Schmidt. Moscow, 1978b. Pp. 5–24 (in Russian)].

Халфин Н. А. [Рец. на:] А. М. Матвеев. Зарубежные выходцы в Туркестане на путях к Великому Октябрю (1914 — октябрь 1917 гг.). Ташкент, 1977. *История СССР*. 1978с. № 4. С. 169–171 [Khalfin N. A. [Rev. on:] A. M. Matveev. Foreign immigrants in Turkestan on the way to the Great October (1914 — October 1917). Tashkent, 1977. *Istoriya SSSR*. 1978с. No. 4. Pp. 169–171 (in Russian)].

Халфин Н. А. [Рец. на:] Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978d. *Народы Азии и Африки*. 1979. № 6. С. 203–209 [Khalfin N. A. [Rev. on:] The Eastern Question in Russia's Foreign Policy. Late 18th — early 20th century. Moscow, 1978d. *Narody Azii i Afriki*. 1979. No. 6. Pp. 203–209 (in Russian)].

Халфин Н. А. Вторая англо-афганская война (1878–1880 гг.). *Вопросы истории*. 1979а. № 3. С. 117–130 [Khalfin N. A. The Second Anglo-Afghan War (1878–1880). *Voprosy istorii*. 1979а. No. 3. Pp. 117–130 (in Russian)].

Халфин Н. А. Николай Владимирович Ханыков (К 160-летию со дня рождения). *Народы Азии и Африки*. 1979b. № 2. С. 140–149 [Khalfin N. A. Nikolai Vladimirovich Khanykov (To the 160th anniversary of his birth). *Narody Azii i Afriki*. 1979b. No. 2. Pp. 140–149 (in Russian)].

Халфин Н. А. Выдающийся советский востоковед. К 70-летию академика Б. Г. Гафурова. *Азия и Африка сегодня*. 1980а. № 4. С. 60 [Khalfin N. A. Outstanding Soviet orientalist. To the 70th anniversary of academician B. G. Gafurov. *Azıya i Afrika segodnya*. 1980a. No. 4. P. 60 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Победные трубы Майванды. Историческое повествование*. Предисл. А. В. Станишевского. М., 1980b. [Khalfin N. A. *Victory trumpets of Mainwand (Historical narrative)*. Moscow, 1980b (in Russian)].

Халфин Н. А. Афганистан завоевывает независимость. *Вопросы истории*. 1980с. № 6. С. 112–125 [Khalfin N. A. Afghanistan wins independence. *Voprosy istorii*. 1980с. No. 6. Pp. 112–125 (in Russian)].

Халфин Н. А. «Страдания» наследников Дизраэли. *Новое время*. 1980d. 23 мая. № 21. С. 20–22 [Khalfin N. A. «Suffering» of the heirs of Disraeli. *Novoe vremya*. 1980d. May, 23. No. 21. Pp. 20–22 (in Russian)].

Халфин Н. А. Договор равных. К 60-летию советско-афганского Договора о дружбе и сотрудничестве. *Новый мир*. 1981. № 1. С. 210–222 [Khalfin N. A. Treaty of equals. To the 60th anniversary of the Soviet-Afghan Treaty of Friendship and Cooperation. *Novyi mir*. 1981. No. 1. Pp. 210–222 (in Russian)].

Халфин Н. А. Борьба народов Афганистана за независимость против английских колонизаторов. *Афганистан: прошлое и настоящее*. М., 1982а. С. 46–65 [Khalfin N. A. The struggle of the peoples of Afghanistan for independence against the British colonialists. *Afghanistan: past and present*. Moscow, 1982a. Pp. 46–65 (in Russian)].

Халфин Н. А. [Рец. на:] Anuradha Sareen. India and Afghanistan. British Imperialism versus Afghan Nationalism. 1907–1921. Delhi, 1981. *Народы Азии и Африки*. 1982b. № 5. С. 211–213 [Khalfin N. A. [Rev. on:] Anuradha Sareen. India and Afghanistan. British Imperialism versus Afghan Nationalism. 1907–1921. Delhi, 1981. *Narody Azıi i Afriki*. 1982b. No. 5. Pp. 211–213 (in Russian)].

Халфин Н. А. Национальный архив Индии. *Народы Азии и Африки*. 1983а. № 5. С. 138–145 [Khalfin N. A. National Archive of India. *Narody Azıi i Afriki*. 1983a. No. 5. Pp. 138–145 (in Russian)].

Халфин Н. А. Лорд Керзон — идеолог и политик британского империализма. *Новая и новейшая история*. 1983b. № 1. Pp. 120–140 [Khalfin N. A. Lord Curzon — the ideologist and politician of British imperialism. *Novaya i Novejshaya Istoriya*. 1983b. No. 1. Pp. 120–140 (in Russian)].

Халфин Н. А. Первый равноправный. *Азия и Африка сегодня*. 1984а. № 11. С. 48–51 [Khalfin N. A. The first one is equal. *Azıya i Afrika segodnya*. 1984a. No. 11. Pp. 48–51 (in Russian)].

Халфин Н. А. Послесловие к: [Лорд Керзон. Место Индии в империи]. *Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года) / АН СССР, Ин-т востоковедения*. Отв. ред. Н. А. Халфин. М., 1984b. С. 288–290 [Khalfin N. A. Afterword [to: Lord Curzon. India's place in the empire]. *Formation of humanistic traditions of domestic oriental studies (until 1917)*. Ed. by N. A. Khalfin. Moscow, 1984b. Pp. 288–290 (in Russian)].

Халфин Н. А. Востоковедение в Иркутском педагогическом институте. *Народы Азии и Африки*. 1984с. № 6. С. 118–119 [Khalfin N. A. Oriental studies at the Irkutsk Pedagogical Institute. *Narody Azıi i Afriki*. 1984с. No. 6. Pp. 118–119 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Заря свободы над Кабулом: Историческое повествование*. М., 1985 [Khalfin N. A. *The Dawn of Freedom over Kabul: A Historical Narrative*. Moscow, 1985 (in Russian)].

Халфин Н. А. Связи, контакты, сотрудничество [Рец. на:] Devendra Kaushik. *India and Central Asia in Modern Times. A Study in Historical-cultural Contacts from the Early Nineteenth Century*. Delhi, 1985]. *Азия и Африка сегодня*. 1986а. № 4. С. 61 [Khalfin N. A. Connections, contacts, cooperation [Rev. on: Devendra Kaushik. *India and Central Asia in Modern Times. A Study in Historical-cultural Contacts from the Early Nineteenth Century*. Delhi, 1985]. *Azıya i Afrika segodnya*. 1986a. No. 4. P. 61 (in Russian)].

Халфин Н. А. Введение. *Россия и Индия / АН СССР, Институт востоковедения*. Отв. ред. Н. А. Халфин и П. М. Шаститко. М., 1986b. С. 5–9 [Khalfin N. A. Introduction. *Russia and India*. Moscow, 1986b. Pp. 5–9 (in Russian)].

Халфин Н. А. Дж. Н. Керзон в российской Средней Азии. *Вопросы истории*. 1988. № 3. С. 106–115 [Khalfin N. A. J. N. Curzon in Russian Central Asia. *Voprosy istorii*. 1988. No. 3. Pp. 106–115 (in Russian)].

Халфин Н. А. Советская историография Афганистана (80-е годы). *Афганистан. История, экономика, культура. Сборник статей*. М., 1989а. С. 82–91 [Khalfin N. A. Soviet historiography of Afghanistan (80s). *Afghanistan. History, economy, culture*. Moscow, 1989a. Pp. 82–91 (in Russian)].

Халфин Н. А. Русско-афганские отношения в 30–50-е годы XIX в. Миссии И. В. Виткевича и Н. В. Ханыкова. *Россия и Афганистан*. М., 1989b. С. 39–62 [Khalfin N. A. Russian-Afghan relations in the 30–50s of the XIX century. Missions of I. V. Vitkevich and N. V. Khanykov. *Russia and Afghanistan*. Moscow, 1989b. Pp. 39–62 (in Russian)].

Халфин Н. А. Посольство Н. Г. Столетова. Россия и приход к власти эмира Абдурахман-хана. *Россия и Афганистан*. М., 1989с. С. 92–101 [Khalfin N. A. Embassy of N. G. Stoletov. Russia and the coming to power of Emir Abdurakhman Khan. *Russia and Afghanistan*. Moscow, 1989с. Pp. 92–101 (in Russian)].

Халфин Н. А. [при участии Кожекиной М. Т.] Приложение. Изучение Афганистана в России (1840–1910). *Россия и Афганистан*. М., 1989d. С. 174–181 [Khalfin N. A. [with the participation of Kozhekina M. T.] Appendix. The study of Afghanistan in Russia (1840–1910). *Russia and Afghanistan*. Moscow, 1989d. Pp. 174–181 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Возмездие ожидает в Джагдалаке. Победные трубы Майванда (Историческое повествование)*. 2-е изд. Послесл М. С. Лазарева. М., 1990 [Khalfin N. A. *Vengeance Waits in Jagdalak. Victory trumpets of Maimvand (Historical narrative)*. 2nd ed. Moscow, 1990 (in Russian)].

Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат. М., 1977а [Khalfin N. A., Rassadina E. F. N. V. Khanykov is an orientalist and diplomat. Moscow, 1977а (in Russian)].

Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. Рядом с Тургеневым и Герценом. *Азия и Африка сегодня*. 1977b. № 11. С. 57–61 [Khalfin N. A., Rassadina E. F. Near Turgenev and Herzen. *Asiya i Afrika segodnya*. 1977b. No. 11. Pp. 57–61 (in Russian)].

Ханыков Н. В. *Экспедиция в Хорасан*. Пер. с франц. Е. Ф. Рассадиной. М., 1973 [Khanykov N. V. *Expedition to Khorasan*. Transl. from French by E. F. Rassadina. Moscow, 1973 (in Russian)].

Ханыков Н. В. *Записки по этнографии Персии* / Пер. с фр. Е. Ф. Рассадиной. АН СССР, Ин-т востоковедения (Центральная Азия в источниках и материалах XIX — начала XX в.). М., 1977 [Khanykov N. V. *Notes on the ethnography of Persia*. Trans. from French by E. F. Rassadina. Moscow, 1977 (in Russian)].

Хроникальные заметки. *Вопросы истории*. 1970. № 3. С. 158–161 [Chronicle notes. *Voprosy istorii*. 1970. No. 3. Pp. 158–161].

Челышев Е. П. Восточный мудрец. Академик Бободжан Гафуров: к 100-летию со дня рождения / Ред. коллегия: Е. П. Челышев (пред.) и др.; Ин-т востоковедения РАН. М., 2009. С. 5–29 [Chelyshev E. P. Oriental sage. *Academician Bobodzhan Gafurov: on the occasion of the 100th anniversary of his birth*. Moscow, 2009. Pp. 5–29 (in Russian)].

Шаститко П. М. *Век ушёл: сцены из истории отечественного востоковедения*. М., 2009 [Shastitko P. M. *The Century Has Gone: Scenes from the History of Russian Oriental Studies*. M., 2009 (in Russian)].

Юбилей Б. Д. Пака. *Восток (Oriens)*. 2006. № 4. С. 218–221 [Anniversary of B. D. Pak. *Vostok (Oriens)*. 2006. No. 4. Pp. 218–221 (in Russian)].

Bibliography of Periodical Literature. *Middle East Journal*. 1979. Vol. 33. No. 3. Pp. 409–433.

Bodger A. [Rev. on:] Russia and the Khanates of Central Asia to 1865 by John L. Evans: Mission of N. P. Ignat'ev to Khiva and Bukhara, 1858 by John L. Evans. *The Slavonic and East European Review*. 1985. Vol. 63. No. 4. Pp. 604–606.

Evans J. L. *Russia and the Khanates of Central Asia to 1865*. Orlando, 1982.

Fitzhardinge H. V. H. *The establishment of the north-west frontier of Afghanistan, 1884–1888*. 1968. Thesis (PhD) [available also at: <https://openresearch-repository.anu.edu.au/handle/1885/10811>].

Forthcoming books from the USSR on the Middle East. *Middle East Studies Association Bulletin*. 1975. Vol. 9. No. 3. Pp. 58–59.

Halfin N. Der Kampf der Völker Afghanistans für Unabhängigkeit gegen die englischen Kolonisatoren. In: *Afghanistan: Vergangenheit und Gegenwart*. Moskau, 1981. S. 107–141.

- Kappeler A. [Rev. on:] Naftula Aronovich Chalfin. *Rossija i chanstva Srednej Azii (pervaja polovina XIX veka)* [*Rußland und die Chanate Mittelasien in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts*]. Moskva, 1974. DM 11, 40. *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1976. Band. 24. Heft. 4. S. 579–580.
- Kaushik D. *Central Asia in modern times: a history from the early 19th century*. Moscow, 1970.
- Khalfin N. A. *Russia's Policy in Central Asia, 1857–1868*. Translated and abridged by Hubert Evans from *Politika Rossii v Srednei Azii 1857–1868*. London, 1964.
- Khalfin N. A. *Orientalist N. V. Khanikov: Russian-French scientific contact*. Moscow, 1973 (XXIX International congress of orientalists. Paris, July 16–22, 1973). Papers presented by Soviet scientists.
- Khalfin N. A. *British plots against Afghanistan: pages from history*. Moscow, 1981.
- Khalfin N. A. Indian Missions in Russia in the Late Nineteenth Century and British Historiography of International Relations in Asia. *Modern Asian Studies*. 1987. Vol. 21. No. 4. Pp. 639–646.
- Levi S. C. Hindus beyond the Hindu Kush: Indians in the Central Asian Slave Trade. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2002. Third Series. Vol. 12. No. 3. Pp. 277–288.
- Morrison A. *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914*. Cambridge, 2021.
- Nish I. *Modern Asian Studies*. 1987. Vol. 21. No. 4. Pp. 667–678.
- Notices of Periodical and Occasional Publications, Mainly of 1975. *The English Historical Review*. 1976. Vol. 91. No. 360. Pp. 695–720.
- Notices of Periodical and Occasional Publications, Mainly of 1979. *The English Historical Review*. 1980. Vol. 95. No. 376. Pp. 675–720.
- Notices of Periodical and Occasional Publications, Mainly of 1980. *The English Historical Review*. 1981. Vol. 96. No. 380. Pp. 676–720.
- Other Books Received. *The American Historical Review*. 1977. Vol. 82. No. 3. Pp. 796–803.
- Owen Th. C. The Russian Industrial Society and Tsarist Economic Policy, 1867–1905. *The Journal of Economic History*. 1985. Vol. 45. No. 3. Pp. 587–606.
- Petrov A. M. Foreign Trade of Russia and Britain with Asia in the Seventeenth to Nineteenth Centuries. *Modern Asian Studies*. 1987. Vol. 21. No. 4. Pp. 625–637.
- Selected Recent Soviet Publications. *Middle East Studies Association Bulletin*. 1991. Vol. 25. No. 2. Pp. 262–271.
- Seneta E. I. J. Bienaymé [1796–1878]: Criticality, Inequality, and Internationalization. *International Statistical Review / Revue Internationale de Statistique*. 1998. Vol. 66. No. 3. Pp. 291–301.
- V. J. [Recenze:] Chalfin N. A.: *Rossija i chanstva Srednej Azii (pervaja polovina XIX veka)*. Moskva, 1974. *Slovanský přehled*. Praha, 1976. No. 2. S. 150.
- Volodarsky M. Persia's Foreign Policy between the Two Herat Crises, 1831–56. *Middle Eastern Studies*. 1985. Vol. 21. No. 2. Pp. 111–151.
- Yapp M. E. British Perceptions of the Russian Threat to India. *Modern Asian Studies*. 1987. Vol. 21. No. 4. Pp. 647–665.
- Yapp M. E. [Rev. on:] Central Asia and Kashmir: A Study in the Context of Anglo-Russian Rivalry by K. Warikoo. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1991. Vol. 1. No. 2. Pp. 306–307.

СПИСОК ТРУДОВ
к. э. н. А. П. МУРАНОВОЙ

к 95-летию со дня рождения
и 65-летию работы в Институте востоковедения РАН

1. Сельскохозяйственный кредит в колониальной Бирме. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 1963.
2. Экономическое развитие Бирмы: проблемы финансирования. М., 1978.

РАЗДЕЛЫ В КОЛЛЕКТИВНЫХ МОНОГРАФИЯХ И СПРАВОЧНИКАХ

1. Бирма / Политика США в странах Южной Азии. М., 1961. С. 137–190.
2. Бирма / Азия и Африка (1950–1960 гг.). Стат. сборник, М., 1964. С. 88–106.
3. Бирма / Рабочий класс стран Азии и Африки. Справочник. М., 1964. С. 33–41.
4. Государственные финансы Бирмы / Государственные финансы несоциалистических стран Азии. М., 1965. С. 188–214.
5. Бирма / Планы-программы экономического развития стран Азии. М., 1966. С. 53–92.
6. Бирма / Кредит и кредитные системы стран Азии. М., 1968. С. 29–55.
7. Бирма / Экономика развивающихся стран Азии в цифрах. 1960–1965 гг. М., 1970. С. 148–160.
8. Бирма / Развивающаяся Азия: изменения в отраслевой структуре народного хозяйства. М., 1973. С. 136–200.
9. Бирма. Справочник. Разделы: «Экономика. Общая характеристика», «Сельское хозяйство», «Промышленность», «Транспорт и связь», «Финансы», «Образование». М., 1982. С. 219–291, 317–327, 332–336.
10. Бирма / Восток: продовольствие и развитие. М., 1986. С. 193–203, 298–305.
11. Юго-Восточная Азия. Несocialистические страны. Справочник. Раздел «Финансы, кредит, денежное обращение». М., 1989. С. 110–119.
12. Налоговое регулирование деятельности иностранного предпринимательства / АСЕАН в системе международных экономических отношений. М., 1994. С. 190–218.

СТАТЬИ В СБОРНИКАХ СТАТЕЙ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

1. Задолженность бирманского крестьянства в 1918–1939 гг. // Вопросы истории стран Востока. Ученые записки кафедры истории стран Востока. Вып. 1. М., 1958. С. 74–95.

2. Ростовщический капитал — орудие колониальной эксплуатации крестьянства в Бирме в 20–30-х годах XX в. // Юго-Восточная Азия. Очерки экономики и истории. М., 1958. С. 32–65.
3. Бирма // Экономическое положение стран Азии и Африки в 1957 г. и первой половине 1958 г. М., 1959. С. 77–96.
4. Бирма // Экономическое положение стран Азии и Африки в 1958 г. М., 1960. С. 31–51.
5. Кредитные сельскохозяйственные кооперативы в колониальной Бирме / Аграрно-крестьянский вопрос в странах Юго-Восточной Азии. М., 1961. С. 34–52.
6. Бирма // Экономическое положение стран Азии и Африки в 1959 г. М., 1961. С. 30–44.
7. Бирма // Экономическое положение стран Азии и Африки в 1960 г. М., 1962. С. 54–70.
8. Бирма // Экономическое положение стран Азии и Африки в 1961 г. М., 1963. С. 35–52.
9. Бирма // Экономическое положение стран Азии в 1962 г. М., 1964. С. 46–63.
10. Сельскохозяйственный кредит в Бирме (1948–1962 гг.) // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. № 79. Финансы и кредит. М., 1964. С. 37–51.
11. Аграрная политика правительства Не Вина / Социально-экономические последствия аграрных реформ и социальная структура деревни в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1966. С. 78–85.
12. Изучение истории Бирмы в СССР / Советская историография Юго-Восточной Азии. М., 1977. С. 11–58.
13. Тенденции развития внешней торговли Бирмы в 70-е годы / Внешнеэкономические связи стран Юго-Восточной Азии. М., 1980. С. 195–221.
14. Налоговое регулирование и стимулирование частнокапиталистического предпринимательства в странах АСЕАН / Юго-Восточная Азия: развитие капитализма. М., 1987. С. 105–124.
15. Экономическое развитие стран АСЕАН и проблема внешнего долга / Страны АСЕАН на грани долгового кризиса? М., 1988. С. 55–70.
16. Мьянма в поисках выхода из кризиса // «Восток и современность. Научно-информационный бюллетень». 1990. № 2. С. 52–75.
17. Мьянма до и после парламентских выборов 1990 г. // «Восток и современность. Научно-информационный бюллетень». 1991. № 1. С. 20–44.
18. Мьянма: экономическое положение при военном режиме Со Маунга // «Ritsumeikan Journal of International Relations and Area Studies». 1992. No. 2. Pp. 45–62.
19. Япония / Бюджетный процесс в зарубежных государствах. М., 1996. С. 122–145.
20. Налоговые реформы в странах АСЕАН / Экономические реформы в Азии в переходный период. М., 1996. С. 50–57.
21. Налоговые реформы в странах АСЕАН // Российские реформы и зарубежный опыт системных преобразований. Вып. 3. М., 2000. С. 62–79.
22. Экономическая либерализация в Мьянме // Российские реформы и зарубежный опыт системных преобразований. Вып. 3. М., 2000. С. 95–102.

23. АСЕАН и Япония в период кризиса // Юго-Восточная Азия в 1999 г. Актуальные проблемы развития. М., 2000. С. 199–204.
24. Внешняя торговля стран Юго-Восточной Азии в период нестабильного развития на рубеже веков // Юго-Восточная Азия в 2001 г. Актуальные проблемы развития. М., 2002. С. 82–94.
25. Модели налогообложения в странах Юго-Восточной Азии (на примере Сингапура и Таиланда) (в соавторстве с Аруновой Л. В.). Сайт Восточного университета <http://ogun.ru/upload/muranova.pdf>
26. Налоговое стимулирование частного бизнеса в Брунее Даруссаламе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XV. М., 2010. С. 226–245.
27. Налоговая политика и модернизация экономики в странах Юго-Восточной Азии (на примере Брунея и Сингапура) // Восточная аналитика. 2011. № 2. С. 59–74.
28. Слово о Владимире Фёдоровиче Васильеве // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XVI. М., 2011. С. 6–11.
29. Внешняя торговля стран Юго-Восточной Азии в 2000–2011 гг. и ее развитие в среднесрочной перспективе // Восточная аналитика. 2012. № 3. С. 131–136.
30. Налоговое стимулирование частного бизнеса в наименее развитом регионе Юго-Восточной Азии (Мьянма, Камбоджа, Лаос) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XIX. М., 2012. С. 51–104.
31. ЮВА: факторы инвестиционной привлекательности региона // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XX. М., 2013. С. 110–139.
32. Структурные сдвиги в международном движении капитала и инвестиционные потоки в Юго-Восточной Азии, 2000–2012 гг. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXI. М., 2013. С. 220–247.
33. Зарубежные прямые инвестиции стран Юго-Восточной Азии // Восточная аналитика. 2013. № 4. С. 128–142.
34. Памяти Козловой Марины Георгиевны // Восток / ORIENS. 2014. № 5. С. 213–216.
35. Налоговые реформы на Филиппинах, 1977–2015 гг. (Часть 1. 1977–1999 гг.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXVIII. М., 2015. С. 134–157.
36. Налоговые реформы на Филиппинах, 1977–2015 гг. (Часть II. 2000–2015 гг.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXIX. М., 2015. С. 184–198.
37. Современная налоговая система Филиппин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXXIII. М., 2016. С. 99–140.
38. Мьянма: активизация экономической деятельности США, 2011–2016 гг. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXXV. М., 2017. С. 170–183.
39. Воздействие глобализации на налоговую политику стран Юго-Восточной Азии // Восточная аналитика. 2017. № 3. С. 43–47.
40. Мьянма: проблемы экономического развития на современном этапе // «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афразиазиатских стран». Материалы конференции ЦИОПСВ ИВ РАН. 13–15 марта 2017 г. С. 90–99.

41. Аграрные проблемы Мьянмы / Страны Азии и Африки в XXI веке: экономическое развитие и научно-технический прогресс. К 90-летию Виктора Георгиевича Растянникова. М., 2018. С. 228–235.
42. Политика правительства Мьянмы по привлечению иностранных инвестиций, 1988–2017 гг. // Труды Института востоковедения РАН. 2018. № 10. С. 138–157.
43. Развитие информационно-коммуникационных технологий в Мьянме // Экономические, социально-политические и этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. Материалы конференции ИВ РАН. М., 2020. С. 71–72.
44. Информационные и коммуникационные технологии и их применение в налоговой администрации стран Юго-Восточной Азии // Восточная аналитика. 2020. № 1. С. 45–72.
45. Неравенство доходов и налоговые инструменты его снижения в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 1. № 1 (50). С. 32–42.
46. Пандемия коронавируса в Сингапуре, Малайзии и Таиланде и действия правительств по ограничению его распространения // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. Памяти Р. Г. Ланды. М., 2021. С. 140–155.

ПРОЧИЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. БИРМА. Исторический очерк // Советская историческая энциклопедия. Изд. 1. Т. 2. М., 1962. С. 446–463 (в соавторстве с В. Ф. Васильевым).
2. Сельскохозяйственный кредит в колониальной Бирме. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 1963.
3. Рецензия на монографию Васильева В. Ф. «Рабочий класс Бирмы». М., 1978 // «Азия и Африка сегодня». 1979. № 1. С. 61–62.
4. Рецензия на монографию Симония А. А. «Внешнеторговые связи Бирмы (1962–1976 гг.)». М., 1979 // «Народы Азии и Африки». 1980. № 3. С. 237–239.
5. Рецензия на сборник статей «Юго-Восточная Азия: условия и факторы воспроизводства» / Отв. ред. О. Г. Барышникова, Г. И. Чуфрин. М., 1980 // «Народы Азии и Африки». 1983. № 1. С. 182–187.
6. Рецензия на монографию Хрящевой Н. М. «Новый международный экономический порядок и страны Азии». М., 1984 // «Азия и Африка сегодня». 1986. № 2. С. 64.
7. Рецензия на монографию Васильева В. Ф. «История Мьянмы / Бирмы. XX век». М., 2010 // «Восток/ORIENS. 2010. № 6. С. 166–170.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-161-167

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «БОРЬБА ЗА ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: ИНТЕРЕСЫ И АМБИЦИИ»

© 2023

Н. М. Горбунова¹

В сентябре 2022 г. вышла в свет монография коллектива авторов, большинство которых составляют сотрудники ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова. Вдохновителем проекта и редактором, а также автором Введения является руководитель Центра ближневосточных исследований института, член-корреспондент РАН Ирина Доновна Звягельская. Ниже предлагается рецензия на книгу «Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции». Это пилотное исследование крупной региональной проблемы было презентовано и обсуждено на семинаре, посвященном Г. И. Мирскому. Поскольку в ходе дискуссии высвечивались все новые грани обсуждаемой темы, показалось важным всесторонне оценить саму монографию и поставленные в ней проблемы, учитывая при этом, что автор данной рецензии в 2019 и 2020 гг. (в соавторстве) опубликовал две статьи на эту тему в Вестнике ИВ РАН*.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, месторождения газа, Ближний Восток, Турция, Кипр, Израиль, Египет

Для цитирования: Горбунова Н. М. Рецензия на коллективную монографию «Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции». Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 2. С. 161–167. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-161-167

REVIEW OF THE VOLUME «THE STRUGGLE FOR THE EASTERN MEDITERRANEAN: INTERESTS AND AMBITIONS»

Natalia M. Gorbunova

In September 2022, a monograph was published by a team of authors, most of whom are employees of the Institute of World Economy and International Relations RAS named after E. M. Primakov. The inspirer of the project and the editor, as well as the author of the Introduction, is the head of the Center for Middle Eastern Studies of the Institute, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences Irina Donovna

¹ Горбунова Наталья Максовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nigorbunov@mail.ru
Natalia M. Gorbunova, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow;
nigorbunov@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-3949-0700

* Горбунова Н. М., Иванова И. И. Газ в Восточном Средиземноморье как причина новых конфликтов стран региона. Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 2 (8). С. 226–234; Горбунова Н. М., Иванова И. И. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы. Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2 (12). С. 64–79.

Zvyagelskaya. Below is a review of the book «The Struggle for the Eastern Mediterranean: Interests and Ambitions». This pilot study of a major regional problem was presented and discussed at a seminar dedicated to G. I. Mirsky. Since new facets of the topic under discussion were highlighted during the discussion, it seemed important to comprehensively evaluate the monograph itself and the problems posed in it, taking into account that in 2019 and 2020, the author of this review (in co-authorship) published two articles on this topic in the Bulletin of the Institute of Oriental Studies RAS.

Keywords: Eastern Mediterranean, Gas Fields, Middle East, Turkey, Cyprus, Israel, Egypt

For citation: Gorbunova N. M. Review of the Volume «The Struggle for Eastern Mediterranean: Interests and Ambitions». *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 2. Pp. 161–167. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-161-167

Отметим вначале, что структура монографии и ее содержание достаточно полно отражают основной спектр современных проблем, возникших в результате открытия на шельфовых отложениях восточной части Средиземного моря значительных даже по мировым меркам запасов углеводородного сырья. Книга состоит из четырех разделов и 12 глав. Четыре главных блока охватывают: 1) проблемы треугольника — Турции, Греции и Кипра, 2) использование газовых ресурсов региона как экономический фактор или политическую выгоду, 3) заинтересованность в углеводородных богатствах ВС стран Персидского залива и 4) вовлеченность в проекты разведки и добычи газа внешних игроков — Евросоюза, России и США.

Первая глава книги, входящая в ее раздел I, — «Восточное Средиземноморье в окружающем мире» открывается актуальным аналитическим обзором этого региона, автором которого является научный руководитель ИВ РАН академик Виталий Вячеславович Наумкин. Как отдельный регион, или субрегион, Восточное Средиземноморье рассматривается в мировой политике и практике с точки зрения обеспечения важных стратегических интересов на Ближнем Востоке, в Южной Европе и Северной Африке. Добыча и транспортировка углеводородов морским путем или по трубопроводам требует выработки совместной стратегии и логистики прибрежных стран. Как отмечает В. В. Наумкин, особое значение при этом приобретают «усилия по примирению конфликтующих сторон», делимитации морских зон и практическому освоению газовых месторождений странами-владельцами. Широкий обзор экспертной литературы по этим вопросам, сделанный ученым, помогает читателю рассматривать запутанный клубок противоречивых проблем шельфа Восточного Средиземноморья как в целом, так и в отдельных его узлах. Здесь затронуты вопросы конфликтогенности, свойственной региону, включающие демографический и многоконфессиональный факторы, слабости экономики, безработицы и бедности населения. Особое внимание в первой главе уделено описанию сложности этнонациональных проблем, объединяющих государства и группы населения в «этноцивилизационные кластеры», к которым «в определенной мере примыкают диаспоральные» [Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции, 2022, с. 24–25].

Представляется также важным относительно новое явление, на которое обратил внимание В. В. Наумкин: «конфессиональная солидарность» в общественных процессах стала уступать свою роль «этнической солидарности». Например, он отмечает, что «противостоянию Турции и Египта (блокирующегося с Грецией и Израилем) [в вопросах добычи и транспортировки

* Gorbunova N. M., Ivanova I. I. Natural Gas in the Eastern Mediterranean as a Trigger of New Conflicts between the Countries of the Region. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2019. No. 2. Pp. 226–234; Gorbunova N. M., Ivanova I. I. Rivalry over the Gas Deposits in the Eastern Mediterranean: Results and Prospects. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. No. 2. Pp. 64–79.

газа — Н. Г.] никак не мешает их принадлежность к одной религии. Принадлежность к разным конфессиям не ослабляет греко-кипрско-израильское энергетическое сотрудничество» [Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции, 2022, с. 25].

В качестве важного аспекта, влияющего на ситуацию на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье, в первой главе упомянуты также интересы внешних акторов, включая США, Великобританию, Германию, Францию, Италию, Россию и КНР. При этом отмечено, что «российская дипломатия проявляет принципиальность, но одновременно сдержанность и осторожность в отношении различных внешних игроков в Сирии» [Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции, 2022, с. 27]. Автор не обошел вниманием также общий для субрегиона миграционный кризис и проблему беженцев.

Вторая глава книги логично посвящена теме «Международное право или битва за права». Автором главы является П. А. Гудев, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, руководитель Группы исследований политики США и их союзников в Мировом океане. Его как специалиста по международному морскому праву в первую очередь интересует проблема множества неурегулированных конфликтов в Восточном Средиземноморье (ВС). Он отмечает: «Здесь проходит линия противостояния между Турцией и Европейским союзом, между Турцией и Грецией как странами — членами НАТО за доступ к акваториям и островам...» [Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции, 2022, с. 34]. Опираясь на Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., он указывает, что страны региона зачастую забывают, что Конвенция «содержит в себе норму, прямо запрещающую злоупотреблять правами, т. е. претендовать на большее в ущерб интересам других сторон» [Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции, 2022, с. 35].

П. А. Гудев большое внимание уделяет спору Турции и Греции относительно разграничения морских пространств в Эгейском море и на континентальном шельфе. Раскрывая суть различной трактовки этими государствами положений Лозаннского мирного договора 1923 г., Лозаннской конвенции о режиме проливов, Конвенции Монтрё 1936 г. и других основополагающих международных актов по морскому праву, он подробно останавливается на разборе главных положений этих документов. Автор приводит статьи тех международных правовых источников, которые регулируют воздушное пространство над акваториями Мирового океана, зонами суверенитета и юрисдикции прибрежных государств. Особо хочется отметить, что эту главу книги, несомненно, украшают подробные цветные карты Эгейского моря и ВС, а также схемы объема экспорта и импорта стран региона в 2009–2019 гг.

Специальный раздел Гудев посвятил проблеме Кипра, толкованию позиций Турции и Кипра о разграничении морских пространств между Кипром и непризнанной Турецкой Республикой Северного Кипра (ТРСК). Автор проясняет турецкий подход к этим проблемам, который заключается в том, что еще в 2011 г. Турция таким образом провела линию разграничения континентального шельфа с ТРСК, что получила гораздо большие преимущества при делимитации. «Здесь опять-таки, — пишет Гудев, — был использован традиционный турецкий подход: протяженность береговой линии прибрежного государства [имеется в виду сама Турция — Н. Г.] имеет приоритет перед островами, <...> а разграничение между странами должно основываться на приоритетном учете принципа справедливости, а не на использовании метода срединной линии» [Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции, 2022, с. 53]. Эти запутанные, часто противоречивые юридические трактовки спорящих сторон красноречиво свидетельствуют о широких возможностях затягивания конфликта на много лет. Именно этот вывод вытекает из профессионального анализа правовых актов, сделанного П. А. Гудевым.

Этой же теме турецко-греческих противоречий посвящена третья глава монографии. Ее авторы И. А. Свистунова и Ю. Д. Квашнин вначале восстанавливают исторический контекст проблемы, начиная с 20-х гг. прошлого века. Они констатируют, что «краеугольным камнем политики безопасности Афин и Анкары в Восточном Средиземноморье было и остается взаимное стратегическое сдерживание» [Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции, 2022, с. 77] с помощью военных и дипломатических инструментов. Однако ситуация меняется, и с ней меняется опора то на военную силу и вооружение, то на дипломатию и переговоры. Предпосылку нормализации отношений между Грецией и Турцией авторы видят в принятии обеими сторонами мер повышения взаимного доверия, начиная с экологического мониторинга и совместного поиска и разработки углеводородов.

Четвертая глава, входящая в раздел II монографии, открывается темой «Газовые ресурсы как ведущий фактор региональных отношений». С точки зрения ее автора Н. А. Кожанова, открытие крупных запасов природного газа «стало одним из поворотных моментов в истории региона» [Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции, 2022, с. 92]. Предлагается, что такой взгляд несколько опережает текущую ситуацию и указывает на перспективы кардинальных изменений в расстановке военно-политических и экономических сил прибрежных стран ВС. Свое мнение автор обосновывает тем, что ряд этих стран (Египет и Израиль) смогли в целом решить проблемы своей энергетической независимости. Однако комплексное решение вопросов энергетической безопасности региона потребует гораздо больших усилий и времени для их урегулирования. На это указывает и автор, подробно описывая взаимоотношения внутри образованного в 2020 г. Восточносредиземноморского газового форума. Ценность данной главы монографии состоит в качественном анализе юридических и практических шагов Египта и Израиля по совместному строительству трубопроводов, а также отношения к этому Турции, Катар и ОАЭ. По мнению Н. А. Кожанова, «для достижения этой цели [т. е. разработки израильских месторождений] необходимо заинтересовать крупные транснациональные компании (ТНК)...» [Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции, 2022, с. 104]. Он приходит к реалистичному выводу, что «в текущей ситуации восточно-средиземноморские производители газа смогут играть лишь нишевую вторичную роль в качестве поставщиков сырья в ЕС, и то далеко не сразу» [Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции, 2022, с. 108].

Особый интерес представляют пятая и шестая главы книги (авторы — И. Э. Ибрагимов, Л. М. Самарская, Т. И. Тюкаева), поскольку непосредственно рассматривают центральную проблему прибрежных стран Ближнего Востока — Израиля, Ливана, Палестины и Египта. Как верно отмечено авторами, перспективы открываются для этих стран по-разному в связи с возможным или уже существующим экономическим прорывом. Неурегулированность ливано-израильских и палестино-израильских отношений обуславливает ограниченные возможности Ливана и Палестины в использовании таких необходимых им ресурсов моря. В то же время выход Израиля из региональной изоляции, укрепление его как важного элемента ближневосточной системы дает ему очевидные преимущества в практическом овладении и использовании богатств недр шельфа ВС. В главе рассмотрены все варианты экспорта израильского газа в Европу — как в сжиженном виде, так и по трубопроводам. Наиболее перспективным при этом выглядит «партнерство Израиля с Грецией и Кипром в области энергетики», поскольку «стимулирует их трехстороннее политическое и военное сотрудничество» [Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции, 2022, с. 116]. Еще более значимым для Израиля авторы считают укрепление связей с Египтом и Иорданией. Хотя газотрубопровод из Израиля

через Турцию в Европу был бы более коротким и выгодным, но его реализацию Израиль считает рискованным делом из-за определенной непредсказуемости турецкой внешней политики и курса на исламизацию страны.

В параграфе о Ливане перечислены основные трудности, мешающие освоению им своих прибрежных газовых месторождений. Здесь достаточно последовательно описана предыстория сложных отношений между Ливаном и другими бенефициарами прибрежных богатств — Израилем, Кипром, Сирией. Переговоры о делимитации морских границ, которые велись через посредников — Соединенных Штатов и ООН в 2020 и 2021 гг., имели лишь частичный успех, поскольку на уровне ливанского парламента торпедировались делегатами от «Хизбаллы», хотя Ливану предлагались различные выгодные для него варианты соглашений. Предложения эти отвергались также президентом страны Мишелем Ауном.

Однако решительные шаги Израйля, заключившего контракты с крупными западными компаниями, которые возвели на спорных участках шельфа газодобывающие платформы, подвели к ним трубопроводы и начали добычу природного газа, заставили ливанские власти пойти на уступки. В монографии лишь обозначены выгоды, которые мог бы получить Ливан в случае подключения к прямой добыче энергоресурсов своего шельфа. Но спустя месяц после выхода книги в свет такое историческое, по региональным меркам, событие произошло. 27 октября 2022 г. мировые СМИ сообщили о заключении «Соглашения о морской границе» между Израилем и Ливаном. Таким образом, перед Ливаном открываются перспективы выхода из затяжного экономического и финансового кризиса, притока иностранных инвестиций и спада внутреннего политического и социального напряжения. А для Израйля выгода от соглашения заключается в большей безопасности газовых месторождений от террористических угроз.

Что касается палестинского Сектора Газа, то, по мнению авторов главы, неурегулированность палестино-израильского конфликта обусловила непродуктивность 20-летних переговоров о соглашении, касающемся месторождения «Газа Марин». Эксперты считают, что оно могло бы вполне обеспечить население Сектора энергоресурсами. Авторы главы указывают, однако, на ряд препятствий этому проекту как со стороны руководства ХАМАС, так и со стороны Израйля, который желает полностью контролировать энергосистему Газы.

Месту и роли Египта в разработке и воплощении средиземноморских нефтегазовых проектов в последнее десятилетие посвящена объемная шестая глава «Египет в Восточном Средиземноморье» (автор — И. Э. Ибрагимов). В ней достаточно подробно излагается современная история энергетической программы Египта и ее последовательного осуществления не только для полного обеспечения самой страны, но и для максимальных экспортных возможностей. Заслуживают внимания выводы И. Э. Ибрагимова по этим вопросам, которые в тезисном виде присутствуют внутри текста главы. Так, он дает оценку нефтегазовому сектору экономики Египта как наиболее динамично развивающейся отрасли, которая составляет опору экономического роста, и основному источнику обеспечения энергетических потребностей государства; при этом среди других газовых месторождений стратегически важным является «Зохран». Автор также считает, что «нефтегазовый сектор является важнейшим источником иностранных инвестиций и долларовых доходов» страны [Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции, 2022, с. 146–147]. С таким выводом трудно не согласиться, и это подчеркивает сугубую важность общей темы коллективной монографии.

Место и роль Египта в освоении морских богатств освещается в контексте политико-дипломатических методов укрепления его позиций в регионе, заключения соглашений с Израилем, Кипром и Грецией. Отдельные параграфы посвящены израильско-египетскому партнерству

в сфере энергетики и сложным отношениям с Турцией, а также военному аспекту проблемы. Описание и анализ этих отношений И. Э. Ибрагимовым показывают свободное владение рассматриваемой им темы.

В разделе III монографии, состоящем из трех глав, рассматриваются внешнеторговые и политические интересы стран Персидского залива во взаимоотношениях со странами ВС. Автор седьмой главы С. О. Лазовский касается основных направлений экспортно-импортных связей между странами Восточного Средиземноморья и Саудовской Аравией, ОАЭ и Катаром. Схемы динамики торговых отношений этих стран, составленные автором, придают большую убедительность приводимым в тексте фактам и доводам. Политический аспект этих внутренних региональных связей в восьмой главе книги освещает Т. И. Тюкаева. Читателю представлена сложная, противоречивая система отношений и интересов стран Персидского залива, обусловленная их политическими, религиозными и военными понятиями об обеспечении собственной безопасности.

Средиземноморскому вектору внешней политики Республики Иран посвящена отдельная, девятая, глава монографии (автор А. С. Богачева). Интересно, что в начале главы автор отмечает: «Восточная часть Средиземного моря традиционно обозначается на картах в Исламской Республике Иран как «Левантийская» [Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции, 2022, с. 206], а в далекой древности — VI–IV вв. до н. э. значительная часть этих территорий входила в состав Ахеменидской империи. Отталкиваясь от этих фактов, А. С. Богачева подчеркивает, что сирийско-палестинский и сирийско-ливанский театры рассматриваются в рамках ближневосточной стратегии ИРИ как стратегические на фоне нарастания ирано-израильского противостояния. Усилиями вооруженных сил Ирана и Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) при непосредственной поддержке руководства страны в Восточном Средиземноморье реализуются планы Ирана по объединению вокруг себя лояльных ему сил для формирования буферных зон или линий обороны самого Ирана. С такой точкой зрения автора вполне можно согласиться.

А. С. Богачева, описывая интерес Ирана к углеводородам восточного берега Средиземного моря, связывает его с консервативными тенденциями внутренней политики страны. Она также показывает разницу в политических подходах иранских властей к исламским странам региона и отношениям к торговым партнерам европейских стран. При этом Иран последовательно проводит антиамериканскую политику. Такой разносторонний и в то же время сжатый анализ иранской политики на Ближнем Востоке помогает понять сложную картину главной темы представленной книги.

Последний раздел монографии (IV) расширяет рамки проблемы разработки месторождений газа и нефти в Восточном Средиземноморье. Здесь представлены позиции внешних игроков — Евросоюза, России и США. Авторы трех глав П. П. Тимофеев, Н. Ю. Сурков и Г. И. Царегородцева всесторонне и основательно разобрали цели и методы политических, экономических и военных интересов этих стран в Восточном Средиземноморье в XXI в. Особое внимание они уделили вопросам безопасности в регионе с учетом фактора разработки и добычи природного газа. Эти последние главы завершают общую картину, сложившуюся к настоящему времени в таком стратегически важном субрегионе, как восточная часть Средиземноморья и прилегающие к нему страны Ближнего Востока.

В заключение отметим, что все авторы коллективной монографии опираются на большое количество солидных отечественных и иностранных источников, подтверждая высокий уровень данного издания. Читатель, несомненно, отметит обширную эрудицию авторов,

а целостность построения коллективной монографии говорит о профессиональной погруженности в заявленную тему ее составителя и редактора — И. Д. Звягельской. Книга «Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции» вносит ценный вклад в современные российские востоковедные исследования. Поскольку сама изучаемая проблема борьбы за газ в регионе Восточного Средиземноморья развивается и меняет центры напряжения на наших глазах, будем считать, что выпущенный ИМЭМО коллективный труд откроет серию дальнейших глубоких публикаций на эту актуальную тему.

Литература / References

Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции. Коллективная монография / под ред. И. Д. Звягельской. ИМЭМО РАН. М., 2022 [*The Struggle for the Eastern Mediterranean: Interests and Ambitions.* The Collective Monographe to wording Irina D. Zvyagelskaya. IWEIR RAS. Moscow, 2022 (in Russian)].

Подписано в печать 04.05.2023. Формат 60х84/8
Бумага офсетная 80 г/м².
Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 12.
Заказ №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром А. О. Захаров

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Белый Ветер»
115093, Москва, ул. Щипок, д. 28
тел. (495) 651-84-56